

НИКОГДА НЕ ПРОСИ
ОСОБОЙ СУДЬБЫ

МИЛОСТЬ
КРЕСТНОЙ
ФЕИ

МАРИЯ
ЗАБОЛОТСКАЯ

Небольшое предисловие: мне всегда была интересна структура сказки о Золушке (дисclaimer: я не считаю, что это история о том, как получить принца), а деконструкция сказок — вообще мое давнее хобби. Размышляя о классической "Золушке" я сосредоточилась на одном вопросе: как родители Золушки заполучили волшебное существо в крестные своей дочери? Придумывание версий меня так увлекло, что за пару часов был создан набросок-предыстория, ставший прологом к рассказу о доброй девочке, которая носила испачканное золой платье, дружила с мышками и птичками, и не подозревала, что фея-крестная уготовила ей особую судьбу.

Часть 1

Маргарета и фея

Общеизвестно, что один из самых распространенных человеческих страхов — прожить жизнь впустую. Впрочем, каждый толкует пустоту жизни по-своему: одному кажется, что для наполнения ее требуется просто-напросто получить то же, что есть у среднего обычного человека — семью, достаток, способный ее прокормить, и дело, не считающиеся предосудительным среди ближайших соседей. Другие же, напротив, считают, что прожить жизнь, как живут ее обычные люди — и есть худший род пустоты, так что всю жизнь ищут способ ощутить себя особыми, избранными судьбой или богами.

С одной такой мятежной души и начинается наш рассказ.

Молодая женщина, которую звали Маргаретой, недавно родила в законном браке дочь, и оказалась вознагражденной не только счастьем материнства, которое превозносят с сотворения времен, но и, как это нередко случается с молодыми матерями — душевным расстройством, насчет которого люди стараются помалкивать. Иными словами, глядя на младенца, она то плакала от умиления, ощущая себя счастливейшей женщиной на земле, то скрипела зубами от неясных страхов, угрызений души и прочих темных чувств, объяснить которые самой себе не могла. Осень в том году началась рано, погода стояла холодная и мрачная. Каждая злая морозная ночь отъедала по кусочку время у слабого, блеклого дня, и на душе у Маргареты становилось все беспросветнее.

Ее собственная мать, которую все давно звали не по имени, а Старой Хозяйкой, раз уж она всем заправляла и в своем доме, и в доме зятя, смотрела на нее с беспокойством, однако вслух повторяла, что это все сродни родильной горячке и вскоре пройдет само по себе. С Маргареты — единственной своей поздней дочери — она не сводила глаз ни днем, ни ночью, терзаясь такими же неясными опасениями, и вскоре оказалось, что чутье ее не подвело.

— Матушка, — обратилась к ней Маргарета как-то раз. — Скажите-ка, а правду говорят, что женщины из нашего рода могут взять фею в крестные для своего ребенка?

— Вздумалось тебе повторять старые сказки! — сердито воскликнула Старая Хозяйка. — Посмотри, как ты побледнела и подурнела от глупых мыслей! Твой муж вскоре перестанет тебя узнавать — и подделом! А он ведь любит тебя, славный добрый человек!.. Я выдавала тебя замуж настоящей красавицей, все соседские кумушки локти кусали от зависти, что не в их дом пойдет такая невестка. И что теперь? Волосы блестели золотом, а нынче солома соломой, щеки серые, глаза словно паутиной затянуты...

— Ах, матушка, разве важно это все, раз жизнь моя устроилась так обыденно? — отмахнулась Маргарета. — Ни волосы, ни глаза не помогли мне стать чем-то большим, нежели я была...

— Право слово, ты городишь какую-то чушь!.. — успела вставить рассерженная Старая Хозяйка, но печальная, исступленная Маргарета не обратила никакого внимания на ее слова.

— Посмотри — какой ни была я красавицей, однако не вышла замуж сколько-нибудь удачнее, чем мои подруги. Жила в усадьбе с одной стороны ручья, а потом, как вышла замуж, перебралась в такую же — только на противоположном берегу...

— Ничего себе — такую же! — вскричала в негодовании ее матушка. — Да здесь одной только пашни вдвое больше, в доме — два камина, а уж какие здесь луга!..

— Все то же самое, — упрямо повторила Маргарета. — Каминном больше, каминном меньше — а все же мы здесь живем совершенно одинаково. Моя доля ничем не отличится от твоей, а поменяй нас местами с теми же Брайнами — никто со стороны не заметит разницы.

И как не ругалась с ней Старая Хозяйка, которую возмущала сама мысль, что кто-то может спутать ее с соседкой, болтливой тощей кумушкой Брайн, Маргарета лишь бледнела, дурнела и все разговоры сводила к тому, как скучна судьба у обычных здешних людей.

Устав от этих бесполезных споров, матушка в конце концов решила, что разговор и впрямь стоит перевести на старые сказки — раз уж они интересуют Маргарету. Зять, на счастье, в то время был в долгом отъезде и не слышал, какие странные речи начала вести жена — но что будет, если он вернется, а Маргарета при нем заговорит об убогости своей доли? Какой мужчина стерпит, чтобы его дом и род попрекали заурядностью?

— Что ж, милая, — говорила она, щупая горячий лоб дочери, которая вовсе перестала подниматься с постели и не согревалась, хоть огонь в камине горел и день, и ночь. — Ты что-то говорила о феях?.. Надо же, какая у тебя память — все-все помнишь, я рассказывала тебе эту историю давным-давно, когда ты болела... вот как сейчас, бедное мое дитя. В самом деле, наш род по женской линии идет от знатных заморских чужестранцев, которые поселились здесь, у великого леса, в незапамятные времена. От них же нам достались золотые волосы и голубые глаза — здесь таких раньше не водилось. Лесные духи поначалу невзлюбили соседей, но затем какая-то из наших пра-пра-прабабок сумела с ними подружиться — то ли спасла из капкана верховую лань, на которой ездила лесная принцесса, то ли любезно поприветствовала дочь туманов... Кто знает, как оно было! Но с той самой поры женщина из нашего рода может позвать фею в крестные для своей дочери — и только для дочери. Потому-то, наверное, так и вышло, что рождаются у нас почти одни девочки. У твоей тетки мальчик родился лишь после семи девчонок — сама знаешь!

Тусклые прежде глаза Маргареты, бездумно баюкавшей младенца, заблестели.

— Как это славно! — воскликнула она и принялась целовать спящую девочку. — Слышишь, Эли? Ты могла бы получить фею в крестные!

— Могла, а как же, — закивала головой Старая Хозяйка, обрадовавшись тому, как оживилась ее дочь. — Так что не говори, будто в нас нет ничего особенного — многие ли могут похвастаться таким даром? Уж предки Брайнов точно и краешек плаща феи не смели бы поцеловать! Никто, правда, из нашего семейства на моей памяти не воспользовался милостью Иных — и хвала господу. Опасная это затея — лишний раз привлекать к себе их внимание. Хорошо, что их нынче нет! Лет сорок прошло с тех пор, как здесь видели в последний раз фею, и, говорят, она не сотворила тогда ни единой злой проказы, не подшутила ни над одним лоботрясом, и даже от лихорадки никто не помер — может, то и не фея была вовсе?..

— Матушка, ты говорила с теми, кто видел фею? Как она выглядела? Где показалась людям? — засыпала ее вопросами Маргарета, и Старая Хозяйка, умиленно подумав, что ее дочь — сама еще сущий ребенок, принялась рассказывать, что фею заметили в старом яблонево саду, который сейчас совсем заброшен.

— ...И тогда деревья были такими дряхлыми, что едва-едва выдерживали тяжесть яблок, а сейчас там одни только кислицы да кусты бересклета. Было время, когда за этот сад вели спор твой прапрадед и прапрадед любезного твоего Одерика — он как раз на границе наших земель. Это сейчас дрянные деревья никому не нужны, а прежде лучших красных яблок в этих краях было не сыскать. Поговаривали, что они могли висеть на ветках до

первых снегов — настолько крепкими и сочными были. Сохранялись они в погребах до самой весны — гниль их не брала, и никто не видел в них червоточины. А все потому, что какой-то хитрец из нашего рода выпросил у случайно встреченной феи яблочное зернышко — сказал, что сроду не видал таких алых губ, как у нее. «Да ведь только мне никто не поверит, добрая госпожа, когда я буду рассказывать про это! — сказал он фее, усердно кланяясь. — Мне и сравнить-то не с чем, кровь людская — и та бледнее! Если бы ваша милость подарила мне зернышко от того волшебного яблока, которое у вас в руках!.. Вот оно-то точь-в-точь алое, как ваши губы! Я бы вырастил из него дерево, дождался яблок и всем бы говорил, что цветом они, как губы самой прекрасной из дев тумана!..» Фее пришлось по душе его хитрость и обходительность — и, к тому же, он был хорош собой, как и все юноши из нашего рода! — вот она подарила ему зернышко. Многие считали, что он мог бы попросить что-то более ценное, раз уж фея оказалась так добра, но потому-то эти глупцы и не пользовались расположением Иного Народа...

— Так что же — фея пришла потом в тот сад? — нетерпеливо спросила Маргарета. — Она искала красивого юношу?

— Может, и искала, — рассудительно отвечала ее матушка. — А, может, то была совсем другая дама. Кто их разберет — они настолько красивы, что человеческий глаз одну от другой не отличит. Дело было поздней осенью. Слуга-бездельник пришел ближе к вечеру убрать изломанные ветки в саду, упавшие летом под тяжестью плодов. Алых крепких яблок по-прежнему родило так много, что мой батюшка приглашал ближних и дальних соседей собирать урожай и разрешал унести с собой столько, сколько мог поднять один человек. Но даже они не могли собрать все плоды до единого, и в осеннюю хмурую пору яблоки светились темно-алыми огоньками среди голых черных ветвей.

Из веток получился огромный костер, ярко пылавший в холодных осенних сумерках. Видимо, фее понравился его свет, и она вышла из-за деревьев — платье из тумана и дыма осенних костров, вышивка на нем — из вечерних звезд, а в глазах — лунный свет. Слуга оказался преглупым увальнем и испугался так, что принялся кричать на нее, мол, нечего ходить в чужом саду и зариться на яблоки. Она расхохоталась, поднявшись над землей, как бесшумная серая птица. Затем сорвала яблоко с ветки и сказала, что люди испортились и стали так грубы, что говорить с ними никакого удовольствия. Слуга же, вместо того, чтобы просить прощения, трусливо сбежал, вопя во весь голос. Когда люди сбежались в сад, то увидели, что там никого нет, а яблоко, которое сорвала фея, лежало на земле — надкушенное ее острыми зубами и почерневшее. Те, кто видел его, клялись, что на нем отпечатались клыки, как у дикого зверя. Ну а по весне старые яблони начали сохнуть одна за другой, и вскоре сад погиб — не осталось больше яблонь с чудесными алыми яблоками. Вся поросль оказалась дичками, а плоды на них — сплошь горько-кислые.

— Но вы ведь говорили, что фея не сотворила тогда злых проказ, — заметила Маргарета, слушавшая очень внимательно.

— Так кто знает, по ее воле это случилось или же нет? — развела руками Старая Хозяйка. — Деревья были очень древними, им давно пришло время умирать. Ну а от старого хорошего корня часто идет бесполезная дрянная поросль.

— А как же милость фей? Мы все еще можем приглашать их в крестные?

— Возможно, что и так, — матушка погладила Маргарету по голове. — Но кому бы вздумалось это проверять?..

— Что же плохого в том, чтобы выпросить у Иного народа милость для ребенка? —

Маргарета говорила с некоторой обидой, хмурясь и кусая губы; ей не нравилось, как Старая Хозяйка уводит разговор в сторону. — Разве не ищет каждый для своих детей помощи и покровительства?

— Покровительство феи дорого обходится! — сердито отвечала ей мать. — Каждая их милость — с подвохом.

— Зато и судьба станет особой! — сказала на это Маргарета, и снова поцеловала свою маленькую дочь, шепча ей, что прежде в мире не рождались такие красивые славные девочки.

— ...Разве тебе место в этих лесах?.. — повторяла она вполголоса, глядя на розовое младенческое личико. — Разве для такой жизни ты рождена? Нет, ты заслуживаешь гораздо большего! Даже при королевском дворе нет таких красавиц. Твой удел должен быть велик — не то что у нас!..

— Ох, Маргарета, побойся бога! — вскричала Старая Хозяйка, слышавшая в этих словах нечто тревожное и дурное. — Не вздумай звать к Эли фею!

Но дочь не смотрела ей в глаза, качала ребенка и тихонько напевно повторяла: Эли вырастет такой красавицей, что выйдет замуж за принца — не меньше, особенной девочке — особенная судьба!.. Скоро, Эли, скоро! Удача улыбнется тебе, судьба будет добра, а высшие силы не откажут в милости...

...Но разве не все счастливые матери лепечут что-то похожее своим маленьким дочерям?..

Несколько дней Старая Хозяйка тенью ходила за Маргаретой, желая разувериться — или убедиться окончательно? — в своих подозрениях. Но Маргарета ожила, лицо ее посвежело, и косы заблестели золотом. Красивее девушки не было в здешних краях, разве что нос мог быть чуть тоньше и длиннее, а щеки — не так округлы, но кто замечает такие мелочи, если голубые глаза сияют, а белая кожа нежна, как шелк?.. Болезнь уходила, и сердце Старой Хозяйки постепенно успокаивалось — дочь больше ни словом не обмолвилась о феях или скучной жизни.

— Пора мне навеститься в свой собственный дом, — наконец сказала она сварливым, но, вместе с тем, довольным голосом. — Наверняка слуги совсем обленились и бездельничают день-деньской! Ох и задам же я им трепку, если во дворе не прибирались, в доме не чистили дымоход, а лисы растащили кур!..

Продолжая вслух перечислять все воображаемые бедствия, свалившиеся на усадьбу в ее отсутствие, Старая Хозяйка быстро собралась в недалнюю дорогу, шустро запрыгнула в коляску и отбыла, на прощание расцеловав дочь и внучку, при этом проливая положенное количество счастливых слез.

Той же ночью Маргарета, отпустив всех слуг пораньше, накинула плащ, взяла на руки Эли и пошла в старый сад. Страх она не испытывала — напротив, ее била дрожь радостного предвкушения.

Ночь выдалась ясной, но в зарослях диких яблонь царил непроглядная тьма. С трудом Маргарета пробиралась вперед, бережно прижимая к себе спящую дочь, чтобы голая кривая ветка не коснулась ее лица, не брызнула холодной дождевой водой, не напугала громким треском. Неясное, но сильное убеждение вело ее вперед и собственные поступки не казались безумными или глупыми. «Это здесь! Это здесь! Я рождена на свет, чтобы на этом самом месте произнести нужные слова!..» — повторял внутренний голос.

— Госпожа фея! — громко сказала она, остановившись. — Я прошу вас стать крестной

матерью моей дочери!

Должно быть, другой человек, услышав тишину ночного заброшенного сада, подумал бы, что его просьба осталась никем не услышанной, но Маргарета терпеливо ждала, ничуть не сомневаясь в том, что получит ответ.

Луна зашла за тучу, и вышла из-за нее, ветер шумел в ветвях. Лесной зверек зашуршал в пожухшей траве. Маргарета стояла неподвижно, глядя в темноту — и только ее руки в тонких перчатках подрагивали. Она знала, что все делает верно.

— Что ж, ты вправе просить об этом! — прошелестел тихий голос. Тени кривых ветвей качнулись, хотя ветер к тому времени стих, а затем слились в единую изломанную полосу тьмы. И из нее, как из трещины, ведущей в неизведанные недра, медленно и торжественно появилась тонкая высокая фигура. Лица ее было не разглядеть — она походила на осколок звездного неба, упавший на землю: абсолютная чернота и мелкие искры звезд.

— Согласитесь ли вы?.. — полепетала Маргарета, испытав запоздалый страх: вовсе не так она представляла себе Иное существо.

— Я должна взглянуть на девочку, — промолвила тьма. — Не каждый человек достоин особой судьбы!..

Звездная чернота была холодна, как лед; пальцы Маргареты онемели, когда фея склонилась над младенцем, а Эли, почувствовав дыхание Иной, захныкала во сне.

— Что ж, — сказала фея. — Эта девочка может стать моей крестницей!

Внезапно Маргарета ощутила тревогу, хоть слова эти должны были стать подтверждением ее самых заветных мечтаний.

— Моя дочь... — неуверенно начала она. — Моя дочь может стать кем-то... значительным?..

— О, да, — согласилась фея.

— Она прославится, будет богатой, выйдет замуж за знатного человека?..

— Это может случиться с ней.

— На ней женится... принц? — страхась собственной храбрости, спросила Маргарета.

— Если я сделаю ее судьбу особой, — отвечала тьма.

— Эли заслуживает самого лучшего! — горячо промолвила Маргарета, отчего-то чувствуя, что надо кого-то убедить в правильности своего поступка: фею?.. Саму себя?..

— Да, это очень славная девочка, — тьма снова склонилась над младенцем. — Она вырастет красивой, доброй и умной — в человеческом понимании, разумеется. Но это еще не залог особой судьбы, Маргарета.

Феи знают многое — отчего бы им не знать имя той, что пришла просить их покровительства? — но в тот миг, когда Иная обратилась к Маргарете по имени, все переменилось. Страшное и тягостное предчувствие сжало ее сердце.

— А что же такое — особая судьба? — спросила Маргарета, испугавшись так, что разум ее прояснился — теперь она отчетливо понимала, как безумна была ее затея.

Фея замерла — до этого она плавно, по-змеиному, покачивала головой, все еще разглядывая младенца. Потом рассмеялась тихо и недобро.

— Забавно!.. Это будет забавно! — воскликнула она. — Видишь ли, Маргарета, обычно на этот вопрос мы не отвечаем. Да его никто и не задает. И я бы ушла, едва услышав его — ведь это значит, что ты сомневаешься, а мы не любим сомневающихся... Но сегодня сделаем по-другому. Я скажу тебе, какая особая судьба ждет Эли! Она выйдет замуж за принца, но до того ты, Маргарета, умрешь, так и не увидав, какой красавицей стала твоя дочь. Затем

умрет твой муж, Одерик, да и старой матушке твоей осталось жить недолго. Эли останется одна, на попечении чужой злой женщины, и долгие годы каждый ее день будет начинаться со слез и заканчиваться слезами. Ее будут бить, унижать и принуждать к самой грязной работе. Если она вздумает кому-то пожаловаться, то ее высмеют и накажут вдвое больше. Если попробует сбежать — вернут и посадят под замок, на хлеб и воду. В ее жизни не будет ни капли счастья, и любой другой человек от такого ожесточится и огрубеет. Но твоя Эли способна все это выдержать — я вижу это. Раны затянутся, кости срастутся. А в тот миг, когда отчаяние ее станет таким полным, что сердце будет готово вот-вот разорваться — к ней приду я. Я одарю ее несравненной красотой, приведу к принцу и сделаю так, что он полюбит ее, а она — его, как будто сама судьба предназначила их друг другу. Эли поверит в то, что это — счастливый исход, и до конца дней будет благодарна мне, как была бы благодарна своей доброй матушке, останься ты в живых. А когда у нее родится дочь, то она попросит меня стать ее крестной матерью, чтобы у девочки была особая судьба...

— Нет! — прошептала ошеломленная Маргарета. — Нет! Это ужасно, я не могу... я не хочу! Почему вы желаете зла ей? Мне?.. Просто ради забавы? Разве не в ваших силах просто дать ей любовь, богатство, почет?.. О, вы просто играете с нами и радуетесь, когда нам больно, ведь так?..

— Вовсе нет, — с радостным предвкушением возразила фея. — Я не всемогуща и не могу управлять судьбами. Создать чудо истинной взаимной любви и вовсе не под силу ни одному чародею или фее — то ли дело наколдовать любовь несчастную и бесполезную!.. Создать нечто прекрасное и гармоничное всегда сложнее, чем разрушить. Для судьбоносных чар нужно много, много особой силы! И взять ее можно только из человеческих страданий. Разве ты не слышала, что человек добывает счастье потом и кровью? Старые храмы не зря омывались кровью жертв — люди в те времена больше смыслили в истинной магии, хоть и называли вслух ту силу благословением богов, да и управлять ею толком не умели. Им хватало того, что в местах, где кто-то страдал, появлялось нечто, помогающее изменять судьбу, отвечающее на просьбы и мольбы. Теперь же считается, будто пройдя тяжкие испытания, не сломавшись и не отступив, люди получают право на чудо. Поверхностный взгляд! Сколько людей гибнет безвестными, страдав большую часть своей жизни!.. Твоей дочери повезет — я сумею с наибольшей выгодой обменять ее мучения на лучшую долю. Без ловкого посредника никто не заключит эту сделку по правилам, а лучше меня тебе не найти. Себе же я возьму совсем немного, должна же я получить хоть какое-то вознаграждение за свой труд...

Маргарета от страха не могла сделать ни шагу, хотя больше всего на свете желала покинуть старый сад и никогда не возвращаться. Впрочем, она понимала, что теперь, как быстро бы она не бежала, как далеко бы не пряталась — часть ее останется говорить с феей ровно столько, сколько захочет создание, сотканное из звезд и тьмы. Чутье, присущее ее роду — умеющему говорить с феями, — подсказывало ей, что нельзя уходить, спорить или как-либо еще проявлять неуважение.

— Простите меня, сударыня фея, — сказала она, с трудом сдерживая слезы, и упала на колени. — Простите за то, что я решила, будто достойна вашей милости! Я отняла у вас время, болтала невесть какие глупости, но теперь ясно вижу, что польстила себе, когда обратилась к вам с просьбой. Я слишком малодушна и труслива. Я не хочу умирать. Я не хочу, чтобы моя дочь страдала. И мне вовсе не хочется для нее особой судьбы — мне и в голову не приходило, что это значит на самом деле! Нет, мы самые обычные люди и нам не

следует тревожить фей...

Фея молча слушала ее. Весь силуэт ее подрагивал и мерцал, словно сгусток тьмы, из которого она состояла, готов был взорваться и расплескаться, заполнить собой весь мир.

— По меньшей мере, ты говоришь со мной честно, — наконец, сказала она. — Хорошо, что ты понимаешь, насколько ничтожна и недостойна того, чтобы дотронуться до краешка особой судьбы. Вначале я хотела примерно наказать тебя — и лучше тебе не знать, как именно! — но теперь обойдусь лишь самым незначительным проклятием. Я потратила на тебя слишком много времени, чтобы не получить взамен хоть сколько-нибудь пользы. Раз ты просишь меня о снисхождении и признаешь свою ошибку — я, разумеется, не стану крестной твоей дочери. И ее судьба останется самой обычной судьбой смазливой человеческой девчонки. Но кое-чем я все-таки ее вознагражу — чтобы и ты, и она навсегда запомнили, как глупо мечтать о богатстве, почете и любви, которых недостойны. Ты надеешься, что внушишь ей благоразумие, которое сама обрела сегодняшней ночью, и она проживет свою жизнь счастливо и мирно, не помышляя о недостижимом. Но я обещаю: когда Эли встретит принца, то полюбит его сильнее самой жизни — и не получит взаимности, как это всегда бывает с обычными девушками. Он даже не заметит ее! А без него она не сможет жить. И все потому что сегодня ты, Маргерита, малодушно отказалась от дара особой судьбы! Расскажешь ей про сегодняшнюю ночь или нет — решать тебе самой. Боль разбитого сердца и погубленная жизнь Эли когда-нибудь послужат мне небольшим подарком за то, что я сегодня столько говорила с глупой трусливой женщиной!.. Прощай — и никогда больше не смей меня призывать!..

Маргарета, смутно понимая, что только чудо спасло ее от гораздо худшего и скорого наказания, бросилась бежать домой со всех ног, спотыкаясь и рыдая. До самого утра ее сотрясала лихорадка, и Старая Хозяйка, примчавшаяся к постели дочери, едва только встревоженный слуга передал ей дурную вест, с трудом узнала неразумное свое дитя. От пережитого страха Маргарета едва могла говорить, заикалась, беззвучно плакала, и лишь к вечеру, отогревшись у огня, призналась матери, какую ошибку совершила.

У Старой Хозяйки язык не повернулся ругать дочь — та раскаивалась так глубоко и искренне, как только может каяться человек, едва не погубивший в один миг жизни всего своего семейства.

— Ох, ну и натворила ты беды! — только и сказала она. — Теперь за бедной Эли всегда будут приглядывать из сумерек и туманов. Как же убережешь ее от проклятия?.. Сослаться на болезнь и держать взаперти? Искать колдуна, который снимет порчу? И как, скажи на милость, мы это утаим от Одерика?..

Но Маргарета и впрямь обрела исключительное благоразумие после встречи с феей. Вместо того, чтобы скрывать от мужа произошедшее, она рассказала ему правду, едва он только вернулся домой. О доброте Одерика, и о его любви к жене вы можете судить по тому, что он выслушал ее, не сказав ни единого гневного слова, вздохнул, а затем задумчиво заметил:

— Проклятие не самого худшего рода — и на том спасибо.

Маргарета разрыдалась, устыдившись своего поступка вдвойне сильнее, а муж обнял ее.

— Кто бы сомневался, — промолвил он, — что в эту пору тоска берет за душу настолько, что хоть волком вой. Не вини себя. Жизнь в наших дремучих краях тяжела для тех, кто не утратил живость ума и воображения — я полюбил тебя, когда увидел, что ты их не лишена, и с моей стороны будет совершенно нечестно теперь объявить это

недостатком. Но у забытой богом местности есть и неоспоримые преимущества. Посуди сама — откуда здесь взяться принцу? Видела ли ты хоть одного за всю жизнь? Куда хуже было бы, пообещай твоя фея, что Эли безответно влюбится в свинопаса — этих ребят здесь водится куда больше, чем принцев! Не плачь, милая. Наша дочь выйдет замуж за какого-то паренька из соседней усадьбы, а затем проживет свою жизнь тихо и мирно. К чему горевать о том, что никак случиться не может?

— Но фея обещала...

— Ты сама говоришь: эта дама признавала, что не всеильна. Должно быть, она погорячилась, когда давала свое обещание, — с улыбкой отвечал Одерик. — В наши леса принца и на аркане не затащишь. Наверняка она собиралась сказать «если Эли встретит принца», а не «когда» — так звучит куда разумнее. И куда маловероятнее!

Его спокойное рассудительное отношение мало-помалу успокоило Маргарету, и спустя некоторое время она решила про себя, что проклятия феи можно избежать, если вести себя разумно и никогда не выезжать с Эли далее ближайшей ярмарки. Но пережитой страх никогда не покидал ни ее саму, ни Старую Хозяйку, да и Одерик отнесся к истории с феей куда серьезнее, чем хотел показать. Все они теперь следили за маленькой Эли, как ни одна другая здешняя семья не следила за своими детишками. Никогда они не оставляли девочку одну — что в доме, что во дворе. Соседи шептались, что эдак они вконец избалуют дитя, но в каждом углу — свои порядки.

А сумерки и туманы следили за Эли еще внимательнее.

Часть 2

Эли и фея (1)

С самого начала у Старой Хозяйки, Маргареты и Одерика вышел спор — как уберечь маленькую Эли от злой воли феи.

— Нужно держать ее взаперти, — говорила Старая Хозяйка. — Пусть не выходит со двора, ни к чему ей глупые детские забавы и праздное шатание по округе. Найдем старуху-учительницу — самую строгую изо всех! — она научит Эли читать и писать. А затем, едва девчонке сравняется пятнадцать лет, выдадим замуж за надежного человека постарше — чтоб и он за ней приглядывал. Обручить их следует пораньше, хоть бы и в первый год ее жизни! Будет с ранних лет знать, что будущее ее predetermined — и о глупостях думать не станет. Влюбиться она попросту не успеет, да и не в кого. Феи сильны в лесах и в старых садах, а в дом честных людей им ни за что не проникнуть, руки коротки. Опасность подстерегает Эли в большом мире — стало быть, нужно сделать так, чтобы она туда не сбежала!..

— Ох, матушка, не слишком ли вы жестоки? — взмолилась Маргарета. — Это все ненамного лучше того будущего, которое сулила ей фея! Бедное дитя будет жить как в тюрьме! Быть может, поубавить строгость? Она будет расти под постоянным присмотром старших, я согласна, но почему бы ей не выходить из дому со мной или же с вами? И без подруг ей будет скучно. Пусть у нас погостят соседи — велика ли в том беда? Мы всегда увидим, благонравны ли те девочки, с которыми водится Эли, и подскажем ей, с кем дружить, чтоб никто не внушил ей дурных намерений... Что скажешь, Одерик?

Одерик все это время возился с Эли и делал ей козу, так что можно было подумать, будто он не расслышал ни единого слова. Заговорил он не сразу.

— Запереть Эли на семь замков, выпускать из дому только под присмотром матери и бабки — а то и обеих сразу!.. — задумчиво произнес он. — Разрешать ей говорить с теми девочками, которые покажутся нам послушными и благонадежными! Обручить пораньше с каким-нибудь стариком, чтоб она знала — в пятнадцать лет ей придется выйти за него замуж! Да еще и карга-учительница — как будто всего прочего мало!.. Как по мне — нет вернее средства, чтобы девочка решила: отсюда нужно бежать со всех ног, едва только представится возможность. И уж тут-то беды не избежать — с проклятием или же без него. В противном случае она вырастет настолько тихой и робкой, что будет бояться каждого шороха и подчинится любому приказанию — стоит только кому-то прикрикнуть и принять важный вид. А ведь ей, возможно, придется когда-нибудь послушаться лесную фею! Эли должна вырасти настолько храброй и упрямой, чтобы не испугаться проклятия и побороться за свою судьбу...

— Да кто же посмеет послушаться фею? — вскричала Старая Хозяйка, всплеснув руками.

— А кто сумеет спрятаться от ее проклятия? — ответил вопросом на вопрос Одерик, и его почтенная теща не нашла, что ответить на это.

— Вот что я скажу, — он говорил твердо и уверенно, не отводя взгляда от крошечной дочери, лежавшей у него на руках. — Эли никуда не сбежит из лесного края, если полюбит его от души и почувствует себя счастливой и свободной, как нигде более. От добра добра не ищут. Да и каков смысл был в том, чтобы уберечь ее от сиротской горькой доли, если взамен мы награждаем ее судьбой бесправной узницы, запертой в четырех стенах? Пусть у нее будет

все, что она пожелает. Пусть даже тень той, второй судьбы никогда не коснется ее. Чем больше у нее будет друзей и подруг — тем труднее ей будет расстаться с родными местами. Кто знает — быть может, она так крепко влюбится в кого-то из здешних парней, что ни одно проклятие не сможет с этим ничего поделать!.. А если уж беды не удастся миновать — у Эли хватит сил и мужества, чтобы узнать правду.

— Счастливые люди слабее несчастных! — проворчала Старая Хозяйка. — Беды и невзгоды закаляют человека!

— Или же пугают его так, что он глаза боится от земли поднять, — непреклонно ответил на это Одерик. — Разве вы, матушка, не приказываете слугам пропалывать грядки, чтобы получить добрый урожай? Отчего же вы не говорите: «Пусть поля зарастают сорной травой, в невзгодах морковь станет крепче, а капусту нужно вовсе истоптать ногами, чтобы лучше уродила!»?

— Людей сравнивать с капустой — смех, да и только! — воскликнула Старая Хозяйка, но спорить с зятем далее не решилась.

Что до Маргареты, то в глубине души она была согласна с мужем: страшные картины будущего Эли, обрисованные феей, навсегда отпечатались в ее памяти. Стоило девочке заплакать — и Маргарета тут же представляла, как плакала бы она от того, что ее мучают чужие злые люди, как она ищет помощи и утешения — но не находит. Конечно же, ей хотелось, чтобы Эли никогда не знала бед и огорчений, да и строгость Старой Хозяйки ей в детские годы довелось узнать как нельзя лучше: матушка была временами добра, по большей части справедлива, но жить с ней в одном доме было решительно невыносимо.

Так и вышло, что воспитывали Эли согласно воле ее отца, а отцом Одерик был предобрейшим.

Эли и фея (2)

...Какой же была эта девочка, едва не получившая в дар особую судьбу?

Фея не ошиблась — они никогда не ошибаются! — Эли росла доброй и красивой. В лесном крае, где одну усадьбу не увидеть из окна второй, а в городках даже главные площади не замощены камнем, она вполне могла считаться самой милой девочкой в округе. В городе побольше — из тех, где есть настоящие гостиницы и ярмарки проходят три раза в год, — ее, пожалуй, сочли бы хорошенькой и оглянулись бы вслед. А вот в столице — признаемся честно — ей пришлось бы довольствоваться званием самой миловидной девочки квартала, не более того.

На рубеже двенадцати-тринадцати лет, когда Эли особенно заметно вытянулась за лето, стало очевидно, что в ее свежем лице недостает той яркости и выразительности черт, которые при самом мимолетном знакомстве запоминаются людям на всю жизнь. В столице тогда бытовало мнение, что истинных красавиц можно сравнить либо со льдом, либо с пламенем — по крайней мере, так говорилось в самых известных стихах и песнях того времени. Прелесть Эли в таком случае могла быть определена, как что-то родственное безыскусному полевому цветку. Разумеется, в мире полно прекрасных ромашек и они радуют непритязательный глаз — но куда им до жгучих языков огня или вечного сияния снегов!..

Как и Маргарета, Эли обещала в скором стать невысокой стройной девушкой со светлыми, чуть рыжеватыми волосами — густыми и блестящими, но, увы, ничуть не похожими на золото или медь. Лицо ее очертаниями напоминало сердечко, нос был чуть коротковат и курнос, голубые глаза — с добрым лукавым прищуром, выдающим простоту нрава и склонность к шутливым проказам. Таких девочек обычно наряжают в пышные платья с узором из мелких цветов — они словно созданы друг для друга, — и угощают сладостями без меры.

Но тут-то и сказались странности, в которых, была повинна то ли злопамятная фея, то ли необычное воспитание Одерика, разрешавшего Эли вести себя так, как ей вздумается.

Начнем с того, что с самого раннего детства Эли любила животных и птиц, и они платили ей взаимностью. Под каким бы деревом во дворе ее не посадили родители — спустя несколько минут на ветвях рассаживались большие и малые птицы, рядом на земле укладывались дремать тощие дворовые коты, а бродячие собаки просовывали свои носы в щели забора и радостно взвизгивали, приглашая девочку с ними поиграть. Сколько ни прогоняли Маргарета и Старая Хозяйка эту шумную компанию, верещавшую и чирикавшую на все лады — но стоило им только отвернуться, как звери и птицы возвращались, словно кто-то отдал им приказ не отходить от девочки ни на шаг.

В комнате у нее всегда водились мыши, и она залиvisto хохотала, когда мать или служанки пугались мышонка, забравшегося под подушку. Ей не нужны были никакие куклы, никакие игрушки — лишь бы только возиться со щенками и котятами, чесать гриву коню или следить за воробьями.

Стоило ей подрасти, как вся ее одежда покрылась пятнами и дырками, зашивать которые не успевала ни Маргарета, ни служанки. Во всех карманах, за пазухой и в носовом платке Эли прятала объедки для котов и собак, набивала туфли зерном для птиц и даже в ее растрепанных волосах была припрятана корочка хлеба для лошади.

— Ох, да какая же она грязнуля! — в отчаянии повторяла Маргарета, наблюдая, как

дочь ползает по траве вдоль забора, чтобы изловить потерявшегося цыпленка и вернуть курице.

— Фея же сказала, что Эли будет доброй, — невозмутимо отвечал на это Одерик. — Какая же доброта возможна без любви к бессловесным тварям?

— Но она постоянно испачкана то сажей, то золой!..

— Ты запрещаешь ей брать еду для собак и котов — вот она и пробирается на кухню исподтишка, чтобы украсть побольше.

— Вся ее одежда грязная и рваная!

— Она сбегает в лес, чтобы посмотреть на диких животных и порезвиться вволю — ни одно платье не выдержит таких испытаний.

— Запрети ей ходить в лес! — взмолилась Маргарета. — Разве не в лесу волшебство фей сильнее всего?

— Разве не в лесу принцев — да и людей вообще! — водится меньше, чем где бы то ни было? — Одерик развел руками. — Ей нравится гулять в одиночестве, и если мы запрем ее в комнате — кто знает, не стрызут ли мыши наш дом до основания?

— Ох, эти мыши! — вскричала Маргарета, в сердцах потрясая руками. — Эти мыши!.. Весь дом уставлен мышеловками — отчего же в них никто не попадается?!

— Оттого, что твоя дочь выбирается по ночам из кровати и портит все мышеловки, которые находит, — отвечал Одерик, добродушно похохатывая. — Если бы не коты, которые сбредлись в нашу усадьбу со всей округи, то мыши съели бы даже наши туфли!..

— Коты!.. — обессиленно повторила Маргарета. — Да, и правда. Тут полно котов, мышей, собак — и все из-за Эли...

— Подумай лучше, — сказал Одерик гораздо серьезнее, — быть может, следует говорить не «из-за Эли», а «для Эли»?

— Что ты имеешь в виду?

Одерик умолк — как это всегда бывало перед словами, которые он до того обдумывал не один день, — а затем промолвил:

— Быть может, звери и птицы лучше людей знают, как следует защищать Эли от злой воли высших существ?..

Эли и фея (3)

Так и вышло, что у Эли действительно появилось множество друзей — вот только людей среди них не водилось.

Целыми днями она пропадала в лесу, не замечая ни жары, ни холода, ни дождя, ни снега. Письмо и счет казались ей несложными, но скучными науками, и, обучившись положенным для здешних детишек невеликим премудростям, она с чистой совестью занялась тем, что было куда интереснее и важнее: подзывала лесных птиц особым свистом, чтобы потом перекликаться с ними на все голоса или бегала наперегонки с косулями. Руки у нее покрылись сеткой тонких белых и красных шрамов от укусов и царапин — Эли играла с лисятами и волчатами, словно это были домашние щенки. Иногда она засыпала от усталости около норы — и тогда лесные детеныши сворачивались клубочками рядом, показывая, что считают девочку существом, ничем от них самих не отличающимся. Взрослые лесные звери держались с Эли более недоверчиво, но никогда не причиняли вреда. Впрочем, об этом она не рассказывала дома, и даже Одерик не догадывался, как далеко она забирается в чащу.

С десяти лет она научилась крепко, по-мужски держаться в седле и ей разрешили брать из конюшни старую кобылу, когда-то верой и правдой служившую Одерiku. Иной раз выходило так, что за весь день никто не видел Эли — она уезжала на рассвете, а возвращалась только под вечер, и одному только богу да лесным жителям было известно, где она пропадала.

— Помяни мое слово, зять, — как-то сказала Старая Хозяйка, неодобрительно смерив взглядом внучку, вытиравшую пот с конских боков, — ты натворил беды с воспитанием Эли! Доброта — это, разумеется, хорошо, но... не глупа ли она? Игры со щенками и котятками годятся разве что для детишек — а она уже не ребенок.

— О, Эли знает о жизни побольше нашего, — ответил Одерик. — Не заблуждайтесь на ее счет.

И в самом деле, нет более жестокого учителя, чем природа, и нет законов более безжалостных, чем законы леса — а Эли хорошо изучила их, блуждая по заброшенным тропам. Ее доброта давно уже не была детской и бездумной. Высшее милосердие, как известно, иной раз заключается в том, чтобы прекратить мучения живого существа — и она была на это способна с тех пор, как отец подарил ей острый охотничий нож.

— Скажи, Эли, — спросил он, перед тем, как отдать подарок, — не встречала ли ты в лесу что-то... странное?

— Что странного может быть в лесу? — ответила Эли вопросом на вопрос. — Там все и всегда устроено справедливо и правильно. Это люди бывают странными — вот как вы сейчас.

Одерик рассмеялся, согласился и прибавил, что нож ей все равно пригодится — даже в таком безопасном и приятном месте, как лесная чаща.

Такой была дочь Одерика и Маргареты, когда ей исполнилось пятнадцать лет. Миловидное лицо ее до сих пор оставалось обманчиво-детским, с круглыми нежными щеками, но взгляд голубых глаз стал прямым и смелым, а движения — ловкими и бесшумными. Все в округе знали, что Эли принадлежит более миру леса, чем миру людей, и не удивлялись, увидев ее следы далеко от человеческого жилья.

С людьми она держалась приветливо, но сдержанно — порой родители брали ее с собой

в гости к соседям, заставив перед тем вычесать как следует волосы и вымыть шею. Ей было немного скучно — разве можно сравнить чинное чаепитие с тем, чтобы гнать лошадь по воде вдоль берега, поднимая тучи брызг?.. — но она внимательно слушала все, что говорилось, и домысливала то, о чем умалчивалось. Люди ей, пожалуй, нравились, хоть и чуть меньше, чем мыши или лисы.

Но на шестнадцатом году ее жизни все изменилось — проклятие терпеливо и неспешно сплетало судьбы людей, чтобы сердце девушки, до сих пор любившей только семью и лес, разбилось именно на столько осколков, сколько нужно было фее.

В один из тех летних знойных дней, когда прочие жители лесного края спасались от жары посредством безделья, Эли пережидала самые жаркие полуденные часы у крохотного лесного озера с черной водой. Нырять с головой в темный омут куда приятнее, чем изнывать от духоты в четырех стенах — но и это может рано или поздно наскучить. Ей вспомнилось, что кто-то говорил, будто в заброшенной усадьбе у реки объявились новые хозяева — дальние родичи прежних. Чужие люди в лесном крае всегда были в диковинку, и Эли решила, что хочет на них посмотреть — чем не развлечение для летнего вечера?.. Ее любопытство было точно таким же, как у лис или хорьков, шныряющих рядом с человеческим жильем — она часто пробиралась к чужим домам и, спрятавшись в ветвях дерева, наблюдала, как бранятся и радуются люди, как похожи между собой их радости и горести, как проходят дни их мирной и тихой жизни.

Дождавшись, когда просохнет одежда, она взобралась на смирную от старости кобылу, и направила ее тихим шагом по одной из безлюдных троп.

Солнце уже клонилось к закату, но даже в тени деревьев все дышало зноем и ароматом смол. Путь выдался неблизким, и Эли несколько раз успела пожалеть, что поддалась любопытству — пот стекал по лицу, перемешиваясь с пылью, волосы, скрученные в узел, прилипли к шее.

Ограда вокруг земель той самой усадьбы была так стара, что дубовые бревна почернели и покрылись темно-зелеными полосами мха. Эли без труда взобралась наверх, подоткнув серое линялое платье, а затем спрыгнула, очутившись в заросшем саду. Слухи не лгали: здесь и в самом деле появились люди — несколько сухих деревьев были срублены под корень.

Эли шла осторожно и тихо. Ни одна здешняя собака не залаяла — впрочем, собаки никогда на нее не лаяли и не рычали. Она не знала, на что именно хочет посмотреть, и не знала, зачем вообще пришла сюда.

Пожалуй, лесная фея могла бы ей все объяснить, но время еще не пришло.

— Что ты тут делаешь? — строго, но беззлобно окрикнул ее юный голос. — Зачем сюда забралась?

Эли вздрогнула, повернулась и увидела, что с ней говорит юноша — ее ровесник.

Эли и фея (4)

До того самого мгновения Эли была знакома с несколькими молодыми мужчинами из числа дальних и ближних соседей, но была настолько невнимательна к ним, что они из обиды относились к ней как к пустому месту — то есть, отвечали ей тем же. Это одновременно и радовало, и огорчало ее родителей. Одерик говорил, что все к добру и девушке, не забивающей свою голову любовными бреднями, никакое приворотное наваждение не страшно. Маргарета и Старая Хозяйка, напротив, считали, что будь Эли влюбчивее, то давно уже нашла бы себе жениха, а занятое обычной человеческой любовью сердце не вместит еще и любовь колдовскую.

Но эти споры, отголоски которых доносились то из одного угла дома, то из другого, не интересовали Эли — она считала их бессмыслицей, свойственной старшим людям, отчего-то утратившим способность видеть мир за пределами человеческих подворий. Ей искренне было невдомек, отчего нужно запоминать имена и лица скучных мальчишек? Ни один из них не умел говорить с лесными птицами, не возился с волчатами, не умел часами смотреть в озерную воду, где плавно кружили рыбы с алыми плавниками и шныряли изумрудные лягушки.

Но незнакомый юноша, рассматривающий ее с несколько высокомерной доброжелательностью, оказался совсем другим, и Эли не могла отвести от него глаз — и не могла произнести ни слова, хоть он терпеливо ждал ответа.

— Ты хотела что-то украсть? — спрашивал он, хмурясь, и стало заметно, что выговор у него странный, нездешний. — Из-за голода? У тебя очень грязное платье и лицо все испачкано — ты бродяжничаешь? Не бойся, я не стану звать слуг...

Разумеется, он принял ее за воровку-нищенку — что он еще мог подумать о грязной растрепанной девчонке? У него самого одежда была настолько чистой и аккуратной, что, казалось, вот-вот захрустит, как бумага! Рубашка была белоснежной, чулки — без единой морщинки, штаны и жилет — идеально подогнаны по фигуре. Не слишком высокий, но отнюдь не низкорослый, стройный и широкоплечий, с гордой осанкой — пожалуй, такой Эли еще ни у кого не видела. Приятное открытое лицо с правильными чертами — он не улыбался, но Эли сразу поняла, что улыбка у него должна быть широкая и белозубая. И волнистые пепельные волосы расчесаны так тщательно, как сама Эли никогда в жизни не вычесывала ни одну из дворовых лошадей, не говоря уж о своей собственной копне!..

— Ну же, не бойся! — терпеливо повторил незнакомец. — Я никому не расскажу, что застал тебя здесь. Если ты голодна, то просто скажи об этом.

Но Эли, так и не найдя в себе сил заговорить, покачала головой, пятась от него.

— Как тебя зовут? Ты умеешь говорить? Ты из этих мест?

Не дождавшись ответа, незнакомец шагнул вперед, и Эли, окончательно потеряв голову от волнения, бросилась бежать, да так быстро, что юноша только руками всплеснул от удивления: ему и в голову не приходило, что девчонки бывают настолько ловкими и проворными: не успел он и глазом моргнуть, как она по-кошачьи перемахнула через ограду и была такова.

Про встречу эту ни он, ни она никому, разумеется, не рассказали. Но если юноша промолчал просто потому, что счел этот случай незначительным, то для Эли тот вечер стал воистину роковым. Из нее словно дух вышибло ударом, и мать с отцом поначалу решили, что

она разбилась, упав с лошади или еще как-то ударилась. Действительно, Эли выглядела так, словно терпела какую-то постоянную боль, сосредоточившись лишь на том, чтобы не поддаться ей.

— Не заболела ли ты? — спрашивала Маргарета, но дочь упрямо качала головой и пыталась спрятаться от взглядов в самый дальний и темный угол.

Заброшены были веселые лесные прогулки — напрасно птицы распевали самые веселые песни у окна спальни Эли, а молодые лисы тьякали по ночам у забора. Она то лежала, отвернувшись к стене, то задумчиво смотрела в пустоту, разглядывая и изучая что-то, видимое ей одной.

Единственным, что вызвало ее внезапный интерес, стал вечерний разговор Одерика с Маргаретой у камина. Почтенные супруги обсуждали новых соседей, поселившихся в усадьбе Терновый Шип (именно так называлось имение, в которое наведалась Эли).

— Говорят, они иностранцы! — сказала Маргарета. — Подумать только — переехать в такую даль!

— Какой смысл переезжать в недалекие края? — заметил на это Одерик. — Никаких перемен, скука смертная.

— Говорят, новая хозяйка усадьбы — дама строгих правил, ругает слуг день-деньской, и шаг в сторону не дает им ступить, — продолжала Маргарета. — Зато ее воспитанник — славный юноша, хоть и нелюдимый, если верить слухам.

И далее разговор этот вывел на то, что чужаков-отшельников по очереди пытались выманить к себе в гости почти все соседи, но только недавно строгая дама из Тернового Шипа согласилась нанести визит одной из здешних кумушек. Туда же немедленно напросилась в гости вся округа — уж очень любопытно посмотреть на новых людей! — и само по себе так вышло, что скромное вечернее чаепитие превратилось в светский прием, да еще и с танцами для молодежи.

— Конечно, столько девиц на выданье к этой осени! — сказала Маргарета с затаенным давним беспокойством. — Почти в каждой усадьбе есть невеста, а то и две. А женихов-то не так и много — вот всем и интересно, что за юноша появился в наших краях. Говорят, он хорош собой, как принц!..

Сказав это, она вдруг испуганно смолкла, словно язык прикусила. Столь страшное для Маргареты слово впервые было произнесено громко и ясно — и кем? Ею самой! — под крышей этого дома, дождавшись своего часа. Было в этом что-то хитрое, истинно колдовское!..

— Я тоже хочу пойти на танцы, — сказала Эли тихо, но решительно.

Эли и фея (5)

Сказать, что Одерик с Маргаретой удивились — значит, ничего не сказать. Впервые Эли выказала желание навестить кого-то из соседей, да еще и выбрала для этого едва ли не самое многочисленное шумное сборище года! У такого удивительного события наверняка должно найтись не менее удивительное объяснение!

— Милая, ты уверена? — осторожно спросила Маргарета. — Там будет полным-полно народу! Ты всегда дичилась таких вечеров...

Эли вспыхнула и отвернулась. Но так как она не была приучена врать родителям, а те слишком хорошо знали свою дочь, чтобы не суметь ее разговорить — спустя полчаса девушка смущенно и сбивчиво призналась, что все дело в юноше из Тернового Шипа, которого она на днях увидела.

— Ох, да это же просто замечательно! — вскричала Маргарета, едва ли в ладоши не хлопая. — Я и надеяться не смела!.. Одерик, разве не чудесно — наша дочь наконец-то хочет потанцевать с красивым мальчиком, а не бродить по лесу!

— Не вижу здесь ничего чудесного, — проворчал Одерик. — Впрочем, и дурного в этом, кажется, ничего нет. Если он и в самом деле понравился Эли, то куда разумнее искать встречи с ним на танцах, чем шнырять без приглашения по чужим подворьям — тут я спорить не буду.

— Да есть ли у нее хотя бы одно нарядное платье? — счастливо и взволнованно восклицала Маргарета, обнимая раскрасневшуюся дочь и не прислушиваясь к замечаниям мужа. — Настоящая беда! Успеем ли мы перешить какой-то из моих нарядов?.. Где все служанки? Пусть немедленно откроют сундуки и шкафы — у Эли должно быть самое красивое платье в округе!..

От смущения Эли не заметила никаких странностей в этой беседе. Да и что могло быть более естественным, чем желание Маргареты выдать дочь замуж? Здешние достойные родительницы только и мечтали, как бы пристроить дочерей, едва те только начинали ходить — о том были все их разговоры, огорчения и надежды. Эли витала в мечтах, впервые влюбившись, и не слышала даже слов, обращенных к ней самой, что уж говорить о радостных перешептываниях Маргареты, Одерика и Старой Хозяйки.

— Все к лучшему! — умиленно говорила старуха, враз растеряв свою обычную строгость. — Она спасена! Если бы проклятие было в силе — разве влюбилась бы Эли в какого-то мальчишку по соседству? Нет, ей бы нипочем не удалось! Стало быть, проклятие бессильно.

— Ох, матушка, хоть бы вы оказались правы! — вторила ей Маргарета. — Но полюбит ли он Эли?

— Да разве возможно ее не полюбить? — Старая Хозяйка возмущенно закрутила кончиком острого носа. — Пусть только расчесется как следует и умоет лицо — красивее девушки в наших краях не сыщешь! В рваном грязном платье и принцесса покажется простушкой, а Эли, если принарядится, будет не хуже иной принцессы. Люди вскоре забудут про ее чудачества. Семья наша точно не хуже прочих, а если составить вместе ваше поместье да мое — Эли самая богатая наследница от земель Волчьего Воя до Черных Топей. Если тот мальчишка не сообразит, что лучшей невесты здесь ему не найти — значит, он круглый дурак!..

— А вот об этом мы ничего не знаем, — задумчиво заметил Одерик, по-прежнему не разделявший их бурной радости. — Что они за люди? Откуда сюда прибыли? Надолго ли собираются оставаться?..

— Если мальчишка женится, то останутся надолго, куда ж им деваться тогда, — отрезала Старая Хозяйка. — Все, что можно, я разузнала: прибыли они с восточной стороны, денег при них ни много, ни мало. Слугам платят исправно, держатся благородно. Друг другу приходится теткой и племянником, хотя кое-кто говорит, что родство у них неблизкое. Но совершенно точно они не выскочки из торгового сословия и не простолюдины. А что род их зовется непривычно нашему уху — так разве в том есть беда? Главное, чтобы кровь была хорошая!

И хоть Одерик видел в рассуждениях тещи известные недостатки, но смолчал, поскольку понимал, что легкомысленная торопливость эта происходит из страха перед проклятием. Долгие годы Маргарета и ее мать жили в ожидании неотвратимой кары — и теперь изо всех сил убеждали себя, что беды удалось избежать.

Эли и фея (6)

Ни одну здешнюю девушку не готовили к балу в таком волнении, как это было с семейством Эли. Маргарета не спала ночи напролет и все перешивала свое свадебное платье, про себя приговаривая: «Выйдет не хуже, чем подарок от феи!» — но при этом вздрагивала от каждого шороха за окном.

Старая Хозяйка по такому случаю одолжила зятю свою новую коляску — а она была самой нарядной в округе! — и десять раз повторила, чтобы в нее запрягали только самых лучших лошадей, иное будет оскорбительно для столь великолепного средства передвижения!..

И вот настал тот самый день. На прическу Эли потратили столько шпилек и лент, что она боялась лишней раз кивнуть или повернуть голову. Все эти дни и ночи лицо ей мазали то кремом от веснушек, то настойкой, сулящей фарфоровую гладкость кожи, то мазью, способствующей исключительно нежному цвету румянца. Но, честно сказать, почтенные секретные рецепты красоты мало что могли улучшить во внешности юной девушки, отродясь не знавшей никаких болезней (если не считать тех случаев, когда она объедалась вишнями или разбивала колени) и выросшей на свежем воздухе.

В своем пышном розовом платье Эли была невероятно мила, любой бы улыбнулся, увидев столь очаровательное создание, да и сама она без конца улыбалась то беспокойно, то счастливо. Возможно, в столице ее лицо сочли бы чересчур круглым, румянец — слишком ярким, а рост — недостаточно высоким, но мнение всех слуг было единогласным: принарядившаяся дочка Одерика и Маргареты оказалась самой завидной невестой на всю округу. Ну а что о новом облике Эли подумали ее лучшие друзья — птицы и звери, — знали только они сами. Все эти дни воробьи, голуби и вороны бились в окна, по вечерам лисы бесстрашно подходили к самой ограде усадьбы и жалобно тявкали, собаки выли, а коты скреблись в двери, тоскуя по прежним временам, но Эли ничего не видела и не слышала, поглощённая мечтами о будущем счастье.

К дому, где тем вечером давали бал, Одерик с семьей добрались безо всяких приключений. Стоило им только порог переступить, как все почтенные матери семейств принялись толкать своих мужей локтями в бок, а сыновей — в спину. И до того все знали, что за Эли дают хорошее приданое, однако никто не верил, что лесная чудачка когда-то согласится пойти под венец. Но теперь-то все стало предельно ясно: у девушки, не желающей замуж, глаза нипочем так ярко блеснуть не будут! Хозяйка дома, госпожа Исабо, бросилась навстречу Одерiku и Маргарете, всплескивая руками, точно не видала их десять лет и соскучилась больше, чем по своим родным детям. Вскоре пылающая румянцем Эли оказалась в самом центре большой гостиной, став, согласно расчётливой воле госпожи Исабо, главным ее украшением.

Юноши, в отличие от своих родительниц, отнеслись к преобразению Эли с некоторой опаской, однако то один, то второй задерживали взгляд на ее милом личике, а затем, заслышав насмешки товарищей, краснели и бормотали, будто ничего особенного не видят и не собираются угождать сумасшедшей девице только потому, что та надела нарядное платье. В этом их охотно поддержали девушки, обиженные тем, как мало внимания им уделяют в сравнении с Эли. Впрочем, чуть позже и смущенные, и насмешничающие устроили настоящее сражение за право станцевать с дочерью Одерика и Маргареты первый танец.

Мargarета раскраснелась еще сильнее дочери, а Одерик, напротив, помрачнел, и заметил вслух, что ему больше нравились прежние выходы в свет — когда на них не смотрели с ненавистью десятки девичьих глаз.

Переполох из-за Эли затмил и настоящих героев этого вечера — тетушку с воспитанником, которые прибыли с порядочным опозданием. Казалось, все разом позабыли о том, что собирались сегодня вволю поглазеть на загадочных новых соседей, и оттого поначалу возникла неловкая заминка — опоздавшие замерли у дверей, не зная, куда им следовать далее, а разгоряченные обсуждениями гости недоуменно косились на них, словно спрашивая: «А это еще кто?» — что, разумеется, выглядело совершенно невежливо. Но к чести хозяев вечера досадная оплошность была быстро разрешена: госпожа Исабо, теперь уж прихватив с собой для верности супруга, радушно приветствовала их, и, не теряя времени, начала представлять новых гостей всем, кто только попадался ей на пути.

Вскоре очередь дошла и до семейства Одерика. Тетушку, суровую сухощавую даму, звали Кларизой, а ее воспитанника — Ашвином. Будь Эли чуть малодушнее, то побоялась бы поднять на него глаза, но, несмотря на жар влюбленности, испепеляющий ее изнутри, она все еще сохранила присущую ей рассудительность и сказала себе: «Быть может, теперь он покажется мне не таким уж красивым!» — что-то в ней до сих пор сопротивлялось внезапной любви, искало выход из ловушки, в которую угодило сердце.

Но, увы, Ашвин и этим вечером был хорош собой так, что дух захватывало — его не портила ни скромная одежда, ни сдержанность речей. Все в его движениях, жестах, скупых словах выдавало хорошее воспитание и умение держать себя в обществе. Даже Одерик, ставший к тому времени мрачнее тучи, не смог ни к чему придрачиться, хоть и проворчал: «Наверняка парень глуповат, но не настолько, чтобы это показывать».

Разумеется, вежливость и правила приличия требовали, чтобы Ашвин пригласил кого-то из здешних девушек на танец. Но без милости феи все сложилось самым обыденным образом: поначалу он станцевал вовсе не с Эли, а с рыжей Анисс — тоже весьма миловидной девицей, — затем пригласил по очереди долговязых сестер Эльму и Линту, ну а дальше все присутствующие со счета сбились, и немудрено — музыканты играли без усталости! Впрочем, к этой истории перечисление имен ничего не добавило бы, ведь самое важное заключалось именно в том, что ничего важного не произошло — и такое бывает!

Любезный Ашвин в конце концов станцевал и с Эли, сделав ей пару весьма уместных комплиментов — ровно таких же, какие он делал Анисс, Эльме, Линте и еще доброму десятку девушек. Она, не зная, что ответить, точно так же вежливо поблагодарила его, так и не решившись ни о чем спросить. Вечер пошел своим чередом — и итогом его было то, что Эли оказалась для Ашвина одной из множества местных девиц, не хуже, но и не лучше прочих. Да что там — можно было спорить на что угодно: он даже лица ее не запомнил, не говоря уже об имени! Влюбленное сердце чует равнодушие так остро, как будто оно режет глубже любого ножа — и Эли не составило труда вынести себе безжалостный приговор. Насколько внезапна и сильна была ее влюбленность в Ашвина — настолько же естественным и спокойным оказалось его безразличие.

Эли и фея (7)

По дороге домой она не проронила ни слова, и в комнату свою поднялась молча — как будто увидала что-то пугающее, неведомое, лишившее на время дара речи. Внутреннее сияние, еще недавно освещавшее ее лицо и распалывшее на щеках горячий румянец, погасло, а вместе с ним поблекла вся ее красота — даже платье, казалось, в единый миг выцвело, измялось и перекосилось, словно не его все эти дни старательно ушивали и подгоняли по фигуре.

Маргарета поспешила за ней, желая утешить, но дочь не слышала ее, глубоко погружившись в свои размышления и невпопад кивая растрепанной головой в ответ на вопросы встревоженной матери. Лишь когда та собиралась уходить, так и не сумев утешить свое бедное дитя, Эли негромко, но отчетливо воскликнула, споря с одной ей слышимым голосом:

— Но ведь это неправильно! Так не должно быть!..

Слова эти испугали Маргарету куда больше, чем все остальное. Вместо того, чтобы отойти ко сну после утомительного вечера — а время было позднее, глубоко за полночь, — она ходила взад-вперед по гостиной и повторяла на все лады:

— Как же ей помочь? Отчего ничего не вышло?..

Одерик терпеливо слушал ее причитания, соглашаясь с тем, что проклятие феи если и сбылось, то наполовину — Ашвин был славным юношей, вполне достойным любви Эли, но вряд ли мог оказаться особой королевских кровей. С чего бы принц угодил в столь стесненные жизненные обстоятельства и очутился безо всякой свиты в старой усадьбе на краю света с одной лишь теткой-опекуншей? Да и манеры юноши хоть и произвели превосходное впечатление на здешний высший свет, свидетельствовали о хорошем воспитании, но отнюдь не о привычке к власти и богатству. Ашвин держался очень скромно, и сдержанность его совершенно не походила на высокомерие, а любезность была скорее сердечной, чем светской. Совершенно ничего королевского!..

— А если он не принц, а любовь Эли — не проклятие, — подытожил Одерик, обнимая заплаканную жену, — то все еще можно исправить!

Но, увы, его надежды не оправдались — утром оказалось, что Эли впервые в жизни заболела. Жар сменялся ознобом, сознание путалось, и спешно прибывший доктор сказал, что видит явные признаки горячки.

— Не случилось ли у барышни нервических приступов накануне? — спросил он, утомившись слушать о том, как крепко обычно здоровье Эли и как странно выглядит ее внезапное недомогание.

Пришлось признать, что старый врачеватель прав: девушка слегла от переживаний. Были ли внезапно вспыхнувшие чувства проклятием или же нет — но они оказались не из тех, что тихо угасают, не найдя взаимности. Несчастливая влюбленность Эли переродилась не в тихую тоску, а в злейшую лихорадку, грозящую выжечь изнутри ее тело. К вечеру того же дня она почти что впала в беспамятство, да и наутро чувствовала себя не лучше.

— Должно быть, юная барышня с непривычки слишком много танцевала, заполучила испарину, затем ее продуло по дороге домой — вечера не такие уж теплые, — рассуждал доктор, почесывая лысину с огорченным видом, свойственным людям, которые не знают, с какой стороны братья за дело. — Тут добавились переживания, огорчения — и вот!

Сильнейшая горячка — чего и стоило ожидать! Как неосмотрительно!.. Луна нынче переходит в созвездие Совы, самое опасное время для людей, склонных к нервическим приступам...

Но его умозаключения, конечно же, не успокаивали бедных родителей, а, напротив, повергали в страх: кто бы ни был виноват в болезни Эли — танцы, феи или сочетания небесных светил — девушке становилось все хуже.

Наконец, Маргарета, доведенная отчаянием до крайности, взмолилась:

— Одерик, давай поедem к этим людям! Я знаю, что Эли может спасти только этот мальчик, кем бы он ни был: принцем, нищим или выходцем из преисподней! Пусть он приедет к ней, пусть поговорит... Еще ничего не пропало — они виделись всего лишь раз. Пусть он не выказал к ней тогда интереса — и что с того? Столько суеты, столько людей вокруг! Наша бедная дочь приняла все слишком близко к сердцу, ей просто не доводилось бывать на таких сборищах, вот она и придумала себе невесть что. Мы объяснимся с тетужкой-опекуншей, и, быть может, окажется, что ничего не потеряно... Людям со стороны нипочем не понять, как страшно то, что происходит с Эли, но мы-то знаем о проклятии! Все наши несчастья происходят неспроста, и нам нужно во что бы то ни стало заполучить для Эли этого Ашвина!

— Но если мы пойдem сватать Эли к едва знакомым людям — они подумают, что мы сошли с ума, — отвечал на это Одерик, который был огорчен едва ли не сильнее жены, однако даже в горе сохранил некоторое здравомыслие.

— Ах, да какая разница, что они подумают! — закричала Маргарета. — Ради спасения дочери я готова на все!

И тем же вечером они отправились в гости к госпоже Кларизе и ее воспитаннику — безо всякого приглашения, без предупредительной записки!.. Но на что только не пойдешь, когда единственная дочь сгорает в лихорадке то ли от любви, то ли от проклятия, то ли от Луны, вошедшей в созвездие Совы.

Позже Маргарета не раз говорила, что сразу поняла — госпожа Клариза в тот вечер была смертельно напугана поздним неожиданным визитом. Одерик, напротив, утверждал, что ни о чем не догадывался и посчитал, будто хозяйка попросту им не рада — как и любой другой человек, застигнутый врасплох незваными гостями. Но в одном они сходились: усадьба Терновый Шип, где с недавних пор обитали строгая дама и ее воспитанник, показалась им крайне неудобным местом!.. Мебель вся сплошь старая и неудобная, из оконных щелей тянуло сыростью, а дров в камине было ровно столько, чтобы создавать в доме видимость тепла, а не его ощущение. Дряхлые нерасторопные слуги, впусившие Одерика и Маргарету в дом, не могли объясниться даже друг с другом, не говоря уж о гостях, и прибавили бестолкового переполоху.

— Должно быть, они не успели еще обжиться, — прошептала Маргарета супругу, усаживаясь в потертое кресло, на которое ей указала мрачная Клариза, с трудом нашедшая слова для приветствия — и тут же удалившаяся под каким-то надуманным предлогом.

— И не так уж богаты, — так же вполголоса ответил Одерик, красноречиво обводя взглядом скромную обстановку гостиной.

Быть может, для чужого уха эти слова, исходящие из уст отнюдь не купца или другого выскочки без капли благородной крови, прозвучали бы возмутительно — и даже непозволительно! — но Маргарета слышала в них только то, на что сама горячо надеялась: во-первых Ашвин определенно не был принцем, раз уж довольствовался столь малым; а, во-вторых, госпоже опекунке при таких-то доходах следовало от души порадоваться неожиданной-негаданной невесте с богатым приданым, не удивляясь лишней раз странности этого предложения.

Но ожиданиям этим не суждено было сбыться — разве могло получиться иначе в деле, где замешаны обиды фей? Весь разговор пересказывать смысла нет: и без того ясно, что Маргарета волновалась и говорила слишком много, а Одерик по той же причине не произнес и десяти слов, словно у него язык отнялся. Попробуйте-ка объяснить почти незнакомому человеку, что решили с ним породниться! Прийти в гости поздним вечером без приглашения — и то сомнительное предприятие, а если уж речь заходит о внезапном сватовстве!.. К женитьбе разговор вышел не сразу, после немалого блуждания по кружным путям приличий и обязательных любезностей — но это ничуть не помогло. Лицо хозяйки дома то краснело, то бледнело; временами она вздрагивала и начинала так пристально таращиться на гостей, словно ожидала, будто те сейчас превратятся в нетопырей или же завоюют как оборотни. Не раз бедной Маргарете казалось, что госпожа Клариза ее вовсе не слышит или слышит как-то очень по-своему — иначе с чего бы ей так пугаться и вздрагивать? Удивление можно отличить от возмущения, а возмущение — от тревоги, и если первые два чувства казались вполне естественным для порядочно ошарашенной госпожи опекунки, то третье было определенно избыточным и странным — и Маргарета, не отдавая себе в том отчета, преисполнилась дурных предчувствий.

Надо сказать, они целиком и полностью оправдались.

— Помилуй, господи! — воскликнула в конце концов Клариза, всем своим сухощавым строгим лицом выражая благовоспитанное негодование, которое было призвано спрятать тот самый страх. — Да как вам вообще в голову пришло подобное? Будь эта беседа чуть

более приличной — я бы, пожалуй, не знала, как объясниться, но тут скажу, не покрывив душой: что за безумные речи вы завели?

Маргарета, и сама понимавшая, как скандально и дико выглядит этот разговор, попыталась было пойти на попятный и принялась просить, чтобы Ашвин хотя бы навестил Эли — но Клариза была непреклонна и отвечала одними лишь отказами. Ее воспитанник и ногой не ступит на порог дома сумасшедших соседей, у которых хватило бесцеремонности, чтобы ни с того, ни с сего начать свататься!..

— ...Не знаю, как здесь принято, но в наших родных краях для женитьбы маловато одной лишь встречи на танцах! Неужто положение вашей дочери настолько отчаянно, чтобы хвататься за первого встречного? — хозяйка дома настолько вышла из себя, что перешла к прямым оскорблениям, после которых Одеру и Маргарете — не имей они дела с фейским проклятием — оставалось бы только уйти, не прощаясь, а затем во веки веков отказываться от приглашений в те дома, куда пригласили бы Кларизу. Но бедные родители и тут вынуждены были смолчать и проглотить обиду — в историю с феей не поверили бы и люди, жившие в здешних краях с рождения, что уж говорить о чужаках-иностранцах!..

Закончилось все тем, что Клариза попросту указала Одеру и Маргарете на дверь. Ссора вышла настолько громкой, что юный Ашвин спустился в гостиную из своей комнаты и обеспокоенно спросил, что происходит. Даже в домашней одежде он был изящен и хорош собой, а манеры — так же приятны, как и на балу.

Увидев, как доброжелательно и простодушно выражение его лица, потерявшая голову Маргарета решилась на крайность: бросившись к нему, она принялась умолять спасти ее дочь, отчего юноша вконец растерялся.

— Вашу дочь? — переспросил он, силясь сообразить, о ком идет речь. — Вы говорите, я с ней танцевал?.. И из-за этого она попала в беду? Чем я мог ее обидеть? Честно сказать, я совершенно не запомнил имена девушек, которым меня представляли в тот вечер, и не уверен, что смогу их узнать в лицо, все было так суетно... Не представляю, в чем моя вина и чем я могу помочь...

Говорилось это со столь искренним растерянным огорчением, что не оставалось сомнений: Ашвин безо всякого злого умысла или высокомерия остался совершенно равнодушен к Эли, да и всем прочим здешним девушкам и волновался сейчас только потому, что от природы был наделен даром сочувствия.

— Не слушай их, Ашвин! — крикнула госпожа Клариза, багровая от возмущения и досады. — Это совершенное безумие, нам не о чем говорить с этими людьми. Пусть уходят! Помолвка? Женитьба?!.. Что за бред, что за нелепость! Уходите, уходите немедленно!..

— Женитьба? — повторил Ашвин с еще большей растерянностью. — Но я... Я не собирался ни на ком жениться. Простите, я не помню вашу дочь... Наверняка, она чудесная девушка — все девушки в тот вечер были очень милы, хоть я в них и запутался... Дело даже не в этом — я просто не могу...

— Ашвин! — оборвала его сбивчивую речь опекуна, теперь уж побледнев до желтизны. — Тебе не нужно с ними объясняться. Не говори лишнего! Я все и так сказала. Мой воспитанник не собирается ни на ком здесь жениться — и точка. Прощайте и выбросьте из головы эти бредни, невесть откуда взявшиеся!..

Маргарете и Одеру не оставалось ничего иного, как уйти. Такого позора их семейство еще не знавало, но они об этом пока что не думали, занятые мыслями о гораздо большей беде.

— Горе нашей дочери, — всхлипывала Маргарета. — Он действительно ее не помнит! Как она мог ее не заметить? Разве может Эли кому-то не понравиться?..

— Горе нашей дочери, — эхом повторил Одерик. — С этим юнцом и вправду что-то нечисто, как и с его опекуншей. Ох, непростые это люди! Кажется, дело и вправду в проклятии феи...

Эли и фея (9)

На том беды Маргареты и Одерика не закончились: вернувшись домой, они узнали от заплаканной пожилой служанки, что Эли пришла в себя, да не просто так, а услышав от переговаривающейся над ее головой челяди, что родители ее поехали к госпоже Кларизе.

— Ох, простите, простите! — причитала бедная женщина, пристыженная и испуганная. — У нас и в мыслях не было сплетничать на потеху! Бедная маленькая госпожа лежала совсем тихо, в беспамятстве, а мы прибирались в ее комнате. Фрета только и спросила, куда на ночь глядя вы уехали и скоро ли вернетесь — а я ответила, что слышала, будто к соседке, госпоже Кларизе. И надо же такому случиться, что барышня тут же открыла глаза и заговорила! Да что там — закричала: «Зачем? Зачем?!» — и с тех пор только плачет да стонет.

И самому простодушному человеку было бы ясно, что не одно это говорили служанки друг другу, посчитав, что Эли их не слышит. Но что проку гневаться на слуг, если они ни в чем не солгали? Правда всегда стремится выйти наружу.

Маргарета бросилась в спальню дочери. Там в душном полумраке Эли — ослабевшая, но с ясным взглядом — металась по своей постели, пытаясь подняться: она слышала, что родители вернулись и желала с ними говорить, но слабые ноги все еще не держали ее.

— Что вы наделали? — гневно и жалобно воскликнула она, едва увидев мать. — Зачем туда поехали? Разве мало мне было унижений? Разве я просила позорить мое имя перед... перед...

И она горько зарыдала, захлебываясь от нестерпимой яростной горечи. Мыши, невесть откуда сбежавшиеся в комнату и прятывшиеся в складках одеяла, дружно и грозно запищали, высунув свои крошечные носы — ох, сколько же их тут было!.. И вся эта мышьяная армия, без сомнения, негодовала, обвиняя и порицая неразумных родителей Эли, предавших ее доверие.

— Ох, Эли! Мы бы ни за что не решились, если бы не... — начала Маргарета, сама чуть не плача.

— Да что за причина может быть у такого поступка?! — вскричала Эли, впервые в жизни перебив речь своей матушки. — С чего вы взяли, что поможете мне, поехав к тем людям? Для того ли я доверилась вам? Столько лет вы учили меня, что в семье не должно быть тайн друг от друга — и я никогда не сомневалась, что уж вы-то с отцом меня всегда поймете. Разве отправилась бы я выпрашивать для себя жениха, который знать меня не желает? Поверить не могу, что вы могли так поступить! Неужто так сильно вы хотели выдать меня замуж? Избавиться побыстрее?

— Что ты такое говоришь?! Разумеется, все было совсем не так!.. — Маргарета, никогда еще не видевшая свою тихую миролюбивую дочь в ярости, не знала, что и сказать. Как объяснить Эли, насколько велик был страх семьи? Как убедить, что поступок этот был соразмерен опасности?.. В страхе смотрела она на то, как задыхается, как бледнеет Эли — болезнь все еще не отступила и приступ гнева, сумевший привести девушку в чувство, грозил погубить ее окончательно. Последние слова она бессильно хрипела, но каким-то чудом продолжала оставаться в сознании.

— Она совершенно права, — тихо сказал Одерик, незаметно вошедший в комнату и молчаливо принявший все упреки Эли. — Наш поступок был нехорош. Но не это главное...

— Не это? — хором вскричали мать и дочь, глядя друг на друга глазами, полными слез.

— Именно так. Гораздо важнее то, что мы отступили от собственных правил — и сохранили в тайне то, что Эли полагается знать, — промолвил Одерик с неподдельной горечью. — Прости нас, Эли. Мы сделали это не со зла. Твоя мать надеялась, что все обойдется, а я, признаться честно, никогда до конца не верил в правдивость истории о проклятии... Нет, Маргарета! Мы не можем больше молчать! Эли должна знать правду, чтобы бороться с врагом, а не угасать в неведении!..

Как ни стыдилась Маргарета своей ошибки, принесшей столько горя ее семье, но пришлось ей рассказать, как когда-то обиженная фея пообещала погубить Эли и обрекла на муки неразделенной любви, которая рано или поздно сведет ее в могилу. Эли, хоть и тряслась из-за вернувшейся лихорадки, выслушала и запомнила каждое слово этой истории. Голубые глаза ее помутнели от страданий и темных мыслей, а лоб блестел от испарины.

— Я верю вам, — наконец прошептала она, враз посуровев: никогда еще ей, выросшей в любви и заботе, не приходилось узнавать о чьей-то тайной ненависти. Если равнодушие со стороны Ашвина нанесло ей глубочайшее душевное увечье, то известие о мстительной недоброй фее, напротив, прижгло кровоточащую рану. Случилось то, на что надеялся мудрый Одерик: Эли желала бороться за свою судьбу, раз уж выяснилось, что с ней жестоко забавляются.

— Веришь... и прощаешь? — с мольбой в голосе спросила Маргарета, склонившись над ней.

— Ах, матушка! Разве я могу сердиться на вас за то, что вы хотели мне лучшей судьбы? — ответила Эли, с трудом разлепив спекшиеся губы. — Но, если это правда, и на мне действительно лежит проклятие — я пойду в тот сад. Хочу говорить с феей, которая вознамерилась погубить меня. Я не вещь, чтобы распоряжаться моей судьбой, не сказав мне при этом ни слова! Даже феям не позволено так со мной обращаться!..

И как ни была Эли слаба — она тут же встала с постели, не обращая внимания на жар и слабость, и, не дожидаясь ничьей помощи, принялась одеваться. Если обиды на родителей оказалось достаточно, чтобы привести ее в сознание, то оскорбление, нанесенное феей, и вовсе чудесным образом подняло на ноги. Определенно, гнев придавал Эли больше сил, чем все микстуры доктора вместе взятые.

— Чего-чего, а неуважения к себе наша дочь не потерпит, — вполголоса сказал Одерик жене.

Эли и фея (10)

От старого сада к тому времени осталось только название: дурные воспоминания одних людей и неясные страхи других сделали свое дело — лес вернул себе эту землю, вплотную подступив к ограде усадьбы. Теперь здесь царили рябина и клены, слышался запах сосновой хвои, шелестела листьями беспокойная молодая осина. В кружевах высоких папоротников темнели искривленные останки старых яблонь, походившие на огромных черных ящеров, затаившихся в ожидании жертвы. На том месте, где Маргарета когда-то звала фею, осталась крохотная поляна, затянутая влажным рыхлым мхом — ни одно дерево не решилось вырасти здесь.

— Злое, злое место! — шептала Маргарета, держа дочь за руку. — Не стоило нам сюда возвращаться!

Но как ни умоляли они с Одериком — Эли не согласилась вернуться домой.

— Оставьте меня здесь одну, — твердо сказала она. — Я буду звать фею до рассвета каждую ночь, начиная с этой. С места не сойду, пока она не ответит, и если умру, то не от любви, как ей хотелось бы, а от обычной простуды. Вряд ли госпоже волшебнице это понравится!

— Упрямства в тебе ничуть не меньше, чем во мне когда-то, — печально промолвила Маргарета, смирившись с тем, что не переубедит дочь. — Но хватит ли у тебя храбрости?..

— Храбрость в таком деле совершенно лишняя, — не согласился с ней Одерик. — Нашей дочери сейчас куда нужнее рассудительность!.. Но что толку говорить о рассудительности, если мы стоим здесь среди ночи? Вся эта затея — чистое сумасшествие!..

— Я останусь здесь, пока не увижу фею, — был единственный ответ Эли, и родителям ее пришлось смириться с этим решением.

Одерик и Маргарета нехотя оставили дочь, перед тем повторив бесчисленное количество раз свои напутствия — столь же искренние, сколько и бесполезные. Ни храбрость, ни рассудительность не пригодились Эли в ту ночь: говорить с феей без страха и оглядки — гибельное дело, а искать в ее словах истину, на которую можно опереться в своих рассуждениях — и вовсе глупо. Не станем тянуть беса за хвост: конечно же, дама туманов и звезд откликнулась на зов Эли, перед тем выждав положенное по фейским обычаям время. Поспешность не к лицу даже смертным людям, пытающимся казаться важными, а уж бессмертным созданиям торопиться вовсе не пристало, и фея точно угадала тот миг, когда надежда зовущего сменяется отчаянием, ослабляющим разум и тело.

Если к Маргарете в свое время она явилась созданием ночи, сотканным из непроглядной черноты, то к ее дочери пришла частицей млечного пути, мерцанием тумана, впитавшим в себя лунный свет. Будь на месте Эли человек, ничего о феях не слышавший — наверняка бы сразу решил, что так прекрасно в ночи может сиять лишь нечто добрейшее по своей природе. Но Маргарета подробно и без утайки пересказала свой разговор с феей — тут уж не приходилось сомневаться, ведь эта простая женщина нипочем бы не смогла придумать столько злых и темных слов! — и Эли не обманулась красотой волшебного существа. Свет этот был жестоким и холодным, и горе тому, кто понадеется найти в нем спасение!..

— Славной ночи тебе, маленькая Эли, дочь малодушной Маргареты, — нежно и страшно промолвила фея. — Я знала, что ты пожелаешь со мной говорить. Болит ли твое сердце, милое дитя? Разрывается ли на части?..

И от слов этих Эли, еще недавно намеревавшаяся держаться гордо и бесстрашно, горько зарыдала, упав на колени. Была ли в речах феи особая магия — или силы самой Эли к тому времени иссякли, — но этого крошечного укола хватило, чтобы боль и отчаяние захлестнули ее с головой, заставив забыть о сопротивлении.

— Да, — только и смогла она произнести. — Так больно, больно!..

— Это только начало, — пела фея, приближаясь и окутывая свою жертву пронизывающим холодом. — Ты будешь страдать все сильнее с каждым днем. Все мысли уйдут — кроме той, что о его равнодушии. Все твоё счастье — в нём, а кроме него — ни счастья, ни смысла. Жизнь будет пуста, как будто весь мир превратился в бледную тень себя прежнего. Ни солнечный свет, ни шум дождя, ни пение птиц, ни людской смех не тронут больше твоё сердце, ведь оно целиком и полностью заполнено любовью к нему, и больше там нет места ни для чего...

— Как избавиться от этого проклятия? — прошептала Эли, не глядя на госпожу туманов, которая становилась все выше и ярче, словно питаясь горем и болью.

— Проклятье? — воскликнула фея. — Кто обманул тебя? Это глупая и злая клевета! Разве может любовь быть проклятием? Любовь — это величайшее счастье!

— Но вы сами говорите, что я не смогу радоваться солнечному свету...

— Какой вздор! — фея презрительно рассмеялась. — Кому нужна такая радость? Она годится только для безродных нищих, для самых глупых неудачников! Радоваться солнцу, которое и так всем светит!.. Разве не достойна ты более редкого и изысканного счастья?

Эли молчала в растерянности, не зная, что сказать на это. Ей еще не доводилось слышать слова, которые звучали правдиво и складно, но при всем том ощущались, как нечто неправильное и насквозь лживое.

— Но я хочу любить весь мир, как раньше, — наконец сказала она неуверенно.

— Любить весь мир — это все равно что никого не любить, — тоном, не терпящим возражений, ответила фея. — Особенно для девушки! Разве ты не знаешь, что главная мечта любой женщины — взаимная любовь к достойному мужчине? К лучшему из мужчин? Каждая сказка, каждая песня говорит об этом: без такой любви женская жизнь пуста и бессмысленна! Разве не затем приходила сюда твоя трусливая мать? Она не просила для тебя славы, почета, уважения — только желала выдать тебя замуж за принца! Потому что даже такая глупышка, как она, знает: высшая награда для девушки — влюбиться, ощутить взаимность, а затем — удачно выйти замуж. О каком мире ты говоришь? Он не нужен тебе! Твой мир — это твой принц, с него начинается смысл твоей жизни и на нем же заканчивается. Нет иного счастливого конца у женской судьбы, и чем бы иным она не пыталась наполниться — останется пустой! Только я могу помочь тебе получить любовь и дать смысл существованию.

— Принц? — повторила Эли еще более растерянно.

— Не так уж легко сплести судьбы в нужном порядке, когда речь идет о таком захолустье, — отмахнулась фея. — Пришлось немало постараться, чтобы исполнить свое обещание — мы не бросаем слов на ветер! Немного хитрости, немного старых секретов — и, к тому же, я чую королевскую кровь так же ясно, как люди отличают хорошее вино от плохого. Иногда приходится пользоваться подручными средствами, чтобы получить желаемое — и я искала подходящего мальчишку долгие годы. Он принц, хоть сам того еще не знает. Что мне судьбы династий и королевств, если на кону нынче мое обещание? Я сказала, что ты влюбишься в принца — и привела бы его к тебе, пусть даже для этого мне

пришлось перевернуть вверх ногами десяток королевств!.. Или ты сомневаешься в моем могуществе, девочка?

Любой бы сообразил, что сомневаться в могуществе феи — смертельное оскорбление, а Эли все-таки происходила из рода людей, умевших вести разговоры с феями — то есть, умевших вовремя смолчать. Она покачала головой, хотя чувствовала, что морок, окутавший ее разум, постепенно рассеивается: фея говорила правду, но у правды этой было второе дно.

— Он не женится на тебе, если я того не захочу, — сказала фея, и мелодичный голос ее на мгновение надломился. — А ты без него не сможешь жить. Будь я не так милосердна, то удовлетворилась бы этой мезтью. Но я... сжалюсь. Ведь ты не виновата в проступке своей глупой матери. Попроси у меня то, на что не решилась она — и получишь своего принца.

Эли и фея (11)

Разве много нашлось бы юных девушек, способных отказаться от милости феи? Она обещала взаимную любовь, особенную судьбу, да еще, к тому же, говорила, что во всем виноваты родители — куда уж лучше? Однако и высшим существам приходится время от времени ошибаться: предлагая Эли особую судьбу, фея ожидала предсказуемого, заурядного согласия, в то время как получила совершенно неожиданный отказ — и от кого! От самой обыкновенной девчонки!..

Впрочем, поначалу Эли держалась тихо и покорно, ничем не выдавая своих сомнений.

— Что вы потребуете взамен? — только и спросила она, склонив голову.

— Все будет честно! — воскликнула фея радостно, с предвкушением скорого торжества. — Честнее не придумаешь! Мы просто-напросто исправим старую ошибку, равноценно возместив понесенный ущерб. Мой убыток невелик, что уж о нем говорить!.. А вот ты, бедная крошка, пострадала, как никто иной. Вместо блестящей судьбы — жалкое угасание! Вместо любви, о которой сложат легенды — унижительное равнодушие и одиночество. Сделка с Маргаретой не состоялась, поскольку та поскупилась и не решилась оплатить твое невероятное и волшебное счастье своей жизнью — весьма посредственной и никчемной, как видишь...

— Вы хотите взамен забрать мою жизнь? — Эли говорила медленно и потерянно, все еще мало что понимая из певучих речей.

— Как тебе это в голову пришло? — вскричала фея, возмущившись лишь самую малость фальшиво. — С чего бы мне желать смерти той, которую я хочу сделать самой блестящей и прекрасной невестой всех королевств? Что за нелепость! Мы исправим все гораздо лучшим способом! Тот договор, что мы составили с Маргаретой, хоть и не был подписан, однако имеет кое-какую силу, ведь она обратилась ко мне с просьбой — а это само по себе налагает обязательства. Да и ты, Эли, теперь имеешь право ходатайствовать за саму себя перед высшими силами и просить о помощи, раз уж тебе не дали возможность получить причитающееся.

— Ходатайствовать? — переспросила Эли, про себя невольно удивившись тому, сколько крючкотворства содержится в волшебстве.

— Разумеется! — фея лукаво и ласково засмеялась, скользя вокруг Эли в танце. — Позволь мне не приглашать всех свидетелей и сопричастных, тебе не понравится их вид — они и сейчас здесь, прячутся в тенях и слышат каждое слово, как слушали когда-то речи глупой Маргареты. В тот миг, когда смертные призывают волшебство и просят о помощи, их имена — и имена их потомков! — записываются на веки вечные в долговые книги, которые не горят в огне, не тонут в воде и не превращаются в прах, сколько бы столетий не минуло. Сейчас ты, бедняжка, выплачиваешь долг своей матери, но если тебе захочется оспорить это решение, то, скажу по секрету, все заинтересованные стороны поддержат твой голос.

— И что я должна сделать?

— О, ничего сложного! Просто скажи, что требуешь от своей матери выполнения ее обязательств, и желаешь получить те блага, которые она просила для тебя, но... не оплатила.

Все это время Эли стояла, опустив взгляд, но теперь подняла голову и взглянула на фею исподлобья.

— Что произойдет после этого?

— Все станет на свои места, — усмехнулась та. — Ты получишь любовь своего принца, богатство и славу.

— А моя мать?

— Умрет, разумеется. Всего лишь небольшое опоздание — что нам, бессмертным существам, какие-то десятки лет? Небольшое недоразумение, едва заметная проволочка. Мы сумеем закрыть на это глаза, ведь так? — и фея грациозно поклонилась кому-то, прячущемуся в ночной тьме.

— Отец?..

— Тоже умрет, — чуть раздраженно отмахнулась фея, словно дотошность Эли начала ее утомлять. — Он, кажется, любит твою мать? Обычной, разумеется, любовью, но даже этого должно хватить, чтобы она прихватила его с собой. Все сложится лучшим образом, как я и говорила Маргарете. Зря она меня тогда не послушала!..

— Умрет! Они оба умрут! — повторяла Эли, потрясенная тем, как легко и беззаботно рассуждает фея о смерти.

— Ты пришла за любовью, не так ли? — резко и требовательно спросила фея, враз прекратив свое грациозное скольжение, как будто ее остановила невидимая стена. — Сейчас твои родители живы — но не слишком-то ты счастлива, как я погляжу. Еще раз говорю: если ты не получишь своего принца, то вскоре погибнешь, день за днем все глубже погружаясь в отчаяние, которое отравит каждый миг твоего существования. Ты думаешь, что сейчас невыносимо больно? Забудь! С каждым днем все будет становиться только хуже! Матушка и батюшка тебе не помогут. Так зачем же тебе беспокоиться о них? Спасай себя, глупышка!

Бедная Эли! Измученная болезнью, смущенная хитрыми речами феи, сгорающая от любви — она, казалось, с трудом могла понять, что именно от нее требуется. Погибающий от жажды человек, лицо которого покрыто ранами от палящих лучей солнца, готов отдать все золото мира за глоток воды. Голод превращает людей в диких животных. Боль бывает столь невыносимой, что пациент просит лекаря отрезать ему руку или ногу, лишь бы только прекратить мучения. Голос феи нашептывал Эли: «Твоя мать обрекла тебя на безмерные страдания! Ты не просила ее об этом. Она не думала, чем это обернется для вас всех, так с чего бы тебе сейчас беспокоиться о ее судьбе? Быстрее, Эли, быстрее! Тени ждут, тени милостивы! Кто еще пожалеет тебя, кто простит долг? Они жестоки, но не злы, просто отдай им причитающееся, и получи награду...»

— Благодарю вас, госпожа фея, — с усилием над собой произнесла Эли. — Боюсь, что прогневаю вас, однако пусть все остается, как есть. Милость ваша безгранична, и, вместе с тем, не всем по плечу. Матушка совершила ошибку, но затем рассудила верно: особенная судьба того не стоит, да и сами мы для нее не годимся. Если вы не желаете попросту снять с меня проклятие — так тому и быть. Лучше уж недолго и несчастливо жить с проклятием, чем долго и славно — с милостью тех господ, что прячутся в тенях.

Эли и фея (12)

Ох и нелюбезно прозвучал тот ответ! От злости фея, не верившая своим ушам, вспыхнула, как костер, в который подбросили смолистых щепок. Млечное мерцание на мгновение стало сплошным ослепительным белым светом, от которого Эли зажмурилась, и отступила назад.

А фея, превратившись в раскаленный сгусток белизны, гневно закричала, да так пронзительно, что, казалось, от крика этого сама и лопнула — вспышки света разлетелись брызгами по всему старому саду. Но, конечно, не стоило и надеяться, что волшебное существо так легко уничтожить: то бы всего лишь гнев, плещущийся через край. Когда Эли открыла глаза, слезящиеся от яркого огня, фея стояла на прежнем месте — разве что в росте увеличилась.

— Ты отказываешь мне? — яростно закричала она, становясь все выше и выше, точно собираясь дотянуться до неба и обрушить его на голову той, что прогневала ее.

— Я смиренно сохраняю при себе вашу прежнюю милость, и не прошу иной взамен, — отвечала Эли кротко, но в кротости этой звучала такая дерзость, которой фея еще не встречала у смертных.

— В своем ли ты уме, девчонка? — голос феи стал гулким и завывающим; все человеческое уходило из него, оставляя по себе тоскливые стоны холодного ветра и скрип сухих деревьев в лесу. — Ты пошла в породу своей матери — жадной и трусливой, не способной держать ответ за содеянное!.. Людишки ценят свою жизнь куда больше, чем она того заслуживает! Но если она испугалась, узнав цену, то чего боишься ты? Твоя жизнь будет долгой, богатой — богаче, чем ты можешь себе вообразить! И любовь станет взаимной!.. Как можно отказаться?! Разве это не главное?

— О главном мне сказала матушка, — сказала Эли, непокорно и бесстрашно глядя на фею. — Она хорошо запомнила разговор с вами, сударыня фея. Вы говорили ей, что чудо истинной взаимной любви очень сложно заколдовать — и колдовство это должно быть очень сильным. А силу оно берет из человеческих страданий. Но о них сегодня вы не сказали ни слова — и, стало быть, страдать предназначено мне.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я опустилась до обмана? — вскричала фея, вконец обозлившись. — Да еще такого низкого?.. Обмана смертной душонки, которая должна умолять, чтобы я снизошла до разговора с ней!..

— Пожалуй, это не обман, — возразила Эли с внезапным хладнокровием, которого сложно было ожидать от существа столь юного и простодушного. — У нас, смертных, это называют умышленной недомолвкой. Вы обещали мне богатство, любовь принца, славу, но разве я смогу быть счастливой, зная, что ради этого погубила своих родителей? Вы, сударыня, смолчали об этом вовсе не потому, что думали, будто я из тех людей, которые не испытывают чувство вины и стыда за содеянное. Напротив, вы знали, что очень быстро пелена с моих глаз спадет, ум прояснится и я буду всю жизнь корить себя за чудовищное преступление. Моими руками вы принесете жертву своим покровителям — или кто там дает вам могущество? — а затем и я сама пойду им на корм, насытив их жадные до страданий утробы. Не такая уж и выгодная сделка!

Фея слушала ее молча, бесплотное ее свечение тускнело — не млечный путь приходил на ум теперь при ее виде, а зловещий свет болотных гнилушек, зазывающий путников в

трясину.

— От моей милости не стоит отказываться, — наконец проскрипела она. — За эту дерзость наказание должно быть примерным и долгим. Некоторым удастся вымолить пощаду или откупиться. Но девчонка, в лицо назвавшая меня лгуньей, а мое благословение — обманом, да еще объявившая, что я желаю поживиться за ее счет, достойна исключительно злой смерти! Как смела ты рассуждать о моих поступках и моих мыслях, словно я одна из твоих жалких сородичей? Ты решила, будто можешь понять намерения и суждения высшего существа? Что за невыносимая дерзость! И не думай, будто обхитрила меня, сократив свои мучения. Я позабочусь о том, чтобы обмен получился равноценным!..

Как только прозвучало последнее слово, все скрыла непроглядная чернота, от которой Эли показалось, будто она ослепла. Спустя мгновение она различила фею, принявшую свой темный облик и превратившуюся в островок тьмы, усеянный мелкой звездной пылью. Как ни была черна ночь вокруг — фея была еще чернее, и, казалось, что ее чернота — бездонная пропасть, способная поглотить весь мир.

— Я уничтожу тебя! Сотру в порошок! — прошелестел ее голос, тихий и оглушающий одновременно. — Готовься к смерти, ничтожная девчонка!

Эли и фея (13)

Гнев феи если и не мог считаться справедливым, то уж точно был естественен: чего ещё ожидать от существа нечеловеческой природы, которому отказывает человек? Эли и сама знала, что такой ответ обрекает её на верную гибель, однако к той задаче, что предложила решить ей фея, на первый взгляд имелось не более двух вариантов ответов, а времени на поиск более хитрых разгадок ей и вовсе не предоставили. «Что ж, если мне надо умереть, то так тому и быть!» — повторяла она самой себе с безрассудством юности, которая ещё не знает истинную цену жизни и не так уж крепко за неё держится. Конечно, ей было жаль родителей, но Эли знала из сказок и песен, что достойная смерть — славное дело, а в славе этой близкие и родные погибшего находят утешение, — и все ещё верила в то, что это правда.

Фея тем временем, упиваясь скорой мстостью, шептала себе под нос то одно заклинание, то другое, перебирая их точно так же, как палач присматривается к орудиям пытки, про себя решая, с какого именно стоит начать.

— Ох, ты заслужила их все сразу! — наконец вскричала она, хмурясь и усмехаясь попеременно. — Как жаль, что я могу убить тебя только один раз!..

— Уж придётся вам обойтись этой малостью! — ответила ей Эли, невольно закрыв глаза от страха — ей не хотелось видеть торжествующее лицо феи.

Лёгкое касание крошечных коготков заставило её покоситься на свои безвольно опущенные руки — несколько верных мышей незаметно взобрались по одежде так высоко, что сумели юркнуть в рукава.

— Вас ещё только недоставало! — промолвила она тихо, стряхивая мышек. — Уходите! Что за смысл вам погибать вместе со мной?

— Что ты там бормочешь? — недовольно спросила фея, уязвленная тем, что Эли смела думать о чем-то еще, кроме своей скорой и мучительной смерти, но тут же сама отшатнулась точь-в-точь, как это делают обычные смертные: стайка воробьев и синиц, небывалых птиц для ночного времени, пролетела у самого её лица. Не успело смолкнуть их чириканье, как раздались карканье ворон и воронов, треск сорок, хриплые вскрики соек, уханье сов, а затем птичья разноголосица слилась в оглушающий сплошной крик, похожий на шум приближающейся бури. В темноте загорелись глаза — лисьи, волчьи; ревели и переступали с ноги на ногу олени, неразличимые в густой тени, рокотали хрипло старые кабаны.

И мирные домашние звери со всей округи были тут как тут, словно этой ночью невесть по чьему разрешению исчез их извечный страх перед лесными собратьями. Первыми пришли вольные коты и те псы, что не удостоились личной цепи. Их цепные собратья в это время рвались на свободу, завывая и лая на все голоса, так что даже в старом саду были слышно эхо их гневной тревожной песни, и многие из них уже мчались со всех ног, гремя обрывками цепей. За ними следовали лошади и коровы, сломавшие двери своих сараев. Свиньи подрывали загоны и с визгом топтали огороды своих хозяев. Всем они повиновались неслышному призыву: встать на защиту Эли в старом саду.

— Что это? Почему они здесь? — фея в растерянности озиралась, закрывая свой тёмный лик звёздными руками: видно, тяжкий звериный дух и запахи скотного двора были ей не по нраву.

А голос зверей и птиц становился все громче, все неразделимее — уже не понять было,

вой это или рев, карканье или писк. Монотонный, оглушающий — он заставлял гордую фею склониться, зажать уши, пасть на колени. А Эли, словно ничего не слыша и не замечая, стояла, закрыв глаза и опустив руки; могло показаться, будто она внезапно уснула и теперь едва заметно покачивается в такт своим мирным сновидениям. Но вот её губы шевельнулись — и голос зверей и птиц чуть дрогнул, меняясь, приспособляясь к несвойственному для него звучанию.

— Уходи, создание туманов и луны, — говорила Эли, а вместе с ней — птицы и звери. — Ты не чужая нам. Леса, реки и поля давно живут в мире с твоим народом, нам нечего делить. И до людей нам дела нет. Но это человеческое дитя умеет говорить с водой и с деревом, с птицей и со зверем. Дитя стало частью наших владений, и мы знаем, что ты желаешь ему смерти несправедливо и незаконно. Мы не люди. Нас нельзя обмануть или подкупить, и твои покровители не смеют спорить с нашей общей волей. Уходи из старого сада и не возвращайся.

— Вот значит как? — вскинулась фея, враз поумерившая и свой гнев, и рост. — Ну что же, признаю — убивать девчонку я права не имею, хотя в обычных случаях хватает одного только моего желания. Но раз уж за неё заступается лес...

Тут возмущенно заквакали жабы, да и птицы, считавшие своей вотчиной поля, возмущенно захлопали крыльями, так что фея поспешно прибавила:

— Ох, ладно, и болота, и поля, и все здешние помойки...

Тут дружно встопорщились коты, ощерили зубы крысы, многие из которых отличались воистину исполинскими размерами, и фее ничего не оставалось как принести извинения и пообещать, что впредь она будет относиться с уважением к соседним владениям.

— ...Но как бы то ни было, — заметила она, с некоторым усилием вернув себе прежнюю высокомерную манеру говорить, — моя милость все ещё в силе! Уж на нее-то я имею право! Не думайте, что спасли вашу драгоценную сопливую девчонку — жить ей все равно недолго. Я уйду, так и быть, и она никогда больше меня не увидит. Но и счастья не обретет! Для вас она, возможно, и особенная, да только в человеческом мире ей этот дар ничего не даст. Слишком проста она для той любви, которую я ей ниспослала. Для неё был заготовлен лучший из моих подарков — ну что ж, она ещё заплачет над его осколками!..

И с этими словами она бросила на землю что-то сверкающее, разбившееся с долгим тонким звоном — так звучит далекий перезвон колоколов туманного королевства, доносящийся иной раз до ушей смертных и оставляющий по себе долгую неясную печаль. А когда он затих, и Эли открыла глаза — на истоптанной поляне не было ни единой живой души, да и сама фея — создание, безусловно, бездушное, — растаяла без следа. Ночь, волшебным образом вместив в себя бесконечно много событий, разговоров и мыслей, отслужила своё и сменялась предрассветными сумерками.

Удивительное и страшное приключение могло показаться дурным сном, но на том самом месте, где стояла разгневанная фея, в грязи что-то ярко сверкали и переливалось всеми цветами радуги.

Эли, хорошо помнившая все, что здесь происходило и говорилось — хоть ей казалось, будто она была всего лишь безмолвным зрителем, окаменевшим от какого-то заклятия, — склонилась, чтобы посмотреть, чем же собиралась одарить её фея.

Она долго вертела в руках странные острые осколки, прикладывая их друг к другу и так, и эдак, а затем с недоумением воскликнула:

— Да это же стеклянные туфли! И они должны были принести мне счастье?

Несусветная чушь! Воистину, устройство ума феи непостижимо ровно настолько, насколько и вздорно!..

Часть 3

Эли и принц (1)

...Однако, будем честны, могущество самой слабой в мире феи несравнимо с возможностями простого смертного — даже пользующегося искренней благосклонностью лесных жителей. Оттого победа Эли над феей не могла считаться истинной победой, а дама туманов, хоть и была уязвлена сверх меры произошедшим, не проиграла: хитроумное проклятие ничуть не потеряло в своей силе. Иными словами, ночь эта ничего не изменила, не считая того, что Эли теперь знала куда больше о своей судьбе, а точнее говоря — о ее обреченности.

Некоторое время она стояла, глядя на пригоршню осколков, и на лице ее отражались попеременно то тоска, то страх, то глубокое сожаление — должно быть, за всю свою прежнюю веселую и мирную жизнь ей еще не приходилось раздумывать над столь тягостным решением. Получив ответы на свои вопросы, Эли не получила избавления, но сейчас более всего она волновалась не о себе, а о своих родителях. «Что я им скажу? — шептала она едва слышно. — Если я скажу им правду, то матушка будет винить себя сильнее прежнего, а когда я... я... когда проклятие сведет меня в могилу, то... Ох, нельзя ей знать, какую цену запросила фея! Сколько черной хитрости в ее советах — кто бы ни пожертвовал своей жизнью ради счастья другого, все равно живущий обречен на несчастье. Как я горевала бы всю жизнь, зная, что погубила матушку, так и матушка будет горевать, зная, что могла оплатить своей жизнью мое спасение. Придется мне солгать... Да что толку, если родителям все равно придется смотреть безо всякой надежды на то, как колдовство цедит из меня жизнь по капле? Лучше уж неизвестность, чем такое предопределение!..»

Возможно, в ясном состоянии ума Эли рассуждала бы по-иному, но теперь ею владел только страх: после всего пережитого ночью она боялась посмотреть в глаза своих безутешных родителей. Ее доброе сердце разрывалось от боли при мысли, что им придется страдать — и причиной этих страданий станет она сама. Вконец потеряв голову от этих горьких мыслей, она сделала шаг, затем другой, и побежала прочь в лес, не обращая внимания на хлещущие ее по лицу ветки и колючие побеги ежевики, до крови царапавшие ее ноги. Осколки хрустальных туфельек выпали из ее рук, и только самый большой, с острой зазубриной, впился глубоко в ладонь. Эли не сразу заметила кровь, боли она и вовсе не чувствовала, но горячие темные капли забрызгали ее платье, и она замедлила бег, чтобы разглядеть рану, а затем и вовсе остановилась.

Осколок она отчего-то не выбросила, а положила в карман — смутное желание разгадать замысел феи все еще тревожило ее душу.

Лес, который она иной раз считала более настоящим домом, чем поместье своей семьи, был тих и спокоен в лучах летнего рассвета. Казалось, ничего плохого не может случиться здесь, в тени старых деревьев. «Я поразмыслию, как следует, надо всем, — сказала себе Эли, переводя дух, — а затем вернусь». Воспоминания о доме и ждущих ее там родителях ослабляли ее, мешали дышать, а мысли о том, чтобы спрятаться за стеной деревьев ото всего страшного и тягостного, напротив, успокаивали. В глубине души Эли понимала, что нельзя сбежать от проклятия, которое несешь в своем собственном сердце, но здесь и сейчас что-то властно приказывало ей уходить все глубже в лесную чащу, не оглядываясь и не сомневаясь.

Шаг за шагом она удалялась от своего дома, сама не зная, куда и зачем идет. Но

напрасно она ожидала спасения от леса, привычно считая его убежищем: болезнь, на время отступившая, возвращалась, куда более грозная и безжалостная, чем раньше. Лицо Эли горело вовсе не от первых солнечных лучей, а от лихорадки, и вскоре она потеряла счет времени, шагам и каплям крови, сочившимся из глубокого пореза на ладони.

Звери и птицы — притихшие, испуганные, — следовали за ней в отдалении, не понимая, что случилось с их веселой быстроногой подругой и отчего она так переменялась. Лес и его обитатели чистосердечно желали помочь Эли, но не могли — воля проклятия была куда сильнее.

Силы покинули девушку, когда она вышла на прогалину, заросшую высокой сочной травой и папоротником — здесь проходила старая тропа, где давно уж не показывались путники. Ничего не видя и не слыша, Эли беззвучно осела на землю, а лесные травы и цветы скрыли ее тело — легко можно было вообразить, как стебли вскоре оплетут ее исцарапанные руки и ноги, а затем побеги следующих лет прорастут сквозь кости и навсегда спрячут останки бедной проклятой девочки от людских глаз.

Но волшебное проклятие не стоило бы ни гроша, если бы удовлетворилось столь безыскусным исходом. Так или иначе, оно вело Эли навстречу ее судьбе и не позволило бы ей просто умереть. Наступало время новой истории, начало которой положила фея, сама того не желая — но даже феям не положено распоряжаться судьбами людей так дерзко, как это сделала обозленная дама туманов. Она не лгала Эли, когда говорила, что ради своей цели готова была разрушать королевства и низлагать королей, но лгала самой себе: ей не под силу было полновластно управлять столькими судьбами и люди вовсе не были покорными марионетками в ее руках — сама Эли была тому примером!..

Иными словами, магия все еще желала получить свое, но теперь ни фея, ни ее покровители не знали, чем это обернется.

...Солнце только-только достигло полуденной высоты, когда вдаль послышался глухой перестук копыт. Несколько всадников — трое немолодых мужчин и статная седовласая женщина приблизительно тех же лет; все в темных дорожных плащах, — безо всякой спешки двигались по заросшей старой дороге. Им приходилось отводить ветви низко склонившихся деревьев, а лошади опасливо ступали по высокой траве, где шуршали быстрые ящерицы и медноглазые лесные змейки. Между собой эти люди вели разговор на наречии, которое в Лесном краю вряд ли понял бы кто-то, кроме нынешних обитателей усадьбы Терновый Шип, но любой бы догадался, что путники чем-то недовольны и не вполне понимают, куда их завел черт, леший или иная капризная сила.

Эли лежала совсем неподалеку от тропинки, и они сразу заметили ее, перекликаясь безо всякого испуга; путники были не из тех людей, что боятся мертвых тел — или же тел, которые могут оказаться мертвыми. Один из них по приказу женщины, главной среди них, спешил, на всякий случай зажимая нос, но затем, не заметив никаких тревожных признаков, опустил руку, а спустя мгновение склонился над девушкой, безо всякой деликатности ощупывая ее шею в поисках биения.

— Эй, очнись! Очнись! — грубовато позвал он, встряхивая Эли. — Ты здешняя? Ты можешь показать нам дорогу?

Не сразу ему удалось добиться ответа — Эли была очень слаба и долго пролежала в беспамятстве, но трясли ее столь безжалостно, что она все-таки пришла в себя и закашлялась. На платье брызнула небольшая капелька крови и добавилась к прежним пятнам, уже подсохшим. Мужчина, державший ее за плечи, выругался на своем наречии и

отпрянул, о чем-то громко предупреждая своих товарищей.

— Ты здешняя? — настойчиво повторил он свой вопрос, но руками больше Эли не касался. — Знаешь местные тропы?..

Она кивнула, все еще не понимая, чего от нее хотят незнакомцы. Тем временем ее руки туго связали веревкой, затем дернули, заставляя подняться — путники не хотели лишний раз приближаться к своей пленнице и прикасаться к ее одежде. Однако, когда она жалобно попросила пить — налили ей в ладони воды из фляжки.

— Мы не причиним тебе вреда, нищенка, — сказал первый.

— Если проведешь нас к дому наших друзей, — прибавил второй.

— Нам передали весточку, что видели их здесь, — вступил в разговор третий. — Они недавно прибыли в эти края. Быть может, ты слыхала о них?

— Мальчишка твоих лет, — произнесла пожилая женщина таким голосом, каким говорят обычно о покойниках. — И с ним его опекунша. Мы давно их ищем. Проведи нас в усадьбу Терновый Шип, а мы заплатим тебе золотом! А будешь упрямитесь — умрешь быстрее, чем думаешь.

Эли, помедлив, кивнула, взгляд ее понемногу прояснялся.

— Да, тетушка, я знаю эту усадьбу, — тихо промолвила она.

Эли и принц (2)

Конечно же, она сразу догадалась, что чужаки ищут Терновый Шип, чтобы навредить Ашвину и его опекунше — кем бы ни были эти двое на самом деле. Всё в мрачных суровых лицах незнакомцев указывало на злые намерения, да и вообще они нисколько не походили на людей, у которых могут водиться друзья. Эли не понимала ни слова из того, что они говорили друг другу, но видела, как кривятся их губы, как шурятся глаза и думала только об одном: «Это враги Ашвина! Ему грозит опасность!».

И, странное дело, чем чаще и взволнованнее она вспоминала юношу из усадьбы Терновый Шип — тем увереннее ступали ее ноги и тем больше в них прибавлялось сил. Проклятие феи не любило, когда ему сопротивляются, и наказывало за любую попытку сбежать, но теперь-то Эли делала ровно то, что от нее требовалось: думала только об Ашвине и шла к нему, а, следовательно, магия вознаграждала ее за покладистость.

Впрочем, нет — вовсе не к нему она шла, ведь за собой она вела чужаков, желающих навредить Ашвину, а этого Эли допустить не могла. Даже не будь она во власти колдовской влюбленности — ни за что бы не помогла злодеям искать добычу; это претило ее честному и доброму нраву. А в том, что ей повстречались злодеи, она ничуть не сомневалась, хоть до той поры никогда не видела по-настоящему злых людей, и все ее познания о темной стороне жизни сводились к недавнему разговору с феей.

«Они не знают здешних мест, раз согласны на любого проводника, — думала она, изо всех сил надеясь, что лицо ее так же неподвижно и мрачно, как у чужаков, и не выдаст истинных чувств и мыслей. — Что ж, я заведу их так глубоко в лесную чащу, как смогу. А потом... потом сбегу, если получится!».

План этот бы не столь уж изощренным, но действенным: немало путешественников сгинули без вести, понадеявшись на своих проводников, а уж завести обманом врага в болота — и вовсе славное дело, если верить старым песням. Но, надо сказать, затея эта была не из простых: путники оказались людьми подозрительными, и Эли слышала в их голосах недоверие. Особенно недобро повела себя женщина, к которой прочие обращались с почтением и страхом: она, хоть и опасалась притрагиваться к Эли, но не упускала случая стегнуть пленницу длинной розгой безо всякого повода, словно ей в радость было кого-нибудь мучить. Иногда она намеренно дергала за веревку так, чтобы Эли упала, а когда путники остановились, чтобы перекусить, вредная тетушка бросила ей кусок хлеба с тем расчетом, чтобы он упал в грязь. Никогда еще девушке не приходилось иметь дело с такими гадкими людьми, но вместо страха в ней крепло возмущение и желание отомстить за обиду.

«И как только люди могут терпеть такое обращение с собой? — думала она скорее удивленно, чем испуганно. — Разве можно мириться с такой несправедливостью? Ох, я вся горю от злости — никогда в жизни я не была так зла!». Тут Эли вспомнилось, как Маргарета рассказывала, что за судьбу прочила ей фея: долгие годы обид и мучений, бессловесной покорности, прежде чем получилось бы заслужить право на счастье своим долготерпением — вот, стало быть, каково это чувствовать на самом деле!.. Смутное неясное подозрение закралось в ее душу: замысел феи разбился на сотни осколков, как те самые хрустальные туфельки, но разве не могло быть такого, что из тех же самых кусочков сложилось что-то новое?..

Мысль об осколках заставила ее нахмуриться от смутного беспокойства — ранка на

руке засадила, словно что-то кольнуло изнутри. Впрочем, запястья, в которые врезалась веревка, саднили еще сильнее — на время привала ее привязали к дереву, как это делают с домашним скотом.

— Далеко ли еще? — окликнули ее похитители.

— Вдоль берега реки вниз по течению до захода солнца, — солгала она, стараясь, чтобы голос дрожал словно от испуга, а не от волнения. — Там будет мост, и сразу за ним — нужная вам усадьба.

Правда заключалась в том, что Эли пыталась увести их от моста как можно дальше — русло реки вниз по течению расширялось, делилось на множество стариков, а те, в свою очередь, уходили в болота. О том, что будет с ней самой, когда обман обнаружится, она старалась не думать. «И проклятие феи не сбудется, как ей хотелось, и злодеи не получат Ашвина!» — утешала она себя как могла.

Маленькая лесная мышка, безошибочно почуяв в Эли друга больших и малых зверей, показалась из травы и быстро взобралась по ее изорванной юбке. Но, как ни странно, ее не заинтересовали крошки хлеба — мышка пыталась забраться в карман, желая составить компанию пленнице.

— Ох, да ты же порежешься! — прошептала Эли, пытаясь незаметно ее прогнать. — Там лежит кое-что очень острое!

Мышка, словно поняв ее слова, серым шариком скатилась обратно в траву, напоследок что-то пискнув, а Эли, если бы могла, хлопнула бы себя ладонью по лбу от досады: отчего же она до этой самой минуты не вспомнила про осколок? Хоть на что-то сгодился бы подарок феи! И она незаметно сунула связанные руки в карман, пытаясь нащупать онемевшими пальцами острые грани.

Эли и принц (3)

Хорошо бы злодеи всегда оказывались глупы и доверчивы!.. Насколько проще добру было бы их побеждать! Но, увы, голоса путников-чужестранцев звучали все сердитее и тревожнее, а взгляды, которые они бросали на Эли — подозрительнее. Они негромко переговаривались друг с другом, то и дело косясь на свою маленькую измученную проводницу, но больше не спрашивали, далеко ли до моста и где усадьба Терновый Шип — ответы Эли перестали казаться им сколько-нибудь полезными. «Они догадались, что я могу их обманывать!» — подумала девушка, дрожа от усталости и страха.

Ее больше не стегали розгой и не понукали идти быстрее, но затишье это пугало куда больше прежних гневных окриков.

Когда ослепительно-золотые краски знойного дня начали уступать медовым, тягучим оттенкам вечера, путники остановились у обрывистого берега. Здесь лес отступал от реки, и ее излучины были хорошо видны.

Предводительница, недобро усмехаясь, бросила пару отрывистых приказов своим спутникам и те неторопливо спешили. Эли стояла перед ними, угрюмо глядя в землю.

— Так что же, девочка, — сказала женщина, с трудом подбирая слова на чужом для нее языке. — Где твой мост? Я не вижу его!

— Он дальше, за поворотом, — ответила Эли, уже не надеясь, что ей кто-то поверит.

— Она лжет, — женщина тряхнула головой, словно прогоняя надоедливое насекомое; в голосе ее звучали и досада из-за заминки, и удовлетворение собственной проницательностью. — Необходимо узнать — отчего. Ты защищаешь людей из Тернового Шипа. Они знакомы тебе? Отвечай!..

И так как Эли молчала, не поднимая взгляд на своих похитителей, всем видом показывая, что не собирается оправдываться или просить пощады, пожилая госпожа вновь отдала короткий приказ, резко взмахнув рукой. Наверняка, это означало что-то вроде: «Схватить и пытаться, пока не скажет правду!» — для того, чтобы это понять, не требовалось знать множество наречий.

...Им все еще не хотелось прикасаться к Эли — все-таки подол ее юбки был усеян брызгами крови, а на пересохших губах запеклась темная корка. Но приказ есть приказ, и, к тому же, обрывать жизнь, которой и без того не суждено быть долгой, кажется делом не столь уж злодейским — все эти рассуждения легко читались на темных, суровых лицах. Один из мужчин дернул за веревку, которой были связаны руки девушки, чтобы подтащить ее к себе. Но она, вместо того, чтобы подчиниться, упрямо попятилась, прижимая руки к груди.

— Иди сюда! — крикнул он, нахмурившись, и дернул за веревку сильнее: кому понравится, когда и без того неприятное дело затягивается из-за несговорчивости жертвы?..

— Тебе никуда не деться от нас! Ты думала, что за обман не придется платить?! — вспльчиво выкрикнула и недобрая тетушка, вне себя от гнева — непокорность была ей не по душе. В руках ее тут же появился хлыст, который она держала привычно и ловко; любой бы догадался, что даме не раз приходилось хлестать тех, кто вызвал ее недовольство. Она привыкла, что стоило ей только замахнуть, как в глазах жертвы появляется страх, а спина жалко горбится, ожидая удара. Но Эли, напротив, расправила плечи и вскинула голову, глядя прямо и смело.

— Не смейте поднимать на меня руку! — воскликнула она так яростно, что пожилая мучительница на мгновение растерялась, приняв непривычное ей бесстрашие за безумие. А Эли, не раздумывая, дернула веревку так сильно, что мужчина, удерживавший ее, от неожиданности разжал пальцы, невольно выругавшись.

— Держи ее! — крикнула тетушка, замахиваясь во второй раз. Но Эли уже сорвалась с места и в два прыжка оказалась у края обрыва. Берег над рекой был высок и крут, а вода в лесной реке — глубока и черна, оттого чужестранцам и в голову не пришло, что пленница может броситься вниз; не у каждого хватило бы мужества прыгнуть в воду с такой высоты даже со свободными руками. А руки Эли были все еще связаны, и из-под туго намотанной веревки при каждом шаге летели темные брызги.

...Она постаралась оттолкнуться от края как можно сильнее, чтобы уйти в воду с головой. Ее пытались схватить, но она оказалась быстрее и храбрее, чем можно было бы ожидать от бледной невзрачной девчонки, кашлявшей кровью. У обрывистых берегов всегда таится множество омутов, и темная вода поглотила Эли с жадным глухим плеском.

Мужчины сердито закричали что-то друг другу, указывая вниз — течение здесь было быстрым, блики солнца играли на струящейся воде. Предводительница маленького отряда тоже говорила громко и недовольно, от злости рассекая воздух хлыстом. Если бы Эли слышала их, то догадалась бы, что они уверены: глупая пакостливая девчонка утонула, туда ей и дорога! Кой черт дернул довериться какой-то мелкой полоумной нищенке!

— Должно быть, у нее от болезни помутился рассудок, — сказала, в конце концов, недобрая тетушка на своем родном наречии, качая головой. — Не стоило ее брать с собой! Мы шли за ней, а ее вела лихорадка. Непохоже, чтобы эта дорога вела к человеческому жилью. Пустая трата времени! Возвращаемся!..

И чужестранцы, раздосадованные своей ошибкой, повернули обратно, подгоняя лошадей — солнце клонилось к закату.

А чуть ниже по течению, у почти отвесного берега, где старые искривленные ивы клонились к самой воде, тяжело дышащая Эли цеплялась изрезанными руками за ветви, стараясь не выдать себя ни единым звуком. Даже ей, привыкшей нырять в самые холодные и глубокие озера лесного края, пришлось нелегко — осколок фейского хрусталя был острее самого острого ножа, но и он не мог как по волшебству мгновенно разрезать веревки, врезавшиеся в запястья. По пути Эли потихоньку пыталась перерезать веревки — оттого и летели брызги крови на подол ее юбки — но к тому времени, как она с головой ушла под воду, путы еще были крепки.

До сих пор ей не верилось, что побег удался. В ушах шумело, ноги и руки сводило судорогой от холода, но она все прислушивалась, не дрожит ли земля от стука копыт, не звучит ли чужая злая речь. Никогда еще ей не приходилось чувствовать себя добычей, однако она не позволяла себе подчиниться животному страху, чтобы ни в чем не уступить ненавистной старой госпоже, недавно замахнувшейся на нее хлыстом.

— Они ушли, — сказала Эли тихонько самой себе, клацая зубами от холода. — Здесь никого нет, кроме меня.

И тут же, словно желая поспорить с этим утверждением, из воды неподалеку высунулось сразу несколько хитрых мордочек — речные выдры смотрели на нее глазами-бусинками, шевелили усами, принюхиваясь к человеческому запаху.

— Не вы ли помогли мне спастись? — спросила Эли, рассматривая свои руки: порезы на них чередовались с ранками, ничуть не похожими на те, что остаются от осколков стекла.

Кто знает, что произошло в глубинах темной речной воды? Девушка помнила только холод и удушье, от которого легкие готовы были разорваться. Сама ли она разрезала веревки или вновь на помощь пришли бессловесные обитатели леса?.. Воспоминания о чудесных событиях прошлой ночи казались сном — но проясняли разум и придавали сил. Эли неловко взобралась на толстую ивовую ветвь, после речной воды показавшуюся ей теплой, словно шершавый бок какого-то диковинного зверя. Там она неподвижно лежала несколько минут, хрипло дыша и содрогаясь всем телом. Вода стекала с мокрой одежды, не давая согреться, и, конечно же, не окажи магия очередную любезность — Эли непременно бы простудилась до смерти. Но волшебству было угодно хранить ее для другой смерти — чуть менее милостивой, — и потому вскоре девушка ощутила прилив сил, как будто ее согревали лучи полуденного солнца.

Страх понемногу уходил, боль в израненных руках стихала, мысли вновь чинно шли одна за другой, как им и полагалось, а не бурлили в голове, словно ведьминское варево, выкипающее и переливающееся через край котла.

— Я спаслась, — вновь заговорила с собой Эли, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и рассудительно, как будто рядом есть кто-то взрослый и мудрый, способный утешить и дать совет. — Но какой в этом смысл, если я сейчас вернусь домой? Или останусь в лесу?.. Колдовство не отпустит меня. Так пусть же остаток моей жизни будет употреблен с пользой. Я должна предупредить Ашвина об опасности!

Тут она нахмурилась: означало ли это, что она подчинилась замыслу феи, утверждавшей, что весь смысл жизни Эли — в любви принца... или в попытках ее заслужить?

— Но если я не помогу ему, то победа и вовсе останется за злой госпожой! — воскликнула она в конце концов, и от воспоминаний о свисте розги в воздухе щеки ее начали пылать. Проклятие феи было жестоким и страшным, но и вполнину не таким унижительным, как обращение чужестранцев. О, Эли не могла допустить, чтобы им сошло все это с рук! «Если им нужен Ашвин — я сделаю все, чтобы они его не получили!» — подумала она, чувствуя, как быстро — от ярости и любви, — бьется сердце. Никогда она еще не чувствовала себя столь живой и сильной.

Привстав, она окинула взглядом реку, виднеющуюся сквозь ветви ивы — течение здесь было быстрым, но разве не переплывала она озера вдвое шире?

— Проклятие не даст мне умереть, не так ли? — насмешливо и дерзко воскликнула она, обращаясь к сгущающимся теням, где прятались те невидимые существа, что выступали свидетелями и поручителями сделок с дочерьми звезд и туманов. — А если всей недоброй магии иного мира не хватит, чтобы удержать меня над водой... что ж, эта сила еще бесполезнее, чем я думала! Положусь, как и прежде, на помощь леса и его созданий — они куда честнее фей!

И она, не раздумывая больше ни мгновения, нырнула в воду, проделав это так же ловко, как и выдры, следовавшие за ней.

Эли и принц (4)

Воды лесных рек всегда холодны и опасны — даже в самый знойный летний день солнце не может согреть их. К вечеру, когда тени деревьев смыкаются над водной гладью, дыхание реки становится еще прохладнее. Даже дикие звери неохотно заходят в студеную воду по грудь и только опасность заставляет их переплывать реку — куда милее им спокойные залившиеся озера и верховые болота.

Эли, нырнув в реку с головой, почувствовала, как у нее перехватило дух. «Быстрее, быстрее! — прокричала мысленно она самой себе. — Я не выдержу долго такого холода!». Быстрое течение сносило ее вниз, и девушка знала, что коварные водовороты могут затянуть ее в глубину навсегда. Холодная вода быстро забирает силу у человека, а судороги лишают его последней возможности держаться на плаву. Нельзя теряться и поддаваться страху, нельзя беспорядочно бить руками по воде — движения должны оставаться размеренными и спокойными, иначе пловца убьет его собственная паника. Все это Эли знала, однако лесная река была широка — куда шире, чем ей казалось, когда она смотрела на нее с обрывистого берега.

«Ох и разозлится же фея, если я попросту утону!» — невольно подумала она, чувствуя, как руки все хуже повинуются, а мышцы ног сводит от холода.

Выдры, почуяв неладное, поднырнули ей под руки, толкая изо всех сил — но их помощи не хватало. Эли дернулась, хлебнув воды, и, потеряв самообладание, забилась в испуге, уходя под воду. Она чувствовала, что сил у нее не хватит для того, чтобы еще раз вынырнуть и удержаться над водой — а берег был еще далеко. «Я попыталась! Я сделала все, что смогла!» — думала она, сожалея, что сознает происходящее так ясно — ей, как и прежде, совершенно не хотелось умирать. Выдры суетились вокруг нее, царапая когтями онемевшую от холода кожу — она даже под водой слышала, как они отчаянно стрекочут, выныривая на поверхность.

Из-за холода она не сразу поняла, что некая сила выталкивает ее на поверхность — тело полностью окоченело, — и только провалившись на мгновение обратно в глубину, словно сорвавшись с некоей опоры, она догадалась, что под нее поднырнуло что-то сильное и скользкое, пытающееся помочь. Огромная речная рыба? Водный дух?.. Она не могла ни обхватить его, ни опереться — руки и ноги не слушались, превратившись в заледеневшие бесполезные подпорки. Но таинственный речной житель, стремительно поднявшись из глубины, снова вытолкнул ее на поверхность, чтобы она могла глотнуть воздуха — и в голове чуть прояснилось. Рядом радостно верещали выдры, а берег оказался чуть ближе, чем казалось перед тем, как Эли пошла ко дну.

Снова и снова она уходила под воду, а ее рывком поднимали вверх, как неуклюжую отяжелевшую колоду — пока наконец она не коснулась однажды ногами илистого дна: берег был совсем рядом. Но Эли, честно сказать, не смогла бы в одиночку преодолеть и столь жалкое расстояние — ни рук, ни ног она не чувствовала. Ее безо всякой деликатности вытолкали на песчаную отмель, где она с трудом, перекатываясь с боку на бок, падая лицом в ил, барахтаясь и неловко изворачиваясь всем своим одеревеневшим телом, выбралась из реки. В вечерних сумерках она не смогла разглядеть, кто на прощание громко плеснул хвостом о воду — огромный сом или же иное чудовище, прячущееся от глаз людских в самых глубоких омутах. Но кем бы ни был речной житель — только что он спас Эли жизнь. Лес

продолжал хранить от бед девочку, обделенную особой судьбой.

Обессилев, она лежала на берегу, думая, что ей никак не согреться — вся магия мира не способна прогнать ледяной холод, поселившийся внутри костей, в каждой жилке и даже в самом сердце, отчего оно билось все медленнее и тише.

Затем она услышала осторожное ворчание, ее лица что-то коснулось, и в темноте засветились хищные звериные глаза: волки окружили ее, обнюхивая и глухо рыча. Но Эли не испугалась — она знала, что их, как и выдр, как и водяное чудище, тоже послал лес. Звери, потоптавшись рядом, один за другим ложились на песок, неохотно делясь с Эли теплом своих тел. Кто-то забрался ей на ноги, кто-то свернулся клубком у груди, а у самого ее лица злобно горели точки зрачков. Она слышала дыхание, биение сердец, лязганье зубов и утробное рычание, не смолкавшее ни на миг — вольные волки были недовольны приказом, который получили, однако не смели ослушаться и срывали злость друг на друге, огрызаясь и скалясь.

Под этим живым меховым покрывалом она лежала неподвижно, то проваливаясь в беспомощность, то приходя в себя — пока не почувствовала, что начинает согреваться. Помогала ли ей в этом магия — кто знает. Но к тому времени, когда на небе появились первые яркие звезды, Эли смогла пошевелиться, согнуть ноги, а затем и руки; поскрести пальцами влажный песок; приподнять голову и сморгнуть прилипшие к векам песчинки. Потрясенные звери с рычанием вскакивали с мест, кто-то даже сжал зубами ее руку — но не до крови, лишь чтобы напомнить, как не по душе волкам живые люди. Эли не вскрикнула — слишком много боли ей пришлось вынести за последнее время, чтобы удивиться какой-то новой ее разновидности. Ей хотелось поблагодарить волков, но они черными тенями метнулись в глубь леса, не дожидаясь, пока человек сумеет что-то прохрипеть; в их волчьем мире не слишком-то ценилась вежливость.

Она поднялась на все еще слабые ноги, сделала пару нетвердых шагов. «Как я найду дорогу в темноте?» — пришла в голову беспомощная, отвратительно-плаксивая мысль. Раньше Эли никогда не жаловалась даже самой себе и ей было неприятно то, каким бессильным и сломленным ощущалось теперь ее тело.

Но не успела она изругать себя за слабость и уязвимость, как новые тени заплясали вокруг нее — только на этот раз они были молчаливы и холодны. Настал черед созданий иного мира — тех самых, что были призваны в свидетели феей — принести Эли свой дар. Ее воспаленных глаз, горевших от речной воды и песка, коснулась мягкая прохлада, и в следующий миг девушка поняла, что видит ночной лес таким, каким не видела никогда ранее: ее зрение стало зрением ночного зверя, которому достаточно легчайшего отблеска луны, чтобы видеть лесные тропы так же ясно, как и днем. Она потянула носом — никогда еще он не чуял так много запахов!..

— Столько особых подарков для обычной человеческой девчонки! — сказала Эли, криво усмехаясь. — И все для того, чтобы я смогла умереть от неразделенной любви согласно договору, записанному в незримых книгах!..

И она, отбросив в сторону напрочь испорченные водой башмаки, побежала меж деревьев, ступая с каждым шагом все сильнее и увереннее. Новообретенное звериное чутье вело ее точнее любой карты — она теперь понимала, в какой стороне Терновый Шип, предчувствовала овраги, легко угадывала впереди полосы непроходимого бурелома и наполненные стоячей водой канавы, где даже опытный охотник переломал бы ноги. Ничто в ту ночь не могло остановить ее на пути к Ашвину. И лес, и магия были едины в своем

желании сберечь Эли от опасностей.

...К усадьбе Эли вышла ближе к полуночи — и она знала, что опередила чужестранцев, ведь не было короче пути, чем тот, по которому она пробиралась сквозь лесную чащу. Одним прыжком она перелетела через ограду и мимоходом удивилась своей ловкости. Впрочем, объяснение было простым — вновь явила себя магия, которой было угодно вести Эли к смерти, обозначенной в договоре. Проклятие феи оказалось щедрым до расточительности: оно не жалело волшебства, чтобы исполнить волю своей темной создательницы. Казалось, потребуйся Эли перелететь через пропасть, чтобы встретиться с Ашвином — и оно подарит девочке крылья. Думая об этом, она то скрипела зубами от злости — на фею и на себя, так легко принимавшую хитрые подарки, — то испытывала прилив сил: невозможно проиграть в бою за жизнь Ашвина, если твои временные союзники так сильны!..

«Он там, там!» — явилась мысль, едва только Эли заметила отблеск свечи в одном из окон на втором этаже дома.

Как дикая кошка, она взобралась по стене, цепляясь окрепшими ногтями за старые бревна, и, захлебнувшись от внезапного волнения, заглянула в окно.

Действительно, там был Ашвин: он сидел за письменным столом, что-то сосредоточенно читая при свече. «Не видела никого красивее!..» — запело что-то внутри Эли, и она от досады зарычала на саму себя совершенно по-волчьи: глупое сердце! Как ты не можешь понять, что все это обман, наваждение?!..

Но она пришла к нему, пройдя сквозь темный лес, переплыв через глубокую реку, и, следовательно, должна была что-то сказать.

— Ашвин! Ашвин! — позвала Эли тихонько, и поскреблась в окно, как ночная птица.

Он не сразу услышал ее. Нахмурился, склоняя голову из стороны в сторону, и его пепельные волосы заблестели в теплом свечном свете. «Красивый! Красивый!..» — и вновь Эли застонала от досады, желая отхлестать себя по пылающим щекам.

Нерешительно он подошел к окну, вглядываясь в темноту, и отпрянул, когда ли вновь позвала его: «Ашвин!».

— Кто там? — воскликнул он не столько испуганно, сколько взволнованно. — Если ты лесной дух, то уходи! В моих краях запрещено говорить с нечистыми созданиями!

— Открой окно, Ашвин! — тихонько просила его Эли, с трудом преодолевая робость. — Я всего лишь человек, такой же, как и ты. Мне нужно сказать тебе что-то очень важное!..

Ее шепот, казалось, зачаровал Ашвина. Его взгляд оставался недоверчивым и настороженным, однако шаг за шагом он подходил к окну, за которым виднелось бледное личико с лихорадочно горящими глазами.

Поколебавшись пару мгновений, он приоткрыл задвижку.

— Да ведь ты же та самая лесная бродяжка! — воскликнул он, и лицо его просветлело. — Я узнал тебя! Ты забралась недавно в Терновый Шип, а затем я тебя испугал своими расспросами. Мне потом стало очень стыдно, и я все думал, в порядке ли ты. Откуда тебе известно мое имя?..

Его приветливый голос заставил Эли растеряться — она и подумать не могла, что Ашвин запомнил ту встречу. Если он не обратил на нее внимание, когда они танцевали на балу, то с чего бы ему думать о чумазой девчонке-нищенке, которую он застал в своем саду?..

— Это неважно, — наконец, смогла сказать она. — Гораздо важнее то, что тебе грозит

страшная опасность. За твоей головой в лесной край прибыли чужестранцы — и они ищут дорогу к Терновому Шипу прямо сейчас!..

По побледневшему лицу Ашвина она поняла, что юноша знает, кто эти люди — и смертельно боится их.

Эли и принц (5)

Бывает страх, что заставляет глаза гореть, сердце — гнать пылающую кровь по жилам; еще он превращает все мышцы тела в натянутые струны, ускоряет бег — чтобы топот ног звучал в такт с безумным биением сердца, — обостряет слух и ум, но притупляет боль; и даже одаряет на время чутьем, помогающим предугадать тайные опасности. Словом, страх этот дан человеку во спасение.

Но Ашвин был охвачен совсем иной разновидностью испуга — взгляд его потускнел, спина сгорбилась, словно на плечи ему обрушилась невыносимо тяжелая ноша — ненавистная и привычная одновременно, — и в том, как тяжело и коротко он вздохнул, слышалась одна лишь обреченность. Услышанное не побудило его бежать — напротив, заставило безвольно замереть. Ни на миг он не усомнился в правдивости слов Эли — более того, теперь он смотрел на нее так, словно она, произнеся роковые слова, стала частью прошлого, откуда за ним явились враги. «Ты знаешь о том, что меня желают убить — стало быть, тебе известно о моей жизни так много, как никому более!» — говорил его взгляд, бесконечно печальный и доверчивый.

— Ашвин, — шептала Эли в отчаянии, видя, что он бездействует и молчит. — Они идут за тобой! Нужно спастись!.. Верь мне — я переплыла широкую реку, я прошла сквозь ночную чащу — только чтобы предупредить тебя...

Но он только тяжело дышал, все ниже склоняя голову, как будто каждое услышанное слово по капле лишало его сил.

— Здесь нельзя оставаться! — Эли хотелось встряхнуть его, чтобы привести в чувство, но она не решалась даже руку протянуть в сторону юноши. — Они знают, где ты живешь...

— Значит, кто-то предал меня, — глухо и безразлично промолвил Ашвин, не глядя на нее. — Как странно! Даже когда чувствуешь себя полностью одиноким — рядом всегда есть предатель.

— Ох, да разве стоит об том думать, когда нужно уносить ноги?! — нетерпеливо воскликнула Эли. — Предупреди свою тетушку, слуг, и побыстрее уходите!

— Тетушку? — переспросил Ашвин, наконец-то подняв взгляд на нее, и Эли поежилась, увидев, как мертвы и безжизненны его глаза. — Но никто, кроме нее, не знал, где мы прячемся... Знаешь, лесная девочка, как я хотел написать тому... тому, кого привык считать отцом? Но он отослал меня, на прощание сказав, что никто не должен знать, куда мы уедем — даже он сам. И я с тех пор не написал ни единого письма, выполняя его приказ. Не заводил знакомств и дружбы, не покидал стен усадьбы, не обмолвился лишним словом, когда обстоятельства принуждали меня к разговору — сплошь вежливая бессмысленная болтовня... всю жизнь меня учили быть осторожным и не доверять людям — и я был хорошим учеником!..

— Я говорю правду! — вскинулась Эли, приняв последние слова на свой счет, ведь все остальное прозвучало для нее путано и непонятно.

— Нет-нет, тебе я верю, — бледно усмехнулся Ашвин. — Быть может, потому, что ты похожа больше на лесного духа, чем на человека. Хотя совершенно не понимаю, отчего тебе вздумалось мне помогать!.. Что ж, давай проверим, ждет ли этой ночью гостей моя опекунша...

И он подал руку Эли, как будто не замечая, что ее пальцы изранены и грязны.

Она, растерявшись и смутившись, не сразу приняла его приглашение, но все же, помедлив, робко коснулась его холодной ладони и беззвучно перебралась через подоконник, немного стыдясь того, что ее босые ноги оставляют всюду грязные следы.

Ашвин, тихо приоткрыв двери своей комнаты, выскользнул в коридор, прислушиваясь к шорохам старого дома. Эли шла за ним след-в-след, от волнения не в силах произнести и слово.

— Кажется, она сегодня отпустила слуг, — прошептал он, пройдя к лестнице, ведущей вниз. — Плохой знак... Слушай! Сама она не спит — это ее шаги там, в гостиной. Видишь — я был прав, она их ждет...

И от слов этих, произнесенных совершенно равнодушным голосом, повеяло чем-то пугающим, как будто там, в гостиной, затаилась огромная ядовитая змея, поджидающая добычу. Быть может, произнеси Ашвин их как-то по-другому — Эли бы решила, что он от волнения наговаривает на госпожу Кларизу, вменяя ей в вину несуществующее злоумышление, но обвинение было произнесено так бесстрастно и уверенно, что не приходилось сомневаться: Ашвин знает гораздо больше о темной стороне человеческой души и о предательствах, чем она сама.

— Ты все равно должен бежать! — с горячностью сказала Эли.

— Бежать... — повторил Ашвин с горечью. — всю свою жизнь я от кого-то бегу — и никто не объясняет, что за опасность мне грозит. Только повторяют: тебя хотят убить, тебя непременно убьют, если найдут... Это так утомляет! — и он, тихо и горько засмеявшись, повернулся, направляясь обратно в свою комнату.

Эли ничего не оставалось, кроме как тихонько последовать за ним.

— Что?.. Но почему?! — она, ничего не понимая, заговорила лишь когда затворилась дверь, вряд ли способная защитить от ночных непрошенных гостей. — Неужели ты собираешься просто ждать, когда за тобой придут?..

— Ты ничего не понимаешь, лесная девочка, — промолвил Ашвин, усевшись у давно остывшего камина и уставившись в пустоту. — Ты не знаешь, каково это — жить, скрываясь. С каждым годом все меньше рядом близких людей — они исчезают, выполнив свой долг или предав его. Ты не имеешь права ни на миг позабыть, что вокруг тебя смыкается круг, и всюду подстерегают враги — более ничего. Никто не говорит правды, лишь предупреждают, что тебе уготована особая судьба и передают из одних верных рук в другие...

— Особая судьба! — с отвращением вскричала Эли, не сдержавшись. — Хуже напасти не бывает!..

— Странно! — Ашвин хмыкнул. — Обычно все говорят, что особая судьба — редкий и ценный дар.

— Только не я, — сказала Эли решительно. — Я знаю цену таким дарам — и она очень высока!

— Но не всегда от них можно отказаться. Иногда нужно просто принять свою судьбу... — грустно сказал Ашвин, и вновь стих, глядя на золу.

— Вот уж не соглашусь! — пылко воскликнула Эли, немного обиженная тем, что Ашвин считает, будто она ничего не понимает в предназначении, судьбе и особых дарах. — Да с чего ты взял, что это твоя судьба? Кто тебе про нее сказал — какая-то зловредная фея?

— Фея?! — переспросил порядком удивленный Ашвин. — При чем тут детские сказки? Я говорю о действительности, где не бывает никаких чудес. Разве ты не видишь — рядом со мной из верных людей оставалась одна Клариза, да и та меня предала. Куда бежать? Зачем?..

Я устал от всего этого и не вижу более смысла уходить от судьбы. Пусть приходят за мной и делают то, что им угодно. Быть может, я хотя бы узнаю, от чего я скрывался все эти годы.

— Ох, ну хоть тут обошлось без феи, — пробормотала Эли, пропустив мимо ушей почти все его остальные доводы. — Раз тебя никто не проклял — уже хорошо! Мне ли не знать... Из того, что ты сказал, я все равно не поняла — отчего ты не можешь сбежать? Оставь тетушку, раз она к тебе так дурно отнеслась, и спасай свою жизнь!

Ее простой совет застал Ашвина врасплох. Он не знал, что возразить, однако и согласиться не мог — воспитанный в одиночестве, недоверии и недомолвках, привыкший повиноваться некоей высшей воле, спасающей его от таинственной опасности — он не представлял, каково это: полагаться на самого себя в принятии решений. И то, что для Эли казалось очевидным, для него было совершенно чуждым и непонятным.

— Но я буду... один! — наконец сказал он с некоторой озадаченностью.

— Зато ты будешь жив!

— Я не знаю, куда мне идти, — взгляд Ашвина стал немного виноватым и смущенным — но даже это было куда лучше, чем прежняя мертвечина.

— Как будто раньше ты это знал!

— Мне говорили, что придет время и мне расскажут правду о моей особой судьбе, а до того...

— Ашвин! — Эли, ощутив прилив храбрости, схватила его за руки и притянула к себе так близко, как только могла, и в висках у нее застучала жаркая кровь. — Послушай меня! Возможно, никакой особой судьбы нет. Представь, что все это был обман, морок, и ты с этой минуты волен жить так, как тебе хочется — не ожидая, когда тебе поднесут предназначение на блюдечке! Разве жизнь твоя станет пуста и бессмысленна, если из нее вычтешь слова каких-то странных людей, которые даже не объяснили тебе, что имеют в виду?..

— А... феи объясняют? — вдруг спросил Ашвин.

— О да, феи объясняют, да еще как! — воскликнула Эли, невольно вздрогнув. — Но тебе лучше не знать, каково это — получать подарки от фей. Без них жить куда проще!.. Вот что я скажу: если тебе нужно, чтобы верный человек вел тебя за собой, оберегая от опасностей — прошу тебя, Ашвин, иди со мной. Я не оставлю тебя в беде и буду рядом, пока ты будешь в этом нуждаться — преданнее помощника ты не найдешь. Хотя бы сегодняшнюю ночь проведи вне дома! А потом... потом мы найдем приют получше — главное, не попасться этим злым людям. Ох, знал бы ты, сколько зла в той женщине, что ищет тебя!..

Ашвин слушал ее внимательно, хмурясь и потирая пальцами виски. Временами взгляд его прояснялся и становился недоверчивым — он подпустил к себе так близко чудную замарашку, рассказывающую о феях!.. — а затем вновь мутился от безысходной тоски, и тогда он смотрел на Эли с надеждой, как будто видел в ней духа-покровителя, пришедшего из темной чужой чаши. Проклятие Эли, составленное феей хитро и зло, не позволило бы Ашвину влюбиться в Эли-девушку, но оно не смогло запретить ему очароваться Эли-созданием леса, желавшим помочь так бескорыстно и самоотверженно.

— Могу ли я тебе верить? — спросил он взволнованно, живо, словно придя наконец-то в себя. — Почему ты пришла на помощь? Почему так добра ко мне?

Настало время Эли помрачнеть: она поступила так потому, что была во власти своего собственного наваждения — но кто будет рад такой правде?

— Я вовсе не добра, — сказала она угрюмо. — Добры те, кто выбирает, какой поступок совершить — и удерживаются от плохого. А я... я обречена на то, чтобы помогать тебе. Не

спрашивай больше, почему я здесь. Просто прими мою помощь и знай, что я готова спасти тебя ценой собственной жизни.

— Но мне не нужна такая жертва! — запротестовал Ашвин.

— Не тебе это решать, — отрезала Эли, посмотрев на него исподлобья.

Эли и принц (6)

Чутье верно подсказало Эли, в чем нуждается Ашвин, чтобы принять решение. Если разобраться, юноша получил ту жизнь, от которой некогда пытались уберечь Эли ее родители: его с раннего детства хранили от таинственной опасности, не позволяя заводить ни с кем дружбу и объясняя ей всевозможные ограничения свободы воли; прятали в стенах уединенных домов, приставив строгих опекунов; туманно говорили о некоей особой судьбе, правду о которой ему суждено узнать в нужный час. Нрав юноши был настолько добр, что даже все это не смогло ожесточить его или превратить Ашвина в угрюмого одиночку, но вынужденная привычка полагаться на чужие решения, не имея возможности в них усомниться или оспорить, лишила его и воли к жизни, и самого жизнелюбия. Чем меньше человек знавал счастья — тем меньше поводов у него бороться за свою жизнь. А судьба Ашвина — это читалось в его грустном взгляде — до сей поры обделяла юношу счастливыми мгновениями.

— Пора покинуть этот дом, пока он не стал ловушкой! — сказала Эли, взволнованно прислушиваясь к крикам сов за окном. — Зло совсем рядом!

— Но мои вещи...

— Нет времени! — воскликнула Эли, чувствуя, как пробегает по спине дрожь страха: обостренное чутье, которым сегодня наградила ее магия, ясно предупреждало о приближающейся опасности.

И не успела она это сказать, как у ворот усадьбы послышались крики, стук, ржание лошадей — в Терновый Шип прибыли ночные гости, наконец-то отыскавшие усадьбу среди болот и лесов.

Последние сомнения Ашвина развеялись — слова Эли до той поры могли казаться лесным мороком, уловкой здешних духов, желающих позабавиться с чужаком и заманить его в ночные дебри. В том, как он иногда косился на девушку, угадывался мистический страх, неясное подозрение — недоверие отшельника к внешнему миру нередко приобретает суеверные черты. Но теперь последние колебания исчезли — он, подстегиваемый волнением, захваченный врасплох непривычным жарким стремлением спасти свою жизнь во что бы то ни стало, последовал за ней, про себя немножко смущаясь из-за того, что ему не удастся быть таким же ловким и тихим, как лесная девушка.

Лай потревоженных дворовых собак, к счастью, заглушил шум, с которым они спустились по стене вниз. Эли, все еще видевшая в темноте как кошка, вела за собой спотыкающегося Ашвина, а затем помогла ему взобраться на старые бревна ограды. Но, увы, он не мог двигаться так же быстро как она, и Эли поняла, что в ночном лесу от погони им не скрыться.

Тем временем голоса у ворот становились все злее и громче, а в окнах усадьбы замигал огонек — госпожа Клариза никак не могла пропустить мимо ушей полуночный переполох.

— Что, если я ошибся, — прошептал Ашвин, вцепившись в бревна ограды. — Что, если она ни в чем не виновата, а я ее покинул?..

Эли смолчала, закусив губу — быть может, ее влюбленность и была наваждением, однако она точно знала, что Ашвин — добрый юноша, и бессмысленно говорить ему, будто прежде всего следует спасти свою жизнь. Поначалу он мог поддасться растерянности или черным подозрениям, но теперь, когда живые и настоящие враги стояли у ворот, он отбросил

прежние хладнокровные рассуждения о возможном предательстве своей опекуниши. Какими бы вескими ни были основания предполагать ее вероломство, Ашвин не мог оставить ее в беде. Он, отпустив руку Эли, замер: и без вмешательства фей человека порой сковывают невидимые цепи — прочнее железа и стали.

Но тут над подворьем зазвучал громкий и спокойный голос госпожи Кларизы, говорившей на чужом наречии, и Ашвин вздохнул.

— Все же я был прав, — сказал он с горьким разочарованием. — Но лучше бы я ошибался!.. Она их ждала, она их знает!..

А госпожа Клариза, прикрикивая на рвущихся с цепей собак, торопливо шла к воротам, приветливо окликая своих тайных гостей по именам — в этом нельзя было ошибиться.

— Что ж, — произнес Ашвин, вновь повернувшись к Эли, — теперь совесть моя чиста. Веди меня, куда посчитаешь нужным, и прости, что мы потеряли столько времени из-за моих глупых сомнений!..

...Заминка, возможно, не стоила бы беглецам слишком дорого — лес был все так же готов укрыть их в своей чаще от преследователей. Но не каждому по силам было воспользоваться этой помощью — недаром ночью по едва заметным тропам тихо ступают одни только дикие звери, различающие каждый шорох и видящие сквозь тьму; обычный же человек, не наделенный волшебным зрением и слухом, в эту пору благоразумно прячется за оградами и стенами или же жметя к костру, дожидаясь утра. Нескольких мгновений, которые Ашвин потратил на колебания, хватило Эли, чтобы поразмыслить и принять решение. Она, поведя вокруг себя быстрым кошачьим взглядом, одним стремительным тихим прыжком взобралась на ветвь старого дерева, которое широко раскинуло свою крону над оградой. Не успел встревоженный Ашвин понять, что ее уже нет рядом, как Эли тихонько позвала его откуда-то сверху — и он невольно вздрогнул, увидев, как светятся в темноте, из густой листвы глаза его новой подруги.

— Хватайся за мою руку! — прошептала она. — Я помогу тебе подняться!

— Но... ты же... — пробормотал Ашвин, чувствуя себя неловко: ему не хотелось бы обидеть свою проводницу, но все же раньше ему не приходилось доверяться силе девчоночьих рук!..

— Я крепче, чем ты думаешь! — фыркнула Эли насмешливо и чуть сердито: возможно, магическая влюбленность и ослепляла ее, когда она смотрела на Ашвина, заставляя видеть в нем одни лишь достоинства, однако всему фейскому волшебству в мире не удалось бы переиначить главное в ее характере. Стоило Ашвину заговорить — и у нее перехватывало дыхание, но даже ему не стоило как-либо принижать чувство собственного достоинства Эли. К счастью, юноша был достаточно умен, чтобы правильно истолковать интонации собеседницы, и, более не подвергая сомнению ее способности, он протянул руку навстречу.

— Слушай, о чем они говорят — быть может, это окажется полезным для нас! — тихо сказала Эли, когда они устроились поудобнее среди толстых ветвей. — Но храни молчание, что бы ты не услышал и не увидел! Если они догадаются, что ты не успел уйти далеко — нам конец.

Ашвин в ответ тихонько пожал ее руку, показывая, что доверяет ее советам.

Госпожа Клариза тем временем подняла тяжелый засов на воротах ипустила ночных гостей, голоса которых звучали недовольно — и громче всех звенели проклятия жестокой дамы. Слишком долго им пришлось плутать по лесным дорогам, чтобы ждать еще и у порога!..

— Они приказывают ей как можно быстрее провести их в дом! — прошептал Ашвин. — Требуют показать им мальчишку... то есть, меня. Говорят, что времени у них в обрез — им во чтобы то ни стало нужно первыми добраться до наследника... Но у меня нет никакого наследства! — он нахмурился. — Я не знал своих родителей, и с рождения был воспитанником при доме господина Эршеффала, моего добрейшего крестного отца... Быть может, это какая-то путаница и они ищут кого-то другого?!

Эли, помнившая о том, как фея говорила, будто ей ради исполнения своей клятвы ничего не стоит перетасовать колоду судеб и престолюдинов, и королей, только вздохнула и кротко повторила: «Тише, Ашвин, умоляю!».

Не таясь и не приглушая своих сердитых, взбудораженных голосов, ночные гости торопились ко входу в дом, пустив взмыленных лошадей на подворье как придется.

Окна засветились, словно в усадьбе нынче давали бал — госпожа Клариза не жалела свечей, выказывая свое почтение. Кем бы ни были чужеземцы, перед ними она лебезила и выслуживалась так явно, что легко было догадаться: прибывшая в Терновый Шип суровая дама — особа знатная и важная.

— Странно, — заметила Эли, распластавшись по ветке, как белка. — Они так шумят, словно не опасаются, что ты их услышишь и сбежишь!

— Я бы и не сбежал, — ответил на это Ашвин, и то, как прозвучали эти слова, рассказало Эли об одиночестве юноши куда больше, чем самая долгая откровенная история о его жизни.

— Смотри! — Эли приподнялась, глаза ее засветились от волнения. — Она идет наверх, за тобой!..

И они, не сговариваясь, одновременно хихикнули, на мгновение почувствовав себя проказливыми детьми.

Окно спальни Ашвина было распахнуто, поэтому они слышали, как стучит в дверь Клариза, как притворно-ласково зовет своего воспитанника. Затем в ее голосе зазвучало раздражение, беспокойство, и вот она врывается в комнату!.. Затем кричит — и гнев ее сменяется испугом, когда она понимает, что спальня пуста.

Страх в голосе господи Кларизы отрезвил и Эли, и Ашвина — их приключение вовсе не было веселой детской шалостью, как им только что показалось. Они, затаив дыхание, припали к могучему стволу дерева, боясь выдать себя лишним шорохом. Теперь ночная тьма и густые листья не казались такой уж надежной защитой от зла, пришедшего в усадьбу.

Спустя несколько мгновений старый дом задрожал от топота ног, суеты, воплей и проклятий. Ночные гости обыскивали комнаты, распахивали окна и двери, выбегали во двор, с фонарями высматривая следы, грозили госпоже Кларизе, визгливые оправдания которой становились все громче и отчаяннее. Дворовые псы, не зная, что и думать, истошно выли, звеня цепями и пугая лошадей.

— Они говорят, что она обманула их, — Ашвин шептал едва слышно. — Называют предательницей и обвиняют в злом умысле... Что она служит кому-то другому... Что меня успели увезти из усадьбы, а она тянула время, чтобы задержать... Что они все равно найдут меня, рано или поздно, где бы я не прятался...

Шум и вой становился нестерпимым; казалось, что в собак вселились бесы, да и в самом доме нынче пирушка нечистой силы. Разобрать голоса было все сложнее — все сливалось в один пронзительный крик, в единый траурный вой. Что-то страшное происходило в доме — Эли почувствовала, как сердце вновь словно окунули в ледяную воду, как это было, когда она

едва не утонула в лесной реке. Ашвин, не в силах сказать ни слова, тоже дрожал, отворачиваясь от светящихся окон — и, надо сказать, светились они все ярче, как будто внутри теперь горели не только свечи.

А затем чужеземцы вышли из дома, неся в руках факелы — и Кларизы с ними не было. Жестокая госпожа раздавала отрывистые приказы — один из ее подручных тут же подвел ей лошадь, а двое других швырнули факелы в распахнутые двери дома, откуда и без того уже валил дым. С минуту дама-чужестранка смотрела на то, как разгорается пламя, а затем, вскочив в седло так ловко, как умеет не каждый мужчина, свирепо выкрикнула какое-то проклятие — не требовалось знать чужестранное наречие, чтобы понять, как она зла из-за неудачи, — и спустя мгновение ее отряд уже скрылся в ночи, оставив за собой занимающийся пожар.

— Они убили госпожу Кларизу, ведь так? — помертвевшим голосом промолвил Ашвин. — И подожгли дом. Зачем они так поступили?..

— Нужно отвязать собак, — только и сказала Эли, потрясенная произошедшим не меньше его. — Иначе они тоже погибнут.

И она темной тенью скользнула вниз, предоставив Ашвину самому спускаться с ветвей дерева. Никогда она ее не видела столько зла и разрушений, и ум ее пока что не мог осознать, как страшны враги Ашвина и на что они способны во имя достижения своей цели. Единственное, что было ей по силам — так это побеспокоиться о псах, пасти которых были полны пены от ярости и страха.

Другой бы не решился к ним подойти — то были грозные сторожевые псы Лесного Края, известные своим диким нравом. Но Эли, словно не замечая, как они рычат и скалятся, как скребут землю чудовищными когтями, смело подошла к каждому, чтобы расстегнуть грубый шипастый ошейник. Ашвин, глядя на это, невольно жмурился, ожидая, что лесную девочку вот-вот изорвут в клочья. Но псы, для порядка облаив ее, успокаивались точно по волшебству, стоило ей тихо заговорить, и, отбежав, возвращались, подставляя свои огромные медвежьи головы в надежде получить хоть немного ласки.

— Уходите! Уходите! — говорила им Эли, указывая рукой в сторону леса. — Ищите новый дом!

И псы, поняв ее приказ, один за другим, неохотно разворачивались и тяжелыми скачками уходили во тьму. Огонь разгорался все ярче, и Эли отмахивалась от жгучих искр, осматриваясь — не забыла ли она еще кого-то освободить.

— Голуби! — с сожалением воскликнул Ашвин, к тому времени кое-как спустившийся с дерева. — В комнате госпожи Кларизы, на втором этаже, наверняка в клетках остались почтовые голуби, к которым она не допускала ни меня, ни слуг...

Эли, помрачнев, повернулась к дому, который еще не был охвачен огнем сверху донизу, но войти в него уже не удалось бы ни через двери, ни через окна первого этажа.

— Нет! — воскликнул Ашвин, угадав ее мысли. — Это слишком опасно! Дом вот-вот вспыхнет вместе с крышей!

Но она уже сорвалась с места, спеша вскарабкаться по стене к тому самому распахнутому окну спальни, из которого они с Ашвином недавно выбрались наружу. Спустя пару секунд она скрылась в дыму, и любой бы подумал, что назад она не вернется. Ашвин, то ругая себя за неосторожные слова о голубях, то призывая на помощь всех известных ему богов, замер в растерянности. Он знал Эли всего пару часов, но уже свыкся с мыслью, что она стала его единственным другом — так честно и смело она с ним говорила. Юноша готов

был поверить, что повстречал не обычную девушку, а волшебное лесное создание, бог знает отчего пришедшее из чащи ему на помощь — и ничего более волнующе-удивительного в жизни Ашвина еще не случилось. Но теперь она бросилась в горящий дом, чтобы спасти птиц — а ведь даже волшебные создания могут погибнуть в огне...

— Вернись! — шептал Ашвин, не замечая, как его самого окутывает едкий дым, как слезятся глаза, как не хватает воздуха легким... Напротив — шаг за шагом он приближался к огню, уже решившись последовать за Эли. «Раз уж я все равно собирался погибнуть сегодня, то отчего сейчас колеблюсь вместо того, чтобы прийти на помощь?!» — повторял он вполголоса, стыдя себя за нерешительность. Быть может, волшебству феи и предписывалось сохранять в этом юном сердце исключительное равнодушие к Эли, но даже у могущества магии есть свои пределы!..

Но тут нечто темное и быстрое, промелькнув в клубах дыма искристой кометой, вылетело из окна, перемахнув подоконник. Другой бы непременно переломал ноги, приземлившись после такого прыжка, но Эли лишь ловко перекатилась по земле. К груди она бережно прижимала нескольких трепыхающихся голубей, испачканных сажей — и не помяла при этом ни единого их перышка, хоть ее собственная одежда тлела, а от волос несло паленым.

— Я успела! — торжествующе воскликнула она, бережно отпуская птиц на свободу. Ее лицо покрывали полосы копоти, почерневшая одежда дымилась, а босые ноги были грязны, как никогда — и все же Ашвин в ту минуту подумал, что никогда еще не встречал столь прекрасной девушки.

Эли и принц (7)

Жар становился невыносимым, пламя поднималось все выше и гудело, словно внутри дома зарождался ураган.

— Госпожа Клариза?.. — Ашвин не мог оторвать взгляда от языков огня, вырывающихся из окон.

— Я... видела ее, — сказала Эли отрывисто. — Там пахло кровью. Но я не слышала дыхания. Не слышала биения сердца... — она избегала слова «смерть», как будто что-то незримое все еще витало вокруг и могло откликнуться, услышав свое имя.

— Она... мертва?

— Нам нужно уходить, — вместо ответа Эли потянула его за руку, заставляя отвернуться от огня. — Пожар виден издали. Скоро сюда сойдутся люди со всей округи. Нельзя, чтобы они нас видели!

— Но почему? — удивился Ашвин, впрочем, покорно следуя за ней. — Мы могли бы попросить помощи...

Эли, остановившись, резко обернулась к нему и Ашвин, похолодев, вновь подумал о том, что лес мог подослать к нему злое существо, дикого духа в человеческом обличье — так исказились черты ее испачканного сажей лица.

— Помощи? — переспросила она. — Ты разве не видел, на что способны твои враги? Стоит им узнать, что тебя приютили в каком-то доме — и дом этот сгорит дотла, а его обитатели умрут!

— Но ты говорила, что найдешь для меня приют... — растерянно промолвил Ашвин, и смолк, запоздало поняв, как капризно и эгоистично это прозвучало.

— А еще я говорила, что, не задумываясь, рискну своей жизнью ради твоего спасения! — с внезапной яростью выпалила Эли и топнула ногой. — Но я не стану, не стану рисковать чужими жизнями, слышишь?!

Ашвин, не ожидавший от нее подобной вспышки гнева, хотел было возразить и оправдаться — он вовсе не желал подвергать опасности кого-то еще, и не считал, будто его жизнь ценнее прочих! — но странное подозрение заставило его смолчать: свирепый взгляд Эли блуждал, словно она все это время говорила не с ним, а с кем-то, прячущимся в ночной тьме. «Она злится вовсе не на меня!» — с облегчением подумал юноша, но все же про себя дал зарок помнить, что его спасительница не так уж добра и безобидна и в беседах с ней следует взвешивать каждое слово, прежде чем произнести его вслух.

— Ты... видишь кого-то? — спросил он с опаской, пытаясь уследить за быстрыми движениями ее глаз.

— Нет, — неохотно ответила Эли, вздохнув, и выражение ее лица стало прежним, простым и открытым. — Но я уверена, что они следят за мной, и только и ждут, чтобы я совершила ошибку! Ну же, не стой на месте, нам нужно торопиться!..

Она снова схватила его за руку, и если бы Ашвин мог чуть яснее видеть в темноте, озаряемой всполохами пожара, то заметил бы, что ее грязные щеки немедленно покраснели. Стоило гневу ослабеть, как в дело тут же вступала любовная магия феи — и, надо сказать, Эли начинало это порядочно раздражать. «Я как будто глупею!» — возмущенно думала она, тщетно пытаясь сосредоточиться на чем-то ином, но сердце продолжало биться как безумное от прикосновения к пальцам юноши, от мысли, что они идут рядом, что он говорит

с ней... Ох, что за нелепость!..

— Кто — они? Кто за тобой следит? — Ашвин с трудом поспевал за Эли, но любопытство было сильнее страха и усталости. Лесная девочка была такой странной! То кроткая и добрая, то злее дикой кошки! За каждым произнесенным ею словом скрывалось что-то пугающее и волшебное, и Ашвин невольно вспомнил сказки, где говорилось, что обитатели волшебных лесов нередко крадут младенцев и воспитывают на свой лад.

Эли, услышав его вопрос, едва не зашипела от досады: нелегко раздражаться из-за чьей-то несообразительности — и в то же время сходить с ума от обожания!

— Да феи же! Они и их прихлебатели! — вскричала она сердито. — Им нужно, чтобы я сглупила и совершила какой-то поступок, за который потом буду себя винить до конца жизни. Они очень любят, когда людская совесть нечиста! Но я хорошо знаю волшебный народец и не поддамся на уловки...

— Ты выросла среди фей? — вновь не удержался Ашвин от вопроса, который так и жег ему язык.

— Вот еще! — от возмущения Эли поперхнулась. — Врагу не пожелаю жить с феями и терпеть их злые пакости! Меня воспитали добрые славные люди... и еще немного — лес...

— Быть может, ты дочь лесного разбойника? — продолжил расспросы Ашвин, сгорая от любопытства.

Но эти слова рассердили Эли еще больше. Вот уж чего Ашвину делать не стоило — так это сомневаться в честности ее семьи!

— Я из достойной хорошей семьи, пользующейся всеобщим уважением! И если ты хоть еще раз в этом усомнишься, Ашвин — так и знай, я утоплю тебя в болоте! — вскричала она, сверкнув глазами.

— Прости, прости! — поторопился исправиться он. — Я вовсе не хотел тебя оскорбить! Но мне хотелось бы узнать хоть что-то о тебе, о твоей семье...

— Моих родных ждет немало горя из-за меня, — сурово ответила Эли. — Твоими бедами я и подавно их награждать не собираюсь! — и, почувствовав, как пал духом Ашвин, продолжила куда мягче. — Но от своего слова я не отступаю и буду помогать тебе, пока жива.

— Ты спрячешь меня в лесу?

Эли вздохнула.

— Я могу провести тебя через лес самыми тайными и опасными тропами, куда ты пожелаешь, но оставаться здесь тебе нельзя. Подумай сам — разве эта жизнь для тебя?

Ашвин не стал спорить с очевидным — за беседой этой они не прошли и пары сотен шагов, но он уже пару раз споткнулся, запутался в колючих кустах, затем едва не свалился в глубокий овраг, и вздрагивал от каждого шороха, сам не зная, кого боится больше — зверя или человека.

— Так куда мне отвести тебя? — спросила Эли, и, возможно, впервые в жизни Ашвин почувствовал, что сам определяет свой путь — никогда его мнением еще не интересовались с таким вниманием и серьезностью.

— В столицу, — сказал он твердо, сам удивляясь тому, как уверенно и легко дались ему эти слова. — Если мне не дано затеряться в лесу, то я затеряюсь среди людей. Чем больше людей — тем лучше. И госпожа Клариза... она говорила, что рано или поздно мы отправимся туда. Еще в те времена, когда была верна мне...

— Столица! — повторила Эли задумчиво, но без сомнений и страха. — Хорошо, я найду

дорогу!

— Ты никогда там не бывала?

— Я никогда не покидала свой дом и лес, — просто ответила Эли.

— Тебя тоже прятали от чего-то и держали взаперти? — удивился Ашвин.

— Пожалуй, что прятали, — согласилась она, чуть поразмыслив. — Но я всегда чувствовала себя свободнее ветра... до недавних пор.

— И что с тобой случилось?

— Я повстречала фею, которая хотела одарить меня особой судьбой, — ответила Эли, сразу же помрачнев.

— А твоя фея... ее можно попросить о помощи? — Ашвин сам не знал, спрашивает ли об этом всерьез или в шутку — он до сих пор не решил, как следует относиться к рассказам о волшебстве: кто знает, не безумна ли попросту лесная девочка?.. Или она вовсе не человек — и все ее слова чистая правда?..

Но Эли, выслушав его предложение, встревожилась по-настоящему.

— Нет! — воскликнула она гневно. — Не вздумай! И никогда больше не произноси подобное вслух! Они прячутся в тени и слышат каждое слово — а потом не дадут от него отказаться. И запросят такую цену, которую тебе не выплатить до конца твоих дней...

Вновь Ашвину пришлось просить прощения — он все никак не мог привыкнуть к тому, как близко к сердцу принимает Эли любое упоминание волшебных созданий.

— Я подумал, что ты умеешь с ними договариваться, — виновато сказал он. — Ведь ты постоянно говоришь о них так, будто хорошо с ними знакома!

— Знакома достаточно, чтобы никогда не просить о помощи, — отрезала Эли. — Да и чем они помогут? Феи — создания сумасбродные. Знал бы ты, какие нелепые штуки они с важным видом дарят людям!.. — она невольно пошарила в кармане, чтобы показать Ашвину осколок хрустальной туфельки в доказательство своих слов, но он давно уж потерялся. — С них бы случилось дать тебе тыкву, яйцо или пригоршню дождевых червей — и делай с ними что хочешь! — она презрительно фыркнула. — Это феи — от них добра не жди!..

К этому времени они, пробираясь по заросшей тропинке, вышли к небольшой полянке, залитой лунным светом. Отсюда уже было не разглядеть свет далекого пожара, да и дымом тянуло только от одежды Эли. Не говоря друг другу ни слова, они с усталыми вздохами повалились на траву — что за вечер им довелось пережить вместе!.. Не иначе, духи леса и впрямь хранили их — раз им удалось избежать стольких опасностей!..

Но и на этом щедрость леса — куда более добрая и полезная, нежели щедрость фей — не исчерпалась. Зашуршали листья, затрещали ветви — и не успела Эли вскочить на ноги, как на полянку выбежали олени, огромнее которых ей еще видеть не доводилось.

Пофыркивая и переступая с ноги на ногу, они настороженно изучали людей, а затем, повинувшись неслышимо приказу, по очереди опустились в траву, подогнув передние ноги.

— Они... они предлагают, чтобы мы забрались им на спины и ехали верхом? — недоверчиво прошептал Ашвин, косясь на Эли.

— Думаю, что так, — ответила она так же тихо.

— Но я никогда не ездил верхом на олене!

— Лесу лучше знать, как нам следует поступить! — решительно сказала Эли и шагнула вперед, к оленям. — Должно быть, опасность все еще слишком близко — и нам следует как можно быстрее удалиться от этих мест. Ну же, смелее! Ты хотел получить подарок от фей — но подарки леса гораздо лучше, уж поверь!..

И она, осторожно почесав за ухом одного из оленей, забралась ему на спину. Второй олень нетерпеливо засопел, выжидаяще глядя на Ашвина — и ему не оставалось ничего иного, как последовать примеру Эли.

Мгновение — и быстроногие тихие звери растворились в лесной тьме, унося с собой уставших и испуганных детей.

Семья Эли и таинственный чужестранец

Были ли в Лесном Краю родители безутешнее и несчастнее, чем Одерик и Маргарета?.. Кто знает! От сотворения мира беды всегда преследуют смертных, и нет таких весов, на которых можно сравнить груз несчастий, выпавших на долю разным людям. Да и чьи слезы горше — попробуй-ка определи... Но для родителей бесследно пропавшей Эли сомнений не было — большей беды в их жизни не случилось.

Тщетно они ждали, что дочь вернется на рассвете. «Да разве выйдет к ней фея?! — говорили они друг другу отчаянно. — Пустая затея! Солнце взойдет — и Эли поймет, что ждать там нечего! Скоро она придет!».

Они слышали, как в ночи выли собаки и пронзительно верещали коты, как ревели коровы и стучали копытами лошади, но разве могло их взволновать что-то сильнее, нежели мысли о дочери? Поутру оказалось что в хлеву выбиты почти все двери, и во дворе учинился страшный переполох. Слуги спросонья решили, что поместье ограбили, но, пересчитав скотину, с удивлением чесали затылки: все коровы и лошади стояли в стойлах, ну а точного учета кошачьего и собачьего племени при усадьбе никто отродясь не вел. Одна Эли различала их между собой и давала каждому имя, узнавала по пятнам, усам и хромым лапам... И вновь Маргарета разрыдалась, едва только подумав об этом, а Одерик, как мог, ее утешал.

Челядь поначалу не могла взять в толк, что стряслось с господами, но утаить исчезновение Эли от слуг никак не вышло бы. Чаще о слухах говорят, будто он расползаются, но события этой ночи оказались настолько загадочными и тревожными, что дурные вести долетели до Старой Хозяйки быстрее птицы. Солнце еще не успело подняться над лесом, как ее коляска въезжала через главные ворота усадьбы под окрики кучера, который всю дорогу гнал лошадей что есть сил.

— Что случилось с Эли? — первым делом спросила Старая Хозяйка у своей заплаканной дочери. — Она сбежала с каким-то проходимцем? Ее украли феи? Да говори же быстрее!..

И Маргарета принялась сбивчиво рассказывать обо всем, что произошло с тех пор, как они вернулись с бала и Эли заболела. Чем дольше она говорила, тем больше сердилась пожилая госпожа, видя всюду ошибки и упущения.

— Да как же вам в голову пришло?!.. — гневно повторяла она, но по ее растерянному взгляду было понятно, что и Старая Госпожа не слишком-то хорошо понимает, как следовало бы поступить. Не в силах справиться с бедами, люди часто спешат найти виновников, думая, что это облегчит их боль, и, сами того не замечая, совершают жестокие поступки. Каждый упрек Старой Хозяйки заставлял Маргарету корить себя во сто крат сильнее, и в конце концов Одерик сказал:

— Помилосердствуйте, почтенная моя теща! Легко судить, когда дело сделано — хорошо ли, дурно ли! Не вы ли радовались больше всех, когда Эли влюбилась в соседского мальчишку?..

— Не следовало вам отпускать девочку в старый сад! — ответила Старая Хозяйка, упрямо поджав губы.

— Посмотрел бы я на того, кто попробовал бы ей что-то запретить! — не остался в долгу Одерик.

— Так что же — Эли, сама не своя от болезни, всю ночь провела в старом саду и не вернулась? И вы до сих пор не сходили туда, чтобы проверить, что с ней?

— Ох, мне дурно при одной мысли о старом саде! — воскликнула Маргарета, побледнев. — Страшное, злое место! Что, если мы придем туда и увидим... увидим...

— Один раз ты не побоялась туда сходить, — едко заметила Старая Хозяйка. — Теперь уж, будь добра, найди в себе мужество, чтобы возвращаться в сад столько раз, сколько понадобится, чтобы вернуть Эли!

И они втроем отправились в заброшенный сад, вызвав новую жгучую волну пересудов, так что уже к вечеру во всех окрестных усадьбах обсудили, как лесную девчонку утащили к себе яблочные феи. «И не удивительно — она всегда была со странностями, хоть и прехорошенькая!» — обычно прибавлял от себя каждый рассказчик к этой удивительной истории.

Впрочем, утрате Одерика и Маргареты все искренне сочувствовали и про странности Эли говорили безо всякого злорадства — напротив, многие вспоминали, что добрее девочки не видали, и, вздохнув, лишний раз почесывали корову, лошадь, собаку или иное бессловесное создание, оказавшееся под рукой.

...Одерик с Маргаретой (и, разумеется — с почтенной тещей) тем утром обыскали заросший сад сверху донизу, но узнали лишь то, что ночью сюда отчего-то сбежались самые разные животные — на истоптанной земле повсюду виднелись отпечатки когтистых лап, больших копыт и малых. Каких-либо человеческих следов (и уж тем более — фейских) им на глаза так и не попало.

Эли исчезла.

— Ее забрала фея! — разрыдалась горько и безнадежно Маргарета.

— Значит, Эли, по меньшей мере, жива, — попытался успокоить ее Одерик, который и сам почернел лицом от дурных мыслей и тоски.

— Но мы никогда ее не увидим! — в отчаянии повторяла Маргарета, а Старая Хозяйка только горестно качала головой.

— Если оттуда можно вернуться, то Эли именно тот человек, который сможет это сделать! — твердо ответил на это Одерик. — Не думай о худшем, еще не все потеряно.

Печаль охватила оба поместья и в какой-то миг стала настолько нестерпимой, что суровое сердце Старой Хозяйки смягчилось — в один из своих приездов она обняла дочь и сказала ей много такого, чего прежде не говорила, полагая что излишняя любовь и мягкость портят детей. Теперь они с Маргаретой подолгу сидели рядом, тихо и неспешно беседовали, не ударяясь в споры, и Одерик краем уха слышал, что говорят они о феях и прежних временах, пытаясь отгадать, как вызволить Эли из волшебного плена. Все лучше, чем потерять надежду!..

Сам же Одерик каждый день отправлялся глубоко в лес, надеясь найти какие-то следы дочери; расспрашивал соседей — в общем делал все то, что полагается делать при обычной пропаже людей, безо всякого фейского морока.

О беде в Терновом Шипе ему сказали почти сразу после того, как усадьба сгорела дотла, но в глубине души Одерика осталась обида на госпожу Кларизу, и оттого он поначалу пропустил мимо ушей эту новость. Ему претила мысль, будто судьба его семьи может оказаться связанной с теми, кто так высокомерно отнесся к просьбам о помощи. Но на третий или четвертый день после пропажи Эли его словно кольнула мысль о пожаре, случившемся почти сразу же после роковой ночи — случайность ли? — и он, повинувшись

безотчетным устремлениям, повернул коня в сторону Тернового Шипа.

Слуга, который был с ним, начал тут же рассказывать обо всем, что слышал о сгоревшей усадьбе — и о том, что хозяйка накануне вечером отослала всех слуг, и что тело ее нашли среди обгоревших бревен, на месте, где когда-то была гостиная, а ее воспитанник пропал бесследно — ни костей, ни прочих останков так и не обнаружили... Внезапно слова эти странным образом взволновали Одерика — бывает так, что какой-то мысли следует быть озвученной, чтобы произвести нужное впечатление. «Бесследно! — шептал Одерик. — Бесследно!» — и перед глазами у него стоял старый яблоневоый сад, истоптанный десятками звериных лап и копыт, но без единого отпечатка человеческой ноги.

...Однако пепелище не дало ему тех ответов, на которые он в глубине души рассчитывал. Соседи Тернового Шипа торопливо растащили в стороны горелые бревна, когда искали погибших, а затем похоронили Кларизу рядом с могилами прежних владельцев усадьбы — не столько из добрых побуждений, сколько опасаясь, что душа, не упокоившись после столь страшных событий, может повадиться к ним, обидевшись на непочтительное отношение. Лишившиеся места слуги и проныры-бедняки шустро растащили то, что уцелело в пожаре и показалось им мало-мальски ценным. Наследников у Кларизы, кроме пропавшего воспитанника, по всей видимости, не имелось, и теперь пожарищу предстояло зарастать дикими травами да лесом. На обгоревших черных бревнах каркали вороны, ветер носил хлопья пепла.

Одерик, сам не зная, чего ищет в этом зловещем месте, спешил и медленно прошел взад-вперед вдоль остатков деревянных стен. Слуга с суеверным любопытным страхом таранился на пожарище, чтобы все как следует запомнить и пересказать остальной челяди за кружкой пива.

И стоило только безмерно уставшему Одерика подумать, что все это пустая трата времени, как он услышал топот копыт, и к усадьбе выехала целая процессия нарядно одетых господ, которых никто не ожидал бы увидеть в Лесном Крае. Чужестранцы, да еще из благородных — это было понятно сразу по их породистым, смелым лицам; по великолепным лошадям в роскошной сбруе; по оружию; по разговорам, которые они вели между собой.

Завидев Одерика, они со сдержанной любезностью поприветствовали его, и их предводитель — статный высокий мужчина средних лет, волосы которого уже посеребрила седина, — взволнованно спросил, верно ли они понимают, что здесь раньше располагалась усадьба Терновый Шип.

— Именно так, — подтвердил Одерик, несколько опешив: не каждый день встречаешь среди леса королевских придворных или кого-то вроде них!

Тогда благородный господин спешил и назвался Эршеффалем, не прибавив к этому никаких званий или титулов — но Одерик тут же решил, что это не иначе как граф или даже герцог.

— Здесь ли проживала дама, называющая себя Кларизой, и ее юный воспитанник, Ашвин? — спросил сударь Эршеффаль, с тревогой глядя на пожарище.

— Да, я имел честь их знать, но не слишком близко, — осторожно ответил Одерик, и вкратце рассказал все, что знал о пожаре, гибели дамы и исчезновении юноши.

Не будет преувеличением сказать, что услышанное поразило господина Эршеффалья.

— Как? Юный Ашвин пропал?! — вскричал он, побледнев, и пронизательный Одерик понял, что господин Эршеффаль — как бы значительно он ни выглядел — беспокоится о скромном сироте из Тернового Шипа больше, чем о самом себе.

Увы, ничего утешительного поведать господину Эршеффалью Одерик не мог — он еще раз повторил все, что уже сказал, затем на всякий случай подозвал слугу-сплетника и заставил рассказать все, что тот слышал от других болтунов.

Господин Эршеффаль теперь был убит горем не меньше, чем сам Одерик. Он точно так же пристально смотрел на пепелище, словно оно могло дать ему ответ, что же здесь произошло — и, надо сказать, преуспел в этом деле куда больше. Укрепляясь в каком-то подозрении, он становился все мрачнее и суровее, и затем спросил:

— Не случилось ли здесь поджога или же иного преступления?

С ответом на этот вопрос Одерик затруднялся, а слуга-сплетник, чьи запасы сведений иссякли, заметил, что тело покойной госпожи Кларизы сильно обгорело, так что никто не смог бы сказать, от чего она умерла — да и кому бы захотелось к нему присматриваться!..

— А что же вы сами ищете на пепелище? — еще суровее спросил сударь Эршеффаль, и Одерик почел за лучшее сказать правду — как бы странно она ни прозвучала. Впрочем, о феях и прочих волшебных тонкостях он все же умолчал, тем более, что сам их никогда в жизни не видал и полагался в суждениях о них лишь на слова жены.

Чужеземец выслушал его внимательно; нахмурился, когда услышал, что дочь Одерика пропала накануне той ночи, когда сгорел Терновый Шип, и что с Ашвином девушка была самую малость знакома.

— ...Ума не приложу, есть ли что-то общее в этих всех событиях, — завершил свой печальный рассказ Одерик. — Не скрою, что у меня была надежда, будто тут, на пепелище, я найду какую-то подсказку, знак, странность... Но, как видите, здесь просто горелые бревна да зола...

Господин Эршеффаль однако едва заметно улыбнулся — история Одерика, казалось, тронула его и расположила к лесному жителю, хоть тот и выглядел провинциальным простаком в сравнении со знатными иностранцами.

— О, вы ошибаетесь, когда думаете, что странностей в этом деле нет! — произнес он, и в глазах его блеснула какая-то потаенная искорка. Повинуясь его знаку, кто-то из свиты бережно подал небольшой сверток, который Эршеффаль принял с такой же бережностью.

Удивленный Одерик наблюдал, как осторожно чужестранец разворачивает бархат, вновь едва заметно улыбаясь — как будто содержимое даже в эту грустную минуту поддерживает в нем надежду на лучший исход.

В свертке оказался прекрасный голубь — белее снега. На лапке у него блестело золотое колечко с едва заметным узором.

— Видите ли, сударь, — сказал господин Эршеффаль. — Несколько дней назад ко мне прилетел этот почтовый голубь — с помощью птиц мы вели переписку с покойной Кларизой.

— И что же? — Одерик непонимающе смотрел на голубя. — Она послала его незадолго до смерти?

— О, не думаю! — со значением произнес господин Эршеффаль, и понизил голос, как это бывает, когда готовятся сообщить нечто тайное и важное. — Дело в том, что перья голубя были испачканы сажей.

— Сажей? — переспросил Одерик. — Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что кто-то выпустил голубей из клеток уже после того, как начался пожар, — сказал господин Эршеффаль, поглаживая голубя. — А так как я почти уверен, что Кларизу убили, перед тем, как поджечь дом... — тут Одерик издал негромкий возглас, а

слуга-сплетник, не прекращавший подслушивать, порозовел от ужаса и восторга, — то выходит, что клетки открыл кто-то другой, и сделал это, рискуя жизнью... Не знаю, способен ли на такое безумство Ашвин — он всегда был очень разумным юношей, и решительно непонятно, зачем бы...

И, слушая его, Одерик расхохотался — от облегчения, счастья и вернувшейся надежды.

— Сударь Эршеффаль! — сказал он, задыхаясь от радости. — Если во время пожара здесь был кто-то, готовый рискнуть жизнью ради голубей — то я готов поклясться чем угодно: это моя Эли!.. Она жива, она все еще в этом мире!..

Принц и Эли (1)

В жизни юного сироты Ашвина было немало путешествий и переездов. Какие-то из них оказывались будничными и скучными, какие-то больше напоминали поспешное бегство от неизвестной опасности, идущей по пятам. Но ничто из этого не походило на странствия с Эли — и именно она, так решительно и бескорыстно предложившая свою помощь, стала самой удивительной частью этого приключения для юноши.

В его затворнической жизни, наполненной тревогой и смутным ощущением грядущей беды, случалось не так уж много новых знакомств, и, уж тем более, там не было места дружбе — но девушка, появившаяся из лесу, и впрямь отличалась от прочих людей. Она разговаривала с животными, словно каждый зверь в лесу был ее знакомым или приятелем, и пересвистывалась с птицами, охотно откликавшимся на ее песенки; поутру в карманах ее грязной одежды постоянно обнаруживались то мышки, то птички, пригревшиеся за ночь. А иной раз в теплый карман попадали птенцы или крохотные бельчата, выпавшие из гнезда — и ради того, чтобы вернуть их на место, Эли легко взбиралась на самые высокие деревья. Юноше ничего не оставалось, кроме как стоять внизу и ждать ее возвращения — он быстро научился определять по голосу девушки, какие дела ей кажутся важнее прочих, и, разумеется, спасение бельчат, зайчат и птенцов она считала таким же своим долгом, как и помощь самому Ашвину.

Он пытался расспросить, как ей удалось призвать оленей, которые до самого утра без устали несли их через темный лес куда-то вдаль — но она ответила, что не умеет повелевать животными, да и с чего бы им подчиняться приказам людей?..

Тогда он хотел заговорить о магии — и вновь заслужил сердитый взгляд: Эли не любила волшебство. По крайней мере то, что исходило от фей и прочего дивного народца — и в том, как сердито и буднично она говорила обо всем этом, было больше чудесного, чем во всей предыдущей жизни Ашвина.

Все удивительное, что с ними происходило, она объясняла помощью леса — и ему пришлось принять этот простой ответ в надежде, что когда-нибудь Эли согласится его объяснить. В любом слове, которое она произносила, он чувствовал обещание чего-то чудесного и таинственного, и порой ему казалось, будто все это — странный сон, от которого не хочется пробуждаться. Еще недавно он пришел бы в ужас, если бы ему сказали, что нужно заночевать в лесу, под открытым небом. Но Эли спокойно и деловито показала ему, как сделать лежанку из мха, веток и сухой травы под огромным выворотнем — и Ашвин, засыпая, думал, что никогда еще не ощущал столь полного покоя и умиротворения. Ни ночная прохлада, ни голод, ни прочие неудобства отчего-то не беспокоили его так, как им полагалось бы. Эли пообещала, что позаботится о нем — и ей он поверил, как никому до сих пор не верил.

От жилых мест Эли старалась держаться подальше, хоть всегда с грустью вздыхала, заслышав вдали лай дворовых собак или рев домашней скотины.

— Лес поможет мне спасти тебя, если мне самой на это не достанет сил, — как-то сказала она Ашвину. — Но если мы выйдем к людям, то останемся без его защиты.

Ашвин хотел было заметить, что люди иной раз тоже помогают друг другу в беде, но, увы, после предательства госпожи Кларизы он и сам не был уверен в верности этого утверждения. Впрочем, как-то раз, ближе к вечеру первого дня странствий, голод заставил

их приблизиться к какому-то небольшому поселению; они почти было решились заговорить с кем-то из крестьян, чтобы попросить немного еды. Но стоило им только подойти к опушке леса, как у самых их ног промелькнула чередой серых быстрых теней, а затем старый волк, замыкавший бег стаи, остановился и оскалился, глухо ворча на путников.

Ашвин побледнел, делая шаг назад, а Эли нахмурилась.

— Это предупреждение, — сказала она, проводив взглядом волка, следовавшего за своими собратьями. — Нам нельзя показываться людям. Твои враги все еще здесь и они ищут нас. На добрых людей мы навлечем беду, а с недобрыми нам лучше не встречаться...

И она печально, немного по-детски вздохнула, как будто до недавних пор ей никогда не приходилось задумываться о существовании злых людей.

Но так как животы у них от голода урчали едва ли не громче, чем недавний волк, просто так уйти от деревни они не могли.

— Послушай, — сказал Ашвин. — Ведь ты можешь пробраться туда в темноте и украсть что-нибудь из еды! Наверняка ты умеешь это делать! Я видел, как ты управляешься со сторожевыми псами, они не тронут тебя...

Но Эли вместо того, чтобы согласиться, посмотрела на него смущенно и даже несколько обиженно.

— Я никогда еще не воровала, — ответила она. — И уже говорила тебе, что мои родители — честные люди, а не какие-то лесные злодеи, учившие меня своему ремеслу с детства. Но, наверное, ничего иного нам не остается. Нельзя путешествовать без еды. И без ножа. Большой город слишком далеко!..

Смутился и Ашвин — он ведь тоже ничего не понимал в воровском деле, и в том, чтобы подталкивать Эли к преступлению, совершить которое ему самому не достало бы ловкости, определенно ощущалось нечто постыдное. Но она, казалось, не держала на юношу обиды — лишь огорчалась, что ради доброй цели приходится поступать нечестно, и путаница эта нарушала ее ясную и простую картину мира.

...Еще до наступления полуночи она вернулась, принеся с собой целый узел добычи из деревенских погребов, нож, веревку и еще кое-что из вещей, полезных в путешествии. Как и говорил Ашвин, ни один деревенский пес не подал голос, пока Эли шныряла по дворам и кладовым.

Затем Ашвин узнал, что Эли умеет охотиться, и поначалу это его удивляло: как в одном человеке может уживаться безмерная любовь к животным и способность ловко освежевать зайца. Но Эли, выслушав его неловкие вопросы, лишь недоуменно улыбнулась и сказала:

— Но в лесу всегда кто-то охотится на кого-то! Иначе быть не может! Я же делаю это не для забавы, а для того, чтобы мы могли выжить — так поступают все обитатели леса. Да и в домах кошки охотятся на мышей — и я иной раз спасала мышек от их когтей, но знаю, что так уж устроена жизнь, и кошка вовсе не злодейка, как не злодеи волки и лисы...

На вопросы о своей семье Эли не отвечала и сердилась, если вопросы Ашвина казались ей слишком настойчивыми. Но в долгой дороге не обойтись без разговоров, а любопытство юноши становилось все сильнее.

— Отчего ты помогаешь мне?

— Оттого, что так было решено за меня.

— Духами леса?

— Нет, что ты! Они справедливы и не играют с судьбами людей. Это все капризы фей.

— Ты видела настоящую фею?

— Однажды, но хотела бы никогда ее не встречать.

— И что же она хотела от тебя?

— Она хотела, чтобы я приняла ее подарок — но я не так глупа, чтоб доверять фее!

— Какой она была? Прекрасной и волшебной?..

— Пожалуй.

— Ну расскажи еще что-нибудь про нее! Я бы, наверное, все отдал, чтобы прикоснуться хотя бы к краешку чего-то волшебного!..

— Быть может, волшебное давно уж прикоснулось краешком к твоей судьбе, Ашвин. И именно потому ты был так несчастен! — строго и серьезно ответила как-то Эли, но в большинстве случаев она упрямо смолкала, стоило только Ашвину заговорить о фее и ее подарках.

Нрав девушки порой казался ему уж слишком переменчивым: она то была безмерно добра к нему и стремилась помочь во всем, ловила его взгляд и счастливо улыбалась, стоило только позвать ее по имени; то хмурилась, как будто Ашвин ее чем-то обидел, и смолкала, угрюмо косясь на него. И ладно бы при этом он понимал, в чем его ошибка! Иной раз ему не приходилось сказать и слова — а Эли уже мрачнела и замыкалась в себе, хоть до этого весело смеялась и подзывала птиц свистом. Но стоило ему только спросить — не в тягость ли он ей, не сожалеет ли она, что вызвалась помочь — и вновь лицо ее становилось добрым и приветливым, а взгляд — чуть виноватым и испуганным. «Ох, прости меня, Ашвин! — восклицала она. — Дело вовсе не в тебе! Это все злые проделки феи...» — казалось, ее сознание разрывается от противоречивых чувств и мыслей, которые ей приходилось изо всех сил скрывать от спутника.

Он же, напротив, думал лишь об одном — что ничего волнительнее и прекраснее с ним не случалось.

Так они шли по старым заброшенным дорогам, которые давно уж превратились в звериные тропы — и Эли всегда знала, куда они ведут: «Скоро мы выйдем к ручью!» — говорила она — и, вправду, впереди был ручей; «Придется сделать крюк, чтобы обойти топь!» — на пути тут же возникало болото; «Ох и закусуют нас комары в этой низине!» — и им вскоре приходилось нырнуть в сырую тихую лощину, поросшую сочным папоротником, который и впрямь кишел комарами.

— Откуда ты все это знаешь? Ты бывала здесь раньше? — допытывался Ашвин.

— Нет, я никогда не уходила так далеко от дома, — отвечала Эли, вздыхая. — Но мне подсказывает чутье. Ты сказал, что желаешь попасть в столицу — и я вижу нашу дорогу так ясно, как будто мне кто-то ее много раз показывал во сне. Ноги сами ведут меня, быть может, я и захотела бы свернуть в сторону — да не смогу!

Можно было бы усомниться в ее словах, но она столько раз безошибочно выводила их из чащи к броду или к заброшенному мосту, что тут уж впору было поверить и в помощь лесных духов, и в тайные проказы фей. Впрочем, как уже говорилось, Ашвин сразу и безоговорочно доверился Эли, и огорчало его лишь то, что она ему, по всей видимости, доверять не желала.

На исходе четвертого дня путешествия — хотя юноше казалось, что они идут рука об руку целую вечность, — им пришлось укрыться в крохотной пещере под корнями старого замшелого дерева от бушующей грозы: деревья стонали и скрипели, гром сотрясал землю, потоки воды с тревожным гулом несли сломанные ветви и листву по переполнившимся оврагам.

Эли и Ашвин невольно прижались друг к другу — воздух стал сырым и холодным, да и что еще способно напомнить смертным о их слабости, уязвимости и одиночестве так ясно, как голос свирепой бури над их головами?..

Набравшись храбрости, Ашвин наконец-то спросил, отчего Эли время от времени сторонится его.

— Я помню, что ты сама предложила мне свою помощь, — сказал он с грустью. — Но порой мне кажется, что я для тебя — худшая обуза!.. Из меня вышел никудышный спутник? Прости, я никогда раньше не путешествовал по лесу, да и вообще редко выходил из дому...

...Жалобные эти слова застали Эли врасплох — она поняла, что Ашвин искренне переживает мгновения отчуждения, возникающие между ними, и винит себя в них. Ей больше всего на свете хотелось бы рассказать ему все, как есть, и объяснить, отчего ее тяготят те чувства, которые навязала ей фея — но разве не стало бы чувство вины Ашвина еще глубже, если бы он узнал, что Эли приговорена любить его? Что ее обрекли угасать от любви к нему? Что пришла на помощь потому, что никак иначе не может избавиться от невидимых цепей, которыми сковала ее по рукам и ногам зловерная фея?..

Нет, открыть Ашвину всю правду она не могла.

...Но половину правды — отчего бы и нет? Ведь он только и знал, что спрашивать о волшебстве, а ей самой так хотелось хоть кому-то признаться, как страшно жить, когда мстительная фея присудила тебе скорую и мучительную смерть!..

— Ты ни в чем не виноват, Ашвин! Так и быть, я расскажу, какая беда с феей у меня случилась, но не вздумай смеяться или говорить, будто все это старые сказки!.. — сказала она, старательно отмеряя каждое слово.

Однако у Ашвина и в мыслях не было смеяться — напротив, ему казалось, что важнее момента в его жизни еще не случалось. Он сам не знал, что взволновало его больше — доверие, которое собиралась оказать ему Эли, или же предвкушение знакомства с волшебством, в котором до сих пор Ашвину было отказано. Но пока девушка тихонько шептала ему на ухо свою тайну, сердце юноши, казалось, забыло о том, что нужно биться.

Принц и Эли (2)

— Значит, ты обречена умереть от безнадежной любви по воле феи? — дрогнувшим голосом спросил Ашвин после долгого молчания.

— Фея поклялась мне в этом, — ответила Эли со спокойной печалью. — И, думаю, ее обещанию можно верить.

— И тебе суждено полюбить... принца?

— Его и никого более.

— Но откуда ты знаешь, что все это правда? — с неожиданной горячностью воскликнул Ашвин, радуясь тому, что в полумраке Эли не разглядит, как покраснели его щеки. — Прости, но... — тут он хотел было сказать, что повстречаться с принцем в лесу совершенно невозможно, но разве можно произносить слово «невозможно», когда всерьез рассуждаешь о проклятии феи?!

— Ты обещал, что не будешь смеяться, если я скажу тебе правду! — нахмурилась Эли.

— Я и не смеюсь, — Ашвин растерянно взъерошил свои волосы, напрочь позабыв и о грозе, и о прежних своих страхах и переживаниях. — Мне просто кажется... что все это чертовски несправедливо! И вовсе не обязано быть правдой!

— Если ты веришь в то, что я говорила с феей, то уж поверь и в то, что она мне сказала, — строго ответила Эли. — Или ты думал, что волшебство бывает только добрым? Впрочем, можешь считать, что я просто сумасшедшая девчонка из лесу, и все, что я тебе рассказала — выдумка, не стоящая внимания!

Ашвину очень хотелось сказать, что именно так он и собирается считать — его необычайно возмутило услышанное. К тому же, Эли говорила о воображаемом принце так, словно уже была с ним по меньшей мере помолвлена, а это ощущалось во стократ раз обиднее, чем то, что Ашвин раньше считал отчужденностью. Он словно обманулся, очаровавшись таинственными историями о феях и волшебстве — и вот, пожалуйста!.. Оказалось, что феи — если уж верить в их существование! — ради забавы подарили самую добрую и удивительную девушку из тех, что он встречал, какому-то принцу, и с этим ничего нельзя поделать. Да что там! Даже если никаких фей на самом деле нет, девушка эта все равно вбила себе в голову, будто ее судьбу не изменить!.. Но как бы не разозлило его услышанное, он не хотел снова обидеть Эли.

— Я верю тебе, — сказал он, сделав над собой усилие. — Но мне кажется, что должен быть какой-то выход. Ведь ты сама говорила, что жить нужно так, словно нет никакой предопределенности, нет судьбы! Что, если ты встретишь... принца — и ничего не случится?

— Но все уже случилось! — в голосе Эли что-то надломилось. — Он... не узнал меня, как и говорила фея. Довольно, Ашвин! Я не желаю больше об этом говорить!..

И они смолкли, думая каждый о своем и вздрагивая от раскатов грома и отблесков молний. Эли, обхватив колени руками и спрятав заплаканное лицо, думала о том, что зря решила рассказать Ашвину часть правды — «Он не поверил! Он думает теперь, что я просто полоумная девчонка, не отличающая правды от вымысла!». Ашвин же лихорадочно размышлял, как избавиться от проклятия — настоящим ли оно было или выдуманным, ведь что так, что эдак оно причиняло боль Эли.

— Послушай, — наконец сказал он. — Ты говоришь, что тебе была предсказана смерть

от безответной любви. Но что будет, если любовь все-таки окажется взаимной?

— Фея сказала, что этого не случится. Он никогда не полюбит меня, ведь я не приняла дар особой судьбы, — глухо прозвучал ответ.

— Она не смогла убить тебя, и, следовательно, ее волшебство не всеильно! — возразил Ашвин. — Если сломать одну часть проклятия — ту, что послабее, — сломается и все остальное.

— Ее колдовство очень сильно и вряд ли в нем найдется какой-либо изъян, — с сомнением заметила Эли, но приподняла голову, несколько оживившись.

— Но все же!

— Наверное, тогда чары и в самом деле падут, — сказала Эли, поразмыслив.

— И ты будешь спасена! — воскликнул Ашвин.

— Но... Но тогда... — девушка задумчиво потерла лоб. — Выходит, я в тот же миг разлюблю... его! Ведь все мои чувства — морок, злое волшебство, и оно развеется вместе с проклятием. А вот он... Что будет с ним? Ведь его любовь может быть и самой настоящей — раз уж она возникла вопреки воле феи...

— Да какое тебе дело, что будет с его любовью? — отмахнулся юноша, к тому времени уже от души возненавидевший выдуманного принца Эли. — Он-то вряд ли умрет из-за разбитого сердца!.. А ты будешь жить. И будешь свободна от чар!

Он почти проговорился, что готов сам отыскать для нее принца и заставить его влюбиться по уши — никогда еще Ашвин не чувствовал себя таким решительным! — но вовремя удержался: кто знает, не станет ли это концом их странной хрупкой дружбы? Верь в волшебство или не верь — но там, где о нем постоянно говорят, все рано или поздно становится зыбким и непредсказуемым, точно горячечный сон.

Эли его слова, казалось, застали врасплох — она смолкла, что-то обдумывая и лишь пару раз бросила на Ашвина косой, испытующий взгляд.

— Не уверена, что это добрый исход, — вздохнув, промолвила она.

Но Ашвин упрямо подумал, что так просто не сдастся.

Маргарета и феи (1)

Узнав, что Одерик собирается отправиться на поиски Эли вместе с едва знакомым чужестранцем, Маргарета пришла в отчаяние. Ей казалось, что ее прежде рассудительный муж помешался из-за череды несчастий, обрушившихся на их семью, и поверил в собственную выдумку, чтобы унять нестерпимую боль сердца.

— С чего ты взял, что Эли была в Терновом Шипе? — вопрошала она у Одерика. — Всего лишь из-за голубя, испачканного сажей? Да мало ли как это могло произойти! Кто угодно мог его выпустить из клетки...

— Мальчишка пропал точно так же бесследно, как и Эли, — отвечал на это Одерик. — И мы-то с тобой лучше прочих знаем, что их судьбы были связаны. Магией ли или обычной влюбленностью — кто знает. Но если отыщется Ашвин, то рядом с ним будет и Эли, я уверен.

— А я вовсе не уверена в этом! — вскричала в конце концов измученная Маргарета, устав его увещевать. — Мы знаем точно только то, что наша дочь исчезла, пожелав встретиться с феей! И, стало быть, только фея знает, что с ней произошло. Разгадка всему — в старом саду. Там эта история началась — там и завершится. А ты уезжаешь прочь, поверив какому-то чужаку!

— Послушай, Маргарета, — устало промолвил Одерик. — Умение говорить с феями наделен твой род, но не мой. Я — обычный человек, и буду искать Эли так, как умею. Не мне судить о волшебных делах. Признаться честно, я и вовсе не хотел бы о них знать.

Никогда раньше он не упрекал жену в том, что она виновата в этой беде, — да и сейчас, наверное, не желал обидеть ее, — но слова эти ударили так точно и больно, что больше Маргарета не уговаривала его остаться. Забрав с собой нескольких самых расторопных слуг, Одерик уехал на следующий же день поутру, на прощание сказав, что будет рад, если сударыня теща при случае задержится в гостях подольше — его запоздало встревожило то, как притихла жена; как осунулось ее и без того бескровное лицо.

...Старая Хозяйка, казалось, только и ждала этих слов — не успела пыль от копыт верховых лошадей улечься у ворот поместья, как ее скрипучая коляска была уже тут как тут. Но как же ошибался Одерик, когда думал, будто она собирается предостерегать и удерживать Маргарету от безумств и неосмотрительных поступков!

— Уехал, да оно и к лучшему, — деловито сказала пожилая дама первым делом, расцеловав бледную, убитую горем дочь. — Одерик — человек хороший, но и вправду ничего не смыслит в тяжбах с фейским родом. Пусть ищет Эли там, где ему видится след, а мы с тобой будем требовать ответа у тех, кто его точно знает! Чем меньше любопытных глаз и длинных языков — тем спокойнее...

И той же ночью они с Маргаретой, настрого приказав служанкам не искать их и не любопытствовать, отправились в старый сад, где до утра по очереди требовали у феи показаться и объяснить, по какому праву она забрала к себе человеческое дитя — ведь Эли никогда не была обещана Дивному Миру.

— Должны же и феи держать слово! — с возмущением восклицала Старая Хозяйка, стуча тростью по земле. — Мы смиренно приняли проклятие, раз уж провинились перед волшебной дамой, но в нем никак не оговаривалось, что нашу девочку уведут в иные края. Требую честного суда! Требую справедливости!..

— Пусть все, кто был свидетелем нашего с феей разговора, подтвердят, что моей дочери предназначалось жить среди людей, — умоляюще повторяла Маргарета, кланяясь всем теням и полосам лунного света. — Пусть жить недолго и несчастливо — но все же в мире смертных!.. Если уж кто-то должен понести наказание — так это я. Возьмите меня взамен моей бедной дочери!..

Но ни в первую, ни во вторую ночь к ним никто не вышел из ночной мглы, хоть туман встревоженно клубился вокруг, как кипящее молоко, готовое вот-вот перелиться через край. Быть может, обитатели туманов и слышали их просьбы, но откликаться не торопились. Молчал и лес, храня свои тайны — только Эли полагалось знать о его милостях. К скорби человеческой духи леса были глухи и равнодушны — в их владениях никто не оплакивал подолгу свои потери и не тосковал об утраченном; одни только люди ходят к могилам своих близких и живут прошлым...

— Ничего-ничего, — ворчала на все лады Старая Хозяйка, обводя сердитым взглядом ночной сад. — Уж я-то вас не оставлю в покое, да и терять мне нечего...

— Что, если феи прогневаются еще сильнее из-за нашей дерзости? — прошептала Маргарета.

— И что же они сделают?! — бесстрашно ответила Старая Хозяйка. — Заберут еще и нас? Что ж, пусть попробуют! Не все же им красть пригожих девиц и смазливых парней для своих забав — пусть попробуют сладить со вздорной старухой!..

На третью ночь Маргарета, как ни было ей стыдно, призналась матушке, что больше не выдержит. У пожилой госпожи, как ни странно, после каждой ночи в саду сил словно прибавлялось — не иначе, как ей шли на пользу всенощные бдения. А вот Маргарета чувствовала, что мысли ее путаются, ноги подкашиваются, горло охрипло от непрерывной мольбы — и все это ради равнодушного молчания теней, звезд и тумана! Хотели бы феи показаться — давно уж вышли бы!..

— Что ж, уйдем сегодня до рассвета, — с заметным сожалением отозвалась Старая Хозяйка, и Маргарета впервые заподозрила, что ее матушка до смерти желает увидеть фею своими глазами — оттого и не знает усталости. Разумеется, она беспокоилась из-за пропажи внучки и всей душой желала ее спасти, но все же... все же что-то новое появилось в выражении глаз суровой пожилой дамы. По всей видимости, умение говорить с феями не способно существовать отдельно от пылкого желания прикоснуться к волшебству, и, получив в дар первое, тут же получаешь и второе — сам того не подозревая, пока не придет время пробудиться этой склонности. Впрочем, магии иной раз стоит лишь показаться где-то поблизости, лишь заставить говорить о себе — и люди меняются до неузнаваемости!..

В полумраке они вернулись в дом, и Старая Хозяйка, вопреки своему обыкновению, была так мягка и добра с Маргаретой, что та уснула, положив голову матушке на колени. Вслед за ней, облокотившись на подушки, задремала и сама пожилая дама, но даже во сне продолжала требовать у фей, чтобы те явились и дали ответ — что стало с бедной Эли?.. Как ее вернуть?.. Возможно ли снять проклятие?..

Спали они так крепко, что служанки, пришедшие в покои Маргареты поутру, подумали, будто хозяек — молодую и старую — тоже околдовали. Это происшествие само по себе вызвало переполох и пересуды. Шутка ли — юную госпожу Эли украли яблочные феи, господин Одерик уехал неизвестно куда, забрав с собой почти всех мужчин из дворни, а его жена и теща совершенно обезумели, проводя ночи в старом саду — да еще и не просыпаются, сколько их не тормоши!.. Да и позволено ли слугам слишком уж усердно

будить усталых господ — кто знает? Быть может, лучше им дать поспать вволю?..

Но Маргарета и ее матушка не проснулись и к полудню.

И после полудня.

Что там — даже когда солнце начало клониться к закату, молодая и старая хозяйки все еще безмятежно спали, застыв в одном и том же положении: голова Маргареты на коленях матушки, рука матушки — у головы дочери, как будто она только что ласково поглаживала ее волосы. Но простая и мирная эта картина пугала слуг куда сильнее, чем иные зловещие происшествия и знаки: во сне этом все безошибочно чуяли тот же колдовской морок, из-за которого в поместье все с недавних пор пошло кувырком. С испугом все толпились у дверей спальни, не зная, что предпринять, и спрашивая друг друга, не значит ли это, что вскоре всему поместью суждено заснуть вечным непробудным сном, как это бывает в сказках о заколдованных дворцах?

И на этом, увы, беды и волнения того дня не завершились: едва только солнце скрылось за лесом, как с криками во двор вбежала одна из служанок — совсем молоденькая, и оттого особенно любопытная. Ей, наслушавшейся шепотков о волшебном сне, захотелось хотя бы одним глазком посмотреть, что же случилось в старом саду. Теперь от страха у нее зуб на зуб не попадал, и прочим пришлось немало намучиться, прежде чем понять, куда она ходила и что ее так испугало.

Но, заслышав про сад, никто не решился разузнавать прочее без ведома господ. Трясущуюся девчонку привели в спальню, где при виде спящих мертвым сном хозяек она и вовсе начала икать и попискивать, точно придушенная котом мышь.

— Говори! Говори госпоже Маргарете, где ты была и что ты видела! — сурово обратилась к ней кухарка, у которой душа точно так же уходила в пятки при каждом взгляде на беспамятных хозяек; и девочка, отпив немного воды, смогла пропищать, кланяясь и приседая: «Госпожа! Госпожа Маргарета! Простите меня, умоляю... Я... я нарушила ваш приказ... Я ходила в старый сад...»

И Маргарета, как ни в чем не бывало, открыла глаза и ровно села на кровати. Обвела всех ясным взглядом, как будто вовсе не спала — служанки охнули, а кто-то даже испугано взвизгнул, — и спокойно спросила:

— Что же ты там видела?

Девочка-служанка, до того жмурившаяся и горбившаяся от страха, чуть осмелела, услышав, что к ней обращаются ласково, и, сглотнув несколько раз, прошептала:

— Яблоки! Там столько красных яблок на ветках, сколько я в жизни своей не видела! Они повсюду, краснее крови!.. А от яблочного духа голова кругом идет, так что я едва не задохнулась — слаще не бывает, словно в воздухе разлит мед! Это яблочные феи! Они вернулись!..

Маргарета и феи (2)

Служанки, и без того испуганные до смерти, принялись лепетать слова всех молитв, что шли им на ум, но лицо Маргареты, напротив, осветилось торжествующей улыбкой. Лицо ее покрылось горячечным румянцем, она вскочила на ноги, часто и взволнованно дыша.

— Ах, матушка! — воскликнула она, падая на колени перед спящей Старой Хозяйкой. — Слышите ли вы? Феи вернулись в старый сад!..

Но пожилая дама спала все так же крепко и мирно, не слыша ни единого слова. Должно быть, ей не полагалось узнать сегодня эту новость — в отличие от Маргареты. Волшебство само выбирает, кому показаться и нет никакого смысла с ним спорить — особенно, если перед тем молил его о снисхождении.

Маргарета, глубоко вздохнув, поцеловала руку матери, безмолвно благодаря ее за помощь, и, поднявшись, властно объявила притихшей челяди:

— Нынче ночью никто, кроме меня, не должен выходить из дому. Что бы ни случилось, что бы вы не увидели и не услышали сегодня во тьме — закройте ставни, закройте двери и ждите утра. Тех же, кто будет излишне любопытен, непременно ждет наказание — у феи из старого сада очень дурной нрав. Я ее призвала во второй раз и говорить с ней буду только я, что бы из этого не вышло!

— Ох, сударыня Маргарета! — кто-то из служанок расплакался, кто-то от страха и слова вымолвить не мог. — Не ходите! Там злое место!

— Я сама просила фей об этой милости, — твердо ответила Маргарета. — И знаю, что они вдвойне наказывают тех, кто отступает от своих слов.

И она, пройдя мимо покорно расступившихся служанок, вышла из комнаты — каждый ее шаг был стремительнее предыдущего, словно сил в ней с каждой секундой прибавлялось. Кто-то успел увидеть из окна, как быстрая тень промелькнула у ворот, растворяясь в вечерних сумерках. Многие не смогли сдержать слез — каждый тогда подумал, что Маргарета исчезнет из мира людей вслед за своей дочерью. Но даже плач и причитания не заставили челядь забыть о приказе Молодой Хозяйки — все окна и двери были тщательно закрыты. Никто в ту ночь и за пригоршню золота не согласился бы выйти за порог.

...Маргарета бежала, не зная, дышит ли она, бьется ли еще ее сердце — но страха она не чувствовала. Ее мозг порой пронзала как иглой мысль, что служанка соврала или что-то напутала, и в то же время она знала, что никакой силе не остановить ее сегодня на пути к старому саду. Этой ночью она не разбирала дороги, не видела тропинок и дорог, выбирая самый короткий путь — и путь этот шел через поля, опоясывавшие поместье нарядной зеленой лентой.

Нынче ночью и здесь, среди мирных скучных грядок, творились чары. На бегу, задыхаясь от волнения, Маргарета видела, как вспыхивают в вечернем сумраке яркие искры, озаряющие темноту — все больше, все гуще, как будто повсюду реяли огненные бабочки, стряхивающие со своих крыльев волшебную пыльцу. И по землей, и над нею слышался треск и гул, а затем Маргарета, запнувшись, упала, и только тогда заметила, что все растения на грядках принялись расти, точно сумасшедшие — вздымая своими корнями землю, оплетая землю мощными побегами, закрывая ночное небо огромными листьями.

Об один такой побег — тыквенный или же огуречный — она и споткнулась; толщиной он был с человеческую руку, никак не меньше. С шелестом потянулись к ней стремительные

огуречные усы, желая обвить и удушить все, что попадется им на пути, но Маргарета успела вскочить на ноги и увернуться. Каждый лист, каждый стебель, каждый витой ус светились изнутри, наполнившись не соком, но чистейшим волшебством. Бедная Маргарета не знала что и думать — считать ли это знаком гнева фей? Или же там, где они появлялись, чудесами переполнялось все, без смысла, без меры?

Осмотревшись, она поняла, что путь ей преградила чудовищно огромная тыква, покрытая мерцающими узорами — но Маргарете она показалась вполне безобидной, несмотря на исполинские размеры, и оттого она просто обошла ее стороной, с трудом пробираясь между колючих побегов, без усталости сплетающихся друг с другом. «Ох, до чего же переполошатся завтра поутру слуги...» — подумала она, напоследок еще раз оглянувшись на тыкву, все еще продолжавшую расти. Воистину, никто бы не признал в этом безумном месте прежние грядки с репой, капустой и морковью!

Но к чему удивляться странностям, когда торопишься на встречу с феями? Хоть сегодняшний путь к старому саду и был самым удивительным из того, что доводилось видеть Маргарете, она повторяла себе, что нет ничего важнее судьбы Эли и яростно отталкивала, ломала, рвала на клочки все, что пыталось ее остановить.

Наконец, она, исцарапанная, измазанная зеленым травяным соком, облепленная искристой пылью, добралась до подлеска, где магии оказалось еще больше — деревья и кусты тянулись вверх так же неистово, как и огородная растительность. С трескучим стоном поднимались с земли почерневшие стволы старых яблонь, расправляя давно сгнившие ветви, которые в мановение ока покрывались тысячами трепещущих серебряных и золотых листочков; наливались алые плоды, пылающие в ночи, как раскаленные уголья — иногда Маргарете казалось, что и ее сердце давно превратилось в жгучее волшебное яблоко, вот-вот готовое от нестерпимого жара взорваться тысячами искр.

Но фейский яблоневый сад теперь был повсюду — что проку искать его прежнее место?..

— Сударыня фея! — закричала Маргарета, изнемогая от усталости и волнения. — Явитесь мне, умоляю! Я пришла смиренно просить прощения за свою ошибку!.. Заклинаю вас, назначьте мне какое угодно наказание, но верните мою дочь!..

От крика этого серебряные и золотые листья зазвенели, как будто по саду пронесся вихрь, срывающий с ветвей плоды. Маргарета слышала, как они падают на землю — и ей казалось, что это шаги десятков волшебных существ, которые подкрадывались к ней во тьме. Воздух, и без того дурманно-сладкий, переполнялся ароматами нездешних краев; казалось, им можно захлебнуться и умереть от блаженства. Маргарета не знала, что за чувство ее охватило — отчаянный страх или же отчаянная радость, — но она знала, что на ее призыв откликнулись — из недовольства ли, из жалости ли?.. Она, чувствуя, как слабеют ноги, опустилась на колени и протянула вперед руки, показывая, что готова принять и гнев, и милость феи — уж теперь-то она и впрямь научилась говорить с волшебными созданиями!..

Но на этот раз из ночной тьмы и мерцания звезд соткалось множество высоких стройных теней, медленно и тихо окруживших коленопреклоненную женщину. Сегодня лишь магия показывала себя во всей красе, сами ж феи пришли в самом скромном и пугающем своем облике.

— Сударыня фея! — воскликнула Маргарета, переводя растерянный взгляд с одного темного лика на другой. — Отзовитесь! Не гневайтесь, что я не узнаю вас, но я тогда была

так молода и от страха ничего толком не запомнила...

Но феи только рассмеялись — точь-в-точь как тонкий перезвон золотых и серебряных листочков! Смех, однако, не показался Маргарете веселым — в нем слышались, скорее, печаль и тревога.

— Ах, Маргарета, у тебя никак не вышло бы узнать ту, с которой ты встречалась. Наша сестра, некогда заключившая с тобой сделку, сегодня не с нами, — наконец ответила одна из них. — А мы уж не вспомним, когда в последний раз говорили с людьми — немногим из нас интересно забавляться со смертными.

— Но... я думала, что она выйдет поговорить со мной!.. — в смятении произнесла Маргарета. — Как же мне уговорить ее отдать мне дочь?.. Сударыни феи, смилуйтесь! Ведь вы, наверняка, знаете, как было дело... Быть может, вы поможете мне? Верните Эли! Я готова на что угодно, лишь бы только моя дочь оказалась в мире людей!..

И вновь феи засмеялись — еще печальнее.

— Но твоя дочь и так в мире людей, Маргарета! — вновь заговорила одна из теней. — Ее судьба и впрямь была переписана в Дивных Краях, да только там нет ни слова о том, чтобы она стала нашей гостьей. Эли принадлежит миру людей, да еще немного — лесу, но ей вовек не перейти те туманы, что разделяют смертных и нас.

— Тогда где же она? — вскричала Маргарета, более всего страшась услышать, что Эли нет в живых.

— Она в лесу, как ей и положено, — хором ответили феи. — Твоя дочь не получила особой судьбы в подарок от нас, но зато пользуется особыми милостями духов леса — а это не так уж мало!

— Она в лесу?! — Маргарета не знала, плакать ей или смеяться, услышав столь будничным ответ. Да ведь Одерик говорил то же самое! Стоило ли призывать фей, чтобы узнать столь простую истину?!..

— Лучше места для нее было не сыскать, — подтвердила какая-то из фей, а остальные согласно качнули головами.

— Нет! — Маргарета вскочила на ноги, лихорадочно озираясь, словно собираясь тут же бежать сквозь чащу, не разбирая дороги. — Место Эли — с нами! В ее родном доме! Моя девочка там одна... совсем больная и слабая... среди диких зверей... во тьме... Отчего она не идет домой? Она заблудилась? Я... я найду ее, чего бы это не стоило!..

— Лес защищал ее от проклятия куда лучше, чем это сделала бы ты, смертная ничтожная женщина! — безжалостно оборвала ее сбивчивую речь фея. — Ему, быть может, и недоставало сил, чтобы разрушить чары нашей сестры, но древние духи чащи мудры. И хитры. Они сделали все, чтобы продлить жизнь твоей дочери. И все, чтобы она не оставалась одна...

— Она... не одна? — повторила Маргарета то ли с испугом, то ли с надеждой.

— С ней тот, чья судьба — погубить ее. Или спасти, — феи подступали все ближе, кольцо теней вокруг Маргареты сжималось. — Даже лучшие из нас не всевластны, и кому, как не старым духам знать, что вода, просочившаяся в крошечную трещину, рано или поздно разрушит самую великую стену, самую крепкую скалу!.. Хитрые духи, мудрые духи! Быть может, твоя дочь и спаслась бы, ведь в тот миг, когда она отважилась отказать нашей сестре — ее судьба еще раз переменилась... Эли сама сделала себя особенной, вопреки тому, что было определено для нее сделкой — ведь обычному человеку нипочем не достанет храбрости спорить с нами! Крошечная трещина, но иной раз ее достаточно, чтобы рухнула

твердыня!..

— Так мне не нужно искать Эли?.. — Маргарету бил озноб от близости фей: ох и холодны были тени! Недаром каждая из них казалась собранной из кусочков морозного зимнего неба, усеянного яркими звездами!

— Ах, если бы... если бы... — вздохнули сударыни феи. — Наша сестра слишком любила играть со смертными — мы давно говорили ей, что это изменит ее природу... Мы лишены того, что вы называете жалостью, но вместе с тем не держим зла. Наша сила велика — разве имеем мы право быть мстительными? Разве можем из-за обиды нарушать договоры, свидетелями которых были туманы и звезды?.. Но сестрица, забавляясь с людьми, переняла у них много дурного. Ее теперь снедают низкие чувства, злые страсти — и ради утоления этой жажды она покинула Дивные Края, позабыв о чести нашего рода. Кто бы мог подумать, что твоя дочь так сильно уязвит ее гордость своим отказом?..

— Эли ни в чем не виновата! — вскинулась Маргарета, не поняв толком, о чем шепчут феи, но готовая без колебаний защищать дочь до последнего вздоха.

— Мы не виним ее, Маргарета. Твоя дочь была дерзка, но честна, и не нарушала условий сделки, — прошелестела одна из фей, склонив голову. — Не о ней мы печемся — жизнь ее всего лишь блик солнечного луча, взмах крыльев бабочки. Мы скорбим по нашей сестре, которая губит себя из-за великой обиды, возникшей из-за ничтожной причины.

— Сударыни феи, — взмолилась Маргарета, понимавшая все меньше. — Если моя дочь стала вам в чем-то помехой — забудьте о ней, снимите заклятие, и я клянусь, что мы никогда более не потревожим вас ни словом, ни делом!..

— Сестра наша создала хитрое плетение, но теперь, когда его узлы нарушены — расплести его не сможем ни мы, ни она, — вздохнули феи. — Поэтому мы откликнулись на твой зов и прошли сквозь туманы, как ни противен нам мир людей. Слушай же, Маргарета — слушай и запоминай, ведь в полночь уйдем и мы, и наше волшебство. Сестрица-фея, узнав, что Эли при пособничестве лесных духов может победить чары, не нарушив при том договора, обезумела от ярости. Позабыв о древних законах и порядках, она решила вмешаться в ход событий — хотя и знала, что Дивный Край никогда не примет ее обратно после такого бесчестья. Но уязвленная гордость помрачила ее ум, и сестрица-фея погубит себя, лишь бы Эли не смогла сойти с того пути, который был изначально предопределен проклятием!

— Что она сделала? — со страхом спросила Маргарета. — Как она собирается навредить моей дочери?

Сомкнутое кольцо фей — едва только они слышали эти слова — распалось: тени, как подхваченные ветром сухие листья, взмыли вверх, затем заметались из стороны в сторону, и Маргарете показалось, будто она видит мелькание длинных когтистых рук. Дочери туманов, как хищные черные птицы, жадно ловили искры волшебства, которыми наполнилась ночная тьма, и стоило только искорке попасться в когти — как она бесследно исчезала. Безумный быстрый танец этот продолжался недолго — одна за другой феи камнем падали вниз, выстраиваясь в ряд. Совиные круглые глаза у каждой теперь светились ярким желтым пламенем, и, несомненно, видели нечто недоступное обычному человеку.

— Вижу, как сестрица кружит над пепелищем, — прошелестела первая фея.

— Вижу, как сестрица меняет обличье, — таким же тихим мертвым голосом отозвалась вторая.

— Вижу, как сестрица ждет при дороге, — третья.

— Вижу, как сестрица привлекает путников, от которых пахнет дымом и кровью, — четвертая.

— Слышу, как сестрица обещает им, что отыщет для них мальчишку...

Шелест нечеловеческих голосов слился для Маргареты воедино, и ей стоило немалых усилий прислушиваться к шепоту фей — больше всего ей хотелось зажать уши и зажмуриться, чтобы не видеть бесконечную череду круглых немигающих глаз. Смутные образы — люди, отзвуки их бесед возникали у нее в голове — и каждый новый причинял больше боли, чем предыдущий. А феи все говорили и говорили о своей сестрице, пока глаза их не начали тускнеть.

— Вижу, как сестрица всюду сеет осколки...

— Вижу, что каждый осколок — острее ножа...

— Слышу, что над каждым осколком сестрица шепчет заклинание...

— Хватит! Хватит! — закричала Маргарета, не выдержав. — Я все поняла! Я все увидела!.. Но что мне делать? Как спасти Эли?

Феи смолкли, вновь превратившись в черные тени, клочки звездного неба. Должно быть, и им нелегко дались чары ясновидения — каждая словно уменьшилась в росте, мерцающие звезды, которыми были усеяны их одеяния, потускнели, голоса стали едва слышны.

— Сестрица-фея, забыв обо всем, играет людьми — они стали орудиями ее злой воли. Сами того не зная, они послужат ей, хоть думают, что служат только самим себе. Мы сыграем честнее и ничего не скроем от тебя. Проклятие должно пасть или исполниться согласно условиям сделки. Не следовало нашей сестре покидать этот сад и уходить в мир смертных, теперь для нее нет пути назад. Но за ее долги и преступления туманы спросят со всего нашего племени, ведь свидетелями уговора с тобой выступали духи и здешнего мира, и Дивного Края. Мошенничество! Дурная слава!.. Никогда еще фей не обвиняли в столь низком преступлении! Помешай нашей сестре, Маргарета! Останови смертных, которых она направляет!

Маргарета и феи (3)

Вовсе не такого ответа ожидала Маргарета. Придя в сад, она полагала, что ей придется просить о снисхождении или же о помощи, но вышло так, что феи сегодня сами нуждались в услугах смертной!..

— Но я как могу остановить их? — растерянно спросила она, поняв, что более к своим словам феи ничего прибавлять не собираются. — Мне незнакомы эти люди, я не знаю, где их искать...

— Твой муж, Одерик, знает о них достаточно, — был ответ. — Он взял верный след и встретил нужного человека, но все еще слеп и глух, когда речь заходит о колдовстве. Отправляйся к нему, Маргарета, и расскажи все, что узнала о нас!

— Да как же мне найти его, — чуть не плача, спросила Маргарета, — если он уехал несколько дней тому назад с каким-то чужестранцем, сам не зная, куда тот направляется? Одним богам известно, где они сейчас! К тому же, Одерик забрал с собой всех верховых лошадей и толковых слуг, оставив мне только горничных, огородниц да кухарок...

И она смолкла, осознав, как жалко и неуместно прозвучали все ее возражения: «Ох, недаром сударыня фея так прогневалась на меня, разглядев как следует! Я и в самом деле не гожусь для великих дел! Сама магия туманов снизошла до меня, чтобы дать поручение, а я кудахчу, как заполошная тетушка, которой страшно и лишний шаг за порог сделать, если на улице дурная погода...»

Но феи вовсе не стали насмехаться над Маргаретой и спрашивать: «Разве не говорила ты недавно, что готова на все, лишь бы спасти дочь?» — напротив, сударыни из тумана слушали ее жалобы внимательно, переглядываясь и подавая друг другу едва заметные знаки.

— В самом деле, — произнесла одна из фей, задумчиво покачивая головой. — Мы позабыли, насколько слабы смертные. А ты, к тому же, не пользуешься милостью леса, как твоя дочь. Тебе не уйти далеко одной по здешним тропам, а времени мало... мало...

— Я... я вернусь домой, прикажу запрячь повозку... — говорила тем временем Маргарета, сиюсь собравшись с мыслями и обрести решимость. — Расспрошу соседей, не видали ли они, куда направился тот чужестранец...

— Нет, это никуда не годится! — феи одна за другой взмахнули своими длинными тонкими руками, закачали головами. — Придется нам помочь тебе!..

— Вы проводите меня и укажете дорогу? — с робкой надеждой спросила Маргарета, но феи издали дружное печальное восклицание, похожее на протяжную трель ночной птицы.

— Достаточно того, что одна из нас нарушила древнейшие законы и покинула пределы старого сада! Мы вышли из туманов лишь для того, чтобы поговорить с тобой — и в полночь исчезнем. Нам не место в людском мире!

— Но как же тогда...

Тут феи рассмеялись и закружились вокруг Маргареты, вновь исполнившись звездного сияния сверху донизу.

— Этой ночью мы окажем тебе честь, смертная женщина, и разрешим промчаться по дорогам, ведущим сквозь туманы! Так тому и быть! Волшебные тропы бесконечно длинны и запутанны, но наша магия поможет тебе сократить путь и ты увидишь своего мужа еще до наступления полуночи... Торопись, Маргарета! В полночь наше волшебство исчезнет, и ты забудешь многое из того, что мы рассказали. Быть может, тебе и вовсе покажется, что все

это — лишь сон!

— Мне и сейчас так кажется, — вздохнула Маргарета, но феи уже не слушали ее. Быстрыми тенями они разлетелись вокруг, оставив ее в растерянности и одиночестве — но вскоре вернулись.

— Вот твои лошади, Маргарета! — воскликнула одна, роняя на землю добрую пригоршню мышей.

— Вот твой кучер! — рассмеялась вторая, показывая зеленую ящерицу, сидевшую на ее полупрозрачной ладони.

— Вот лакеи! — третья держала за хвосты двух жирных и злых крыс.

— А вот и карета! — хором объявили остальные, и Маргарета вскрикнула, увидев, что на поляну с треском вкатывается уже знакомая ей исполинская тыква.

Но только ей показалось, будто феи сошли с ума — или же решили зло понасмешничать над ее бедами? — как дочери туманов принялись колдовать, да так неистово, что от искр и сияния слепило глаза. Каждая словно спешила превзойти сестру в искусстве волшебства, выделявая в воздухе хитрые фокусы, пританцовывая и распевая слова заклинаний. Земля затряслась, яблоки посыпались отовсюду, разбиваясь о землю и разбрызгивая всюду магию, пахнущую карамелью и невесть какими сладостями. Маргарета, не удержавшись на ногах, повалилась в траву, невольно зажмурившись, а когда осмелилась открыть глаза — поляна среди сада показалась ей куда просторнее, деревья — куда выше, а мир вокруг — еще удивительнее, ведь звезды теперь усеивали не только небо и одеяния фей, но и попросту висели в воздухе: протяни руку и трогай!.. Посредине поляны стояла карета — вся сплошь из золотых кружев и завитушек, — запряженная четверкой серых лошадей, морды которых, впрочем, весьма походили на мышьиные. Да и господин ящерица, хоть и значительно увеличился в размерах, чтобы иметь возможность править каретой, увы, сохранил в своем облике куда больше черт рептилии, нежели приобрел человеческих. Маргарета едва не взвизгнула, когда он склонил плоскую треугольную голову набок и приветственно открыл свою огромную улыбчивую пасть с раздвоенным тонким языком.

— Не бойся Маргарета, — прошептали феи где-то у нее над головой, и она почувствовала, как их ледяные руки обвили ее тело, бережно, но неумолимо помогая подняться. — Ты увидела краешек нашего мира — большего тебе и не положено. Немногие из смертных могут похвастаться подобным! Садись в карету, и она домчит тебя к мужу быстрее ветра. Ей не страшны никакие преграды, лошади не будут знать усталости, кучер не собьется с пути, крысы-лакеи уберегут от существ, прячущихся в тенях, но не вздумай самовольно остановиться! Если ты выйдешь раньше времени — потеряешься среди туманов навеки!..

И бедная Маргарета, спотыкаясь и шатаясь, покорно забралась в карету из тыквы, думая лишь о том, что подобные приключения никак не годятся для почтенной замужней дамы зрелых лет. «Что скажут люди, если узнают, как я раскатывала по фейским тропам в волшебной тыкве, запряженной мышами?! — в ужасе спрашивала она себя. — Даже если история эта закончится хорошо и семья наша воссоединится — соседи перестанут ходить к нам в гости, да и к себе звать более не решатся!».

Но волшебное дело было сделано: кучер, повинувшись тихим приказам фей, щелкнул кнутом и карета резво тронулась с места, как будто впереди не было ни кустов, ни деревьев, ни оврагов. Должно быть, господину ящерице были хорошо видны те самые фейские тропы, скрытые от людских глаз.

...Маргарета, никогда не выдавшая подобной роскоши даже издали, с трудом оторвала взгляд от позолоты и узоров, покрывавших карету изнутри, и увидела, что за окном царит непроглядная тьма, перемежающаяся полосами светящегося тумана. Колеса катились так тихо, словно на фейских дорогах не имелось ни кочек, ни ухабов, ни корней, и Маргарете вскоре начало казаться, будто они не едут, а плывут. «Я, наверное, мчусь по воздуху высоко над землей, где-то среди ночного неба!» — подумалось ей, и впервые Маргарету озарила неясная, но радостная догадка: не одна лишь Эли изменила свою участь, когда нашла в себе храбрость отказать фее! Самой Маргарете тоже было когда-то с презрением сказано, будто она недостойна особой судьбы и весь век проживет обыденно и серо — но кто нынче сказал бы такое о женщине, раскатывающей по волшебным дорогам в карете-тыкве?! «Ломайся, трещи, разбивайся на тысячи осколков! — прошептала она взволнованно и упоенно, воображая себе темное и ужасное проклятие феи. — Разве ты не видишь, что наши с Эли судьбы — особенные, да еще какие!..»

От усталости и волнения она потеряла счет времени — лишь мерно стучали копыта неутомимых лошадей, щелкал кнут, да глухо рычали позади крысы-охранники, завидев в тенях опасность.

— Куда же отвезет меня карета? — спросила саму себя Маргарета, чувствуя, как клонит ее в сон. — Где Одерик? Ах, как жаль, что я обиделась на него тогда и не расспросила как следует, что за чужестранца он повстречал...

Но не успела ее голова коснуться бархатных подушек, которыми была переполнена карета изнутри — или ей попросту показалось, что прошла лишь пара мгновений? — как лошади с фырканьем и ржанием остановились, а дверцы распахнулись — крысы-лакеи любезно кланялись наперебой, всем своим видом показывая, что пора выходить.

— Это то самое место? — растерянно и сонно промолвила Маргарета, шурясь и пытаясь понять, где же очутилась среди ночи.

И, надо сказать, увиденное ее ошеломило.

Снаружи в лунном свете серебрился огромный дворец, рядом с которым показалось бы лачугой и самое богатое поместье Лесного Края. Карета стояла у широкой лестницы, освещаемой рядами факелов, а вокруг простирался огромный прекрасный сад с широкими аллеями, величественными фонтанами и стриженными изгородями. Всюду светились фонари и лампы — страшно было даже вообразить, сколько денег тратилось на них! — и Маргарета, оробев едва ли не сильнее, чем при виде фей, не могла и шагу ступить от кареты. Ей подумалось, что она попала в королевские владения, не иначе, а за такую дерзость можно и голову сложить!..

— Кто здесь? — раздались откуда-то сверху встревоженные окрики. — Как вы попали сюда?! — и тут же послышался грозный топот ног, перемежаемый бряцаньем оружия.

Бедная Маргарета, окончательно решив, что волшебство отчего-то ошиблось, хотела было спрятаться в карету, но замерла на месте, услышав, как вдали бьют городские часы, отмечая наступление полуночи. Никогда еще ей не приходилось слышать подобных звуков, ведь в Лесном Краю никогда не водилось башен с часами — но она сразу поняла, что они предвещают.

...То, что было создано волшебством фей, с первым же ударом дрогнуло, со вторым — окуталось мерцающей дымкой, с третьим — принялось таять и преображаться, искрясь все ярче и задорнее. Ну а к последнему удару у ног Маргареты осталась лежать только тыква — не из малых, надо сказать, но в целом то была самая обычная тыква, которых к концу лета на

крестьянских полях не счесть. Мыши, крысы и ящерица проворно разбежались в стороны, не тратя время на чинное прощание, и их можно было понять: уж они-то точно не просили для себя встречи с волшебством, да и пользы из сегодняшней поездки никакой для себя не извлекли.

Стражники, торопливо спустившиеся вниз по лестнице, воззрились на Маргарету с таким же недоумением, как и она на них.

— Что вы тут делаете, сударыня? — наконец, спросил один из них. — Как вы попали сюда? Ворота ночью надежно заперты, мы не ждем гостей! И зачем вы принесли с собой... э-э-э... тыкву?!

— Я ищу своего мужа, — дрожащим голосом произнесла Маргарета, про себя проклиная волшебство фей на все лады. — Его зовут Одерик, и мне сказали, что он может быть где-то поблизости... — и она неуверенно посмотрела на дворец, запрокинув голову.

— Одерик? — переспросил стражник, переглянувшись с остальными. — Тот чудак из Лесного Края, которого привез с собой господин Эршеффаль?..

— Не знаю, о чем вы толкуете, сударь, — как можно тверже сказала Маргарета, пряча дрожащие руки, — но я бы хотела увидеть своего супруга как можно скорее! Мне нужно ему многое рассказать — иначе будет поздно!..

Принц и Эли (3)

...Воистину, легче взнуздать мышей и запрячь ими тыкву, чем разобраться в своих чувствах юноше и девушке, особенно если юноша этот вбил себе в голову, что девушка влюблена в другого, а девушка убеждена, что юноше ни за что ее не полюбить.

Ашвин только и думал, как заставить Эли позабыть о волшебном принце, и при любой возможности показывал, что считает проклятие выдумкой, безобидной фантазией, важность которой преувеличена. Эли же, слушая, как он подшучивает над ее историей, говорила себе: «Он видит во мне лишь чудаковатую дикарку! Он не принимает меня всерьез!» и становилась все печальнее. Хорошо еще, что сил на долгие разговоры у них не хватало — день-деньской они шли по заброшенным лесным дорогам, избегая людей, и лишь с наступлением темноты останавливались, не помня себя от изнеможения и голода.

Вскоре Ашвин потерял счет дням и ночам, ему казалось, что они целую вечность странствуют по бескрайнему лесу, но по-настоящему огорчала его только мысль, что путешествие это когда-нибудь закончится. Эли же, напротив, с тревогой отсчитывала каждый день их пути, со страхом ожидая, что волшебная лихорадка вернется прежде, чем она успеет привести Ашвина к стенам столицы. «Быть может, проклятие бессильно, пока я рядом с ним? — рассуждала она, пытаясь себя успокоить. — Что ж, и магия, наверное, может проявить милосердие, подарив отсрочку приговоренному ею человеку! Ах, если бы можно было не расставаться с Ашвином... Но что я скажу ему? Держи меня из благодарности при себе вечно, я буду следовать за тобой тенью, куда бы ты ни пошел?.. Ашвин добр, он не прогонит меня, если узнает, что моя жизнь зависит от его решения. Но разве такая жизнь будет не хуже смерти?! Я не желаю быть ему обузой! Зачем только я рассказала ему про проклятие?.. Теперь он насмехается надо мной и поддразнивает, как будто смешнее ничего не слыхивал. Но лучше уж выставить себя в дурном свете, чем дать ему догадаться, что он тоже часть магии фей!..».

Разумеется, эти мысли привели лишь к тому, что недопонимание между Ашвином и Эли углублялось, заставляя их страдать, переживать, волноваться, и, разумеется, заблуждаться в отношении друг друга все сильнее.

От остальных бед лес хранил их как мог, и в дороге они не встречали ничего опаснее грозы или трясины. Пусть ноги их были босы, животы пусты, а одежда — грязна и изодрана в лохмотья, в тени деревьев они всегда чувствовали себя в безопасности и спали на зеленом мху так мирно и крепко, как не каждый знатный господин спит под бархатным пологом своей роскошной мягкой кровати.

Оттого-то Эли сразу заподозрила неладное, когда беспричинная тревога охватила ее среди ясного дня. Все так же пели птицы, ничуть не опасавшиеся юных путников; лучи солнца пронизывали листву, в тенистой низине журчал невидимый ручей — но отчего-то она ощутила, что ноги не хотят делать ни шагу вперед.

— Пстой, Ашвин! — сказала она чуть смущенно, ведь ей не хотелось в очередной раз выставлять себя на смех из-за своих чудачеств. — Мне кажется, что впереди нас ждет что-то плохое!

— Деревня? — удивился юноша, уже привыкший, что людские поселения они обходят десятой дорогой и приближаются к жилым местам лишь под покровом ночи. — Но я не слышу ни лая собак, ни голосов домашнего скота!

— Пожалуй, что нет, — сказала Эли, поразмыслив. — Однако идти нам нужно тихо и осторожно.

Послушавшись ее, Ашвин сошел с тропинки, и они, как два пугливых лесных зверька, некоторое время крались вдоль ручья, скрываясь в зарослях папоротника и дикого хмеля с головой. Завидев впереди прогалину, они припали к земле, и ползли так тихо и ловко, что любой бы, кто знал Ашвина раньше, непременно поразился тому, как несколько дней способны изменить благовоспитанного юношу, доселе выказывавшего сноровку только во время танцев и вежливых поклонов.

— Смотри! — прошептал он Эли, раздвигая ветви.

Среди прекрасной поляны, заросшей наперстянкой, дикими лилиями и люпином, виднелся одинокий домик, сложенный из старого, позеленевшего от времени камня. Яркая краска на ставнях давно уж выцвела и облупилась, а высокая печная труба покосилась, но все равно крохотное лесное жилище выглядело уютным. Оградой ему служили заросли шиповника, а главным украшением — одичавшая вьющаяся роза, забравшаяся на самую крышу. Из трубы не шел дым, а вокруг не видно было следов людского присутствия, но все же отчего-то дом не производил впечатление заброшенного — напротив, всем своим видом он словно говорил, что рад случайным гостям и их тут ждет теплый прием.

— До чего славное место! — сказал Ашвин, невольно очаровавшись этим сказочным уголком.

Но Эли упрямо покачала головой — тревога сердитой пчелой гудела у нее в голове и сжимала сердце, как в тисках.

— Нам нельзя быть здесь, — только и сказала она.

— Ты чувствуешь? — продолжал Ашвин, словно не слыша ее. — Какой сладкий запах! Пахнет яблоками, карамелью и еще чем-то сладким... не знаю, как назвать этот запах — но он восхитителен!

— Яблоки! — повторила Эли, побледнев, а затем принялась рассматривать домик вдвойне внимательнее.

— Мне кажется, не будет беды, — говорил тем временем Ашвин, приподнимаясь на ноги, — если мы...

— Ох нет! — тихонько вскрикнула Эли. — Здесь полно старых яблонь! А на них — красные яблоки! Они всюду! Это плохой знак. Нам нужно уходить.

Ашвин, хоть и мало что понял, был вынужден согласиться с Эли, но, уходя, несколько раз с тоской оглянулся и долго еще вспоминал чудесный запах яблок.

— Феи часто появляются там, где растут старые яблони! — скупно ответила Эли, на его расспросы, и ему пришлось этим удовольствоваться.

Они вернулись к тому месту, где сошли с тропинки, и шли в обратном направлении, пока Эли не заметила поворот, уходящий в сторону, противоположную той, где они увидели домик. Придирчиво осмотрев его, она объявила:

— Идем этой дорогой!..

...Но спустя полчаса или час ее лицо снова помрачнело, а шаг замедлился.

— Я снова чувствую ту же опасность! — медленно промолвила она, хмуря выгоревшие брови.

Вновь они повторили все те же немудреные действия — хоть Ашвин на этот раз согласился ползти среди колючек куда менее охотно, — и каково же было их удивление, когда впереди показался все тот же домик, увитый розами!

— Этого не может быть! — воскликнула Эли, растерянно глядя на кривую трубу, весело торчавшую над зарослями наперстянки.

Ашвин, уже привыкший к тому, что Эли никогда не ошибается и всегда знает, куда выведет их тропинка, тоже ощутил некую тревогу — но куда сильнее в нем говорило желание выбраться из кустов и приблизиться к дому. Он словно впервые ощутил, насколько сильно устал и проголодался, а домик выглядел таким мирным и уютным!..

— Может быть, это знак, — сказал он, во все глаза глядя на сочные яблоки, висящие на ветвях старого сада. — Ты же говорила, что лес сам ведет тебя по дорогам и тропам? Вот он и привел нас туда, где мы можем отдохнуть и подкрепиться...

— Нет! — прошипела Эли, пятясь назад. — Это сделал не лес! Тут злое место, и я чувую, что все вокруг пропахло феями и их волшебством!..

— Что ж, — пробормотал опечаленный Ашвин. — Если это запах волшебства фей, то мне он по нраву... Готов поклясться, здесь недавно испекли яблочный пирог, а вдобавок к нему сварили глинтвейн!.. Эх! Но если ты считаешь, что нам нельзя заходить в этот дом, то так тому и быть...

Надо ли говорить, что они вновь повернули назад и шли дальше прежнего, прежде чем Эли выбрала новую тропу. Но и тут на их пути очутился нарядный, окруженный цветами и яблонями домик, который раз от разу казался Ашвину все милее.

— Нет, это явно проделки фей! — в гневе вскричала Эли, не разделявшая его чувств. — Разве ты не видишь, что они водят нас по кругу?!

— Что-то странное, в этом, безусловно, есть, — согласился Ашвин, поразмыслив. — Но я не верю, будто здесь сокрыты опасность или зло! Напротив, мне кажется, что нас ждет что-то чудесное!..

— Да разве может быть что-то хуже чудес?! — вскричала Эли, сердито покосившись на него, и они вновь повернули обратно, с опаской поглядывая в темнеющее небо: солнце к тому времени опустилось совсем низко, а мест, подходящих для ночлега, им так и не попалось.

На этот раз они попросту шли по своим же следам, стремясь уйти от странного домика как можно дальше. Но не так-то просто избежать волшебства, если оно отчего-то решило показаться человеческому глазу. Да, Ашвин и Эли, как им казалось, направились назад — но в итоге вновь очутились у зарослей шиповника, окружающего дом с розами и яблочными пирогами.

— Это и восхитительно, и жутко одновременно! — заметил Ашвин, принюхиваясь к головокружительно-сладкому аромату.

— В этом вся суть волшебства фей, — со вздохом согласилась Эли.

— Быть может, не следует убегать? — с сомнением спросил юноша, в котором говорили одновременно усталость, любопытство и тоска по свежеспеченным пирогам. — Если мы не можем от него уйти, то не остается ничего другого...

— Нет! — резко оборвала его рассуждения Эли. — Ни за что я не ступлю на порог проклятого дома! Феи могущественны, но не всемогущи. Иначе они давно бы нас изловили! Если мы сами не отдадим себя в их руки, они не смогут нас схватить. Это хитрая ловушка, и нужно как следует пораскинуть мозгами, чтобы ее избежать. Подождем до утра. Лес подаст мне знак, ведь он не зря предупреждал меня сегодня об опасности!..

Она говорила растерянно, вспыльчиво, и Ашвин не решился с ней спорить, хотя до сих пор не до конца верил, что дело именно в волшебстве, а не в том, что они заблудились и

устали. Разве не бывает так, что люди ходят в лесу по кругу, сбившись с пути? Разве означает это, будто нужно непременно верить в фей, проклятия и принцев, предназначенных самой судьбой для несчастной любви?.. Признаться честно, с недавних пор Ашвину вовсе не хотелось, чтобы сказки оказались правдой.

Но не успел он спросить у Эли, где сегодня они останутся на ночлег — или же будут ходить взад-вперед по дороге всю ночь напролет?.. — как вдруг она, сделав шаг, вскрикнула и схватила себя за босую ногу.

— Что случилось? — Ашвин бросился к ней.

— Я наступила на что-то острое и поранилась, — ответила Эли, глядя на свою окровавленную пятку с удивлением человека, который привычен безо всякого ущерба ходить босым день-деньской.

Вскоре из раны совместными усилиями был извлечен хрустальный осколок, который даже в тусклом вечернем свете искрился и сверкал ярче алмазной крошки.

— Но как он здесь очутился? — удивился Ашвин, окидывая взглядом заросшую лесную тропу.

Эли ничего не ответила, глядя на сверкающий хрусталь затравленно и зло — о, ей было хорошо известно, откуда появляются такие осколки! Хрустальные туфельки, которые в гневе разбивают феи, рассыпаются на сотни блестящих брызг с острыми, как лезвие ножа, кромками!..

— Это часть ловушки, — сказала она, чувствуя, как начинает кружиться голова. — Послушай меня, Ашвин! Это очень важно!.. Что бы со мной ни случилось... чтобы ни случилось... нельзя... не...

И она, тихо вздохнув, медленно опустилась в траву, закрыв глаза.

Принц и Эли (4)

Нельзя сказать, будто Ашвин не догадался, о чем предупреждает его Эли. Последние несколько часов они только и делали, что спорили из-за домика, увитого розами. «До чего же она упрямая! — с беспомощной досадой подумал юноша, тщетно пытаясь привести Эли в чувство. — Даже сейчас думает только о своих феях!». Впрочем, он, устыдившись, тут же прогнал эту мысль — до ревнивых обид ли сейчас, когда лицо Эли бледнеет, а руки становятся все холоднее?.. Ашвин в растерянности смотрел на осколок, на неглубокую ранку, оставленную им: разве теряют люди сознание от крошечного пореза? Что за странность! Впору поверить в любую чертовщину!.. И он мотнул головой, отгоняя тревожные тягостные мысли.

— Да что же это! — наконец отчаянно воскликнул он, чувствуя, как голова гудит от волнения. — Неужели я всерьез обдумываю, не ждет ли нас волшебная западня в лесном домишке?! Эли нужна помощь!..

И, неловко подняв девушку — она оказалась легкой, как птичка, — он торопливо зашагал в сгущающихся сумерках туда, где в последний раз им попадался странный, но очаровательный домик.

Позже Ашвин не раз вспоминал, как обманулся в своих ожиданиях: отчего-то ему казалось, что близость волшебства непременно должна удивлять, волновать, дарить предчувствие чего-то потрясающего. Но чем больше он думал о лесном домишке, тем более обыденным тот ему казался, и каждый раз, как в памяти всплывали слова Эли — об опасности, о феях, о странности сегодняшних хождений по кругу — какой-то насмешливый внутренний голос принимался потешаться над этими нелепыми страхами. «Да неужто ты всерьез поверил сказкам бедной лесной девочки? Конечно, она мила и добра к тебе, но ведь очевидно, что бедняжка живет в плену суеверий и странных выдумок!» — и даже голосу этому Ашвин отчего-то не удивлялся, хотя никогда раньше не слышал его в своей голове. Точно так же его не удивило то, что дом оказался совсем рядом — за первым же поворотом, — а окна его приветливо светятся, хотя за весь день им так ни разу не удалось увидеть никого из здешних обитателей.

Завидев свет, Ашвин едва ли не рассмеялся от счастья — теперь-то он был уверен, что здесь ему помогут. Внутренний голос тем временем шептал, что нужно поторапливаться, ведь так будет лучше и для Эли, и для него самого. «Что может быть разумнее, чем попросить ночлега у добрых людей? — слышал Ашвин и мысленно соглашался с доводами своего нового невидимого советчика. — Столько дней бродить по лесу — право слово, довольно этих причуд! Поначалу тебе хотелось верить в волшебство и чудеса, оттого ты слушал свою чудаковатую подружку-дикарку, но сейчас-то ты видишь, насколько нелепо выглядели ваши прятки?.. Не существует никаких фей и волшебства, это все выдумки, ложь, обман!..»

...Ах, кто бы мог рассказать юному Ашвину, что волшебство не всегда прячется от людей в самые темные щели? Уж точно не строгая госпожа Клариза, мир ее праху! Куда чаще чары морочат головы смертным, внушая им уверенность, будто они настолько разумны, что все видят насквозь и уж точно не попадутся на чью-либо удочку. Как людей иной раз ловко стыдят и лишают в себе уверенности, обвиняя в ребячестве и сравнивая их поступки с детскими капризами, так и магия нередко взывает к скептицизму, к этому особому виду

человеческой гордыни, чтобы назвать саму себя ерундой, не стоящей внимания — и остаться при этом невидимой для людского глаза. Человек подчас так боится показаться глупым или смешным, что готов закрыть глаза на подлинные чудеса и объяснить необъяснимое!..

Увы, в тот миг, как Ашвин согласился с тихим голосом, нашептывающим, что верить в существование магии нелепо, волшебство полностью подчинило его себе и привело к порогу домика увитого розами.

Едва только он попытался высвободить руку, чтобы постучать в дверь, как ему тут же открыли: славная крохотная старушка с румяными щеками держала в руках лампу и улыбалась так сердечно, что Ашвин тут же решил, что добрее женщины еще не видел.

— Добрый вечер, — смущенно произнес он. — Прошу прощения, что потревожил вас. Моя... подруга попала в беду. Кажется, она больна. Ей нужна помощь...

И добрая старушка, не удивившись ни его внешнему виду, ни словам, тут же радушно пригласила Ашвина в дом, заверив, что непременно поможет бедной больной девочке. «Вот как верно ты поступил! — похвалил его внутренний голос. — Тебе следовало прийти сюда гораздо раньше!..». Согласитесь, приятно, когда кто-то хвалит тебя за принятые решения — особенно, если ты вовсе не уверен в своих силах!.. И Ашвин, облегченно вздыхая, уложил Эли на мягкую софу, искренне радуясь тому, как хорошо все устроилось.

— И ты, мальчик, садись, — ласково сказала ему старушка, указывая на кресло. — Должно быть, ты устал и проголодался!..

— Ох, и вправду, — пробормотал Ашвин, чувствуя, как слабеют его ноги и повисают безвольно руки. — Но Эли...

— О, не беспокойся! Сейчас она придет в себя! — старушка хитро прищурилась. — Не хочешь ли яблок? Слаще ты еще не пробовал!..

И в самом деле на столике, рядом с креслом, стояла корзинка, доверху наполненная темно-красными яблоками, каждое из которых словно светилось изнутри — настолько сочными и спелыми они были. Ашвин был голоден, да и внутренний голос говорил: «Ты весь день мечтал о яблоке из здешнего сада, не так ли?..» — но все же он не хотел показаться невежей, жадно хватаясь за еду в незнакомом доме и оттого, сделав усилие над собой, отказался. Старуха самую малость удивилась, но, честно сказать, ей не слишком-то был интересен Ашвин — куда суетливее она хлопотала над бледной бесчувственной Эли.

— Ну же, упрямая девочка, — доносилось до Ашвина ее скрипучее бормотание. — Выпей воды и открой глаза! Ты должна слышать все то, что здесь будет сказано!.. Увидеть, то, что будет сделано!..

Посиневшие губы Эли шевельнулись и она сделала несколько глотков, а затем слабо вздохнула.

— Вот и славно! Вот и славно! — обрадовалась старушка, щуря маленькие лукавые глазки. — У нас впереди еще немало дел, дитя мое!..

Эли, приходя в себя, медленно приподнялась и обвела непонимающим взглядом крошечную гостиную. При виде корзины с алыми яблоками на лице ее появилось выражение ужаса — и голос, до той поры непрерывно нашептывающий похвалы Ашвину, смущенно захлебнулся и смолк.

— Ох нет! НЕТ! — вскрикнула Эли так надрывно, как будто в ней только что умерла последняя надежда на добрый исход. — Ашвин, что же ты наделал?! Я же говорила тебе, что нам нельзя приближаться к этому дому!

Тут-то Ашвину и довелось впервые узнать, каково это — чуют волшебство, больше не

скрывающееся под шутовской маской: страх, тоска и осознание собственной ничтожности нахлынули на него, грозя ослепить и утопить в своих черных как ночь волнах. Теперь он понял, что все это время был ведом чужой волей, и решения, которые до недавних пор казались ему своими собственными, разумными и взвешенными, обернулись липким волшебным мороком.

— Слишком поздно, упрямое дитя, — тем временем говорила старушка, облик которой становился все менее ясным, как будто туман окутывал всю ее крохотную сгорбленную фигурку. — От судьбы не уйти, а твоя судьба — магия. Не стоило тебе ходить вокруг да около, мы уж заждались вас!..

И, словно дожидаясь этих ее слов, в гостиную вошла та самая женщина, что искала Ашвина, а следом за ней — и ее мрачные молчаливые спутники.

— Я сдержала свое слово! — торжественно объявила старушка, которая теперь не была похожа не только на старуху, но и на человека, что, впрочем, никого, кроме Ашвина не встревожило. — Вот вам мальчишка, живой и здоровый. Делайте с ним, что должно, а на мою долю остается девчонка, у нас с ней давний уговор...

Эли, услышав это, вскинула голову, но ничего не сказала — лишь бросила на Ашвина короткий взгляд, полный тоски и невысказанных упреков.

Ашвин же, прикованный к креслу неведомой силой, во все глаза смотрел на фею, и всего его страха едва хватало, чтоб заставить его смолчать — так удивительно и странно было все то, что сейчас происходило в маленькой уютной гостиной. Но если обращаться к фее со словами: «Вы и вправду существуете!» казалось ему поступком чересчур глупым и невежественным, то уж при виде жестокосердой дамы, в людской природе которой сомневаться не приходилось, юноша нахмурился и воскликнул:

— Пойдите! Но я ведь знаю вас!.. Мы встречались... И господин Эршеффаль говорил что вы его давняя подруга!

— Именно так, мой бедный мальчик, — суровое лицо дамы исказила донельзя фальшивая улыбка. — Подумать только, ты прятался от меня, словно я твой враг! Мы с господином Эршеффалем твои давние попечители и с самого твоего рождения заботимся о тебе, сочувствуя сиротской судьбе. Ну же, вспоминай: меня зовут тетужкой Беренис, и ты долгое время гостил в моем поместье, когда был совсем малюткой. Разве ты забыл, как ты играл вместе с моими дочками?.. Они до сих пор только и говорят, что о тебе — каким милым был наш сиротка Ашвин, как хотелось бы с ним снова повстречаться... Ах, какая же вышла нелепость, недоразумение!.. Ты наслушался глупых рассказов этой дикой девчонки, которая бог весть что себе вообразила, повстречав нас в лесу. А ведь мы спасли ей жизнь, она была совсем больна, когда мы нашли ее... Это все злая лихорадка — она лишила ее разума! Не стоило тебе верить ей...

Тут Ашвин почувствовал, что голова у него идет кругом: дама говорила так, будто не видела, что рядом с ней сейчас стоит существо нечеловеческой природы — иначе как повернулся бы у нее язык обвинять Эли во вранье?.. Или же она права и дело в злой лихорадке, которая свела с ума и самого Ашвина? Он действительно припоминал, как однажды гостил летом в прекрасном поместье у озера; там и впрямь были две девчонки, так и норовившие стащить у него учебники и залить их чернилами!.. Неужто он и впрямь все это время скрывался от своей покровительницы, не отличая бред от действительности, правду от вымысла?..

— Но... но, — неуверенно произнес он, — я видел, как вы... — тут он запнулся, но

заставил себя продолжить, — вы убили госпожу Кларизу!..

— Что за нелепость! — воскликнула тетушка Беренис, деланно всплеснув руками. — Должно быть, тебе привиделся какой-то кошмар из-за того, что наплела тебе эта лесная девчонка!

— Я не думаю, что... — начал было Ашвин, но смолк, зачарованно наблюдая, как фея неслышно скользнула по гостинной, и, по-змеиному изогнувшись, подала тетушке Беренис одно из красных яблок, что лежали в корзинке на столе.

— Пусть мальчик съест маленький кусочек, — шепнула она. — Он сразу станет сговорчивее!..

— Ашвин! — испуганно закричала доселе молчаливая Эли, безуспешно пытаясь подняться с места. — Не ешь яблоко! Не соглашайся!.. Оно отравлено!..

— Вновь эта безумная выдумывает какие-то небылицы! — хором произнесли тетушка Беренис и фея, так что голоса их сплелись в один — напевный и чарующий, леденящий сердце и лишаящий всякой воли к сопротивлению.

...И Ашвин с ужасом понял, что волшебство давно уж сидит внутри той, что называет себя его попечительницей, дергая ее за ниточки так же ловко, как недавно вело его самого к лесному домику.

Принц и тетушка Беренис (1)

Вряд ли кто-то при подобных обстоятельствах согласился бы попробовать яблоко из рук тетушки Беренис.

— Ну уж нет, — сказал Ашвин твердо. — Я не буду это есть!

— Ох, ты же раньше был таким воспитанным мальчиком! — сладко пропела тетушка, продолжая настойчиво протягивать ему яблоко. — Разве тебе не говорили, что невежливо отказываться от угощения в гостях?..

— Гость всегда может уйти, если ему что-то не нравится, — ответил Ашвин, начиная догадываться, что волшебный морок, дурманящий сознание, боится прямых и честных слов. — А в этом доме я пленник!

Его отпор, казалось, удивил и фею, и тетушку Беренис — они обменялись быстрыми взглядами, — но обрадовал Эли.

— Правильно! — ее голос был слабым, но не испуганным. — Не верь им! Не поддавайся чарам! Они замыслили недоброе!

— Ох, да помолчи ты, противная девчонка! — воскликнула недовольно тетушка, не дождавшись никакой помощи от феи, внезапно превратившейся в молчаливое темное изваяние. — От тебя и твоих бредней одни неприятности!

И она невольно покосилась на своих спутников, покорно ожидавших у дверей. «Ох, как бы я хотела отдать приказ, после которого эта нахалка больше не промолвит ни слова!» — без труда читалось в этом бешеном гневном взгляде. Но фея едва качнула головой — и грозная тетушка Беренис сникла, ведь даже самым свирепым из людей иной раз доводится соблюдать условия тайных договоров!..

— Не смейте так говорить с Эли! — вскинулся и Ашвин.

— Да ведь это ее черный болтливый язык рассорил нас! — тетушка Беренис пыталась придать себя огорченный вид, но любой бы понял, что она кипит от ярости. — Отчего ты решил, что тебя взяли в плен? Разве стала бы я, твоя давняя попечительница, причинять тебе вред после стольких лет беспокойства и забот? Я вижу, что ты голоден, оттого и хотела угостить лучшим из того, что есть в этом скромном доме...

— Я не притронусь к этому яблоку, — отрезал Ашвин. — Если Эли говорит, что онс отравлено, то так и есть!

— Отравлено?!.. — вскричала тетушка, теперь изображая праведный гнев. — Милый мальчик, скорее, это твой разум отравлен подозрениями!.. И в мыслях у меня не было навредить тебе...

— Но вы преследовали нас!

— Искала, чтобы спасти и вернуть на родину! В дом, где тебе всегда рады!

— Вы желаете меня к чему-то принудить!

Слова эти, невесть откуда взявшиеся на языке у Ашвина, застали врасплох тетушку Беренис — алое яблоко выпало из ее рук и разбилось, забрызгав подол платья соком, похожим на густую темную кровь. Вновь она посмотрела на безмолвную неподвижную фею, словно спрашивая совета — но та не ответила ни словом, ни жестом. Только самой Беренис было известно, какой договор она заключила с волшебным существом, чтобы заполучить Ашвина, но, по всей видимости, вести разговор с юношей ей полагалось самостоятельно и без подсказок.

— Послушай меня, мой дорогой мальчик, — наконец вкрадчиво промолвила она, с заметным внутренним усилием обуздав гнев и растерянность. — Мое сердце разбивается на части, когда я вижу, как ты упрямо отвергаешь мою любовь к тебе — а ведь она почти что равна материнской!.. Ты говоришь, что я желала навредить тебе и боишься принять из моих рук пищу... Знаешь ли ты, зачем я искала тебя все это время и что хотела предложить?..

Ашвин, чувствуя, как от ласковых слов по спине у него бегут мурашки, медленно покачал головой, не отводя взгляда от плотоядного лица тетушки, улыбка которой пугала больше, чем гримаса ярости.

— Сиротская доля горька, милый мой Ашвин, — продолжала Беренис. — Я всегда была полна жалости к тебе, но мой старый друг... господин Эршеффаль, отчего-то полагал, что нам не по силам сделать для тебя что-то большее, нежели обычные наши милости. Признаюсь, это не раз становилось причиной размолвок между нами, но я предпочитала уступать ему — о, с ним очень тяжело спорить!.. Однако, получив весть от госпожи Кларизы, что вы обосновались в здешних диких лесах, да еще и в столь убогом углу...

— Как?! — не сдержавшись, перебил ее удивленный Ашвин. — Госпожа Клариза строго-настрого запрещала мне слать кому-либо письма, да и сам господин Эршеффаль предостерегал нас от этого...

На суровом лице тетушки Беренис отразилось что-то сходное с замешательством — ей хотелось бы отложить эти объяснения. Но, увы, настойчивый тон и пытливый блеск глаз юноши ясно указывали на то, что он непременно желает слышать ответы здесь и сейчас.

— Видишь ли, Ашвин, — неохотно начала она, подбирая слова. — Накануне твоего поспешного отъезда в Лесной Край произошли... некоторые события, из-за которых мы рассорились с сударем Эршеффалем, не сойдясь во мнении по поводу твоей дальнейшей судьбы. Он, угодив в опалу у сильных мира сего, вынужден был уехать и вместе с тем пожелал услать тебя как можно дальше от... опасностей, которыми сейчас полнятся наши родные земли. Выбор его пал на здешние края — ведь тут у него множество влиятельных друзей, и он мог не отказываться от прежних светских привычек и роскошной жизни. Я же считала, что эти предосторожности избыточны и ему не следует увозить тебя так далеко от родных мест. Но он настоял на своем, решив, что ни мне, ни ему не стоит знать, где именно госпожа Клариза укроет тебя от бед. Было решено, что когда наступят... наступят безопасные времена, твоя опекунша уведомит господина Эршеффала, послав к нему почтового голубя — эти птицы были выращены и обучены в одном из здешних столичных поместий, а перед самым вашим отъездом переданы Кларизе. Но, милый мой, я не могла позволить, чтобы тебя увезли так далеко от меня, разорвав нашу связь, которая куда крепче, чем тебе кажется! Я щедро заплатила Кларизе и тайно отдала ей нескольких своих голубей, условившись с ней, что первой узнаю о вашем убежище...

Ашвин слушал ее, хмурясь и потирая лоб, ведь каждое слово хитрой тетушки Беренис таило в себе двойное дно — это понял бы каждый, кто хоть раз увидел бы ее жесткое лицо и прищур холодных глаз.

— Так госпожа Клариза уведомила вас о том, где мы скрываемся, вместо того, чтобы известить господина Эршеффала? — задумчиво промолвил он. — И сделала это, едва мы прибыли в Лесной Край?

— Разумеется, ведь мой путь в Терновый Шип оказался бы куда длиннее и опаснее, нежели дорога из столицы! Мне нужно было постараться, чтобы опередить моего дорогого друга!..

— А зачем же вы хотели его опередить, тетушка Беренис? — спросил Ашвин, пристально глядя на нее.

— Да потому, мой дорогой мальчик, что я желаю осчастливить тебя вопреки намерениям господина Эршеффалья! — вскричала та, хищно и торжествующе улыбаясь. — Разумеется, ты привязан к нему и испытываешь истинно сыновнее почтение, но, посуди сам, разве завидную долю он тебе определил? А ведь Эршеффаль невероятно богат, знатен, и даже в бегах живет на широкую ногу! Видел бы ты его столичное поместье — уж точно не ровня жалкой лесной усадьбе! Я же поступлю честнее и благороднее — женское сердце всегда мягче и сострадательнее мужского...

— И какую же судьбу вы прочите мне? — после недолгого настороженного молчания спросил Ашвин.

— О, я не просто так говорила, что люблю тебя как сына! — говоря это, тетушка Беренис шагнула вперед и коснулась волос юноши. — Но, увы, одна лишь моя сердечная привязанность не станет залогом твоего будущего — ты всегда останешься опекаемым сиротой, приемышем — а тебе ли не знать, как шатко это положение! Пока ты был мал, с этим ничего нельзя было поделать. Но теперь... Теперь ты вырос и стал совсем взрослым юношей!..

Ох, как же не понравилось Ашвину выражение, с которым тетушка произнесла последние слова!..

— К чему вы клоните? — спросил он, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Да к тому, мой милый, что ты можешь жениться на одной из моих дочерей! — объявила Беренис, а неподвижный темный лик феи озарился страшной ликующей улыбкой. — Видишь, как беспочвенны были твои подозрения? Вовсе не вред я желала причинить тебе, а, напротив, собиралась отдать самое ценное, что у меня есть! К слову, дочерей у меня, как ты помнишь, две, и ты можешь выбрать любую — вот какое редкое везение тебе выпало, славный мальчик!.. Подпишем брачный договор немедленно — все бумаги у меня при себе, я все предусмотрела. Вот видишь — твое будущее устроится как нельзя лучше, ты и мечтать о подобном не мог!..

И в полной тишине, воцарившейся после этой пылкой речи, долго еще был слышен только зловещий тихий смех, похожий на тревожный перезвон колокольчиков. То смеялась фея, глядя на Эли, которая силилась что-то сказать — но не могла, и только слезы катились по ее бледным щекам.

Принц и тетушка Беренис (2)

Поначалу Ашвин, лихорадочно размышляя, как выбраться из брачной ловушки, которую тетушка расставила так хитро и ловко, хотел было возразить: «Но что скажет господин Эршеффаль?». Затем ему вспомнилось, что госпожа Клариза считала, будто он, ее воспитанник, слишком молод для женитьбы — быть может, этот довод прозвучал бы разумно?.. Но стоило ему только взглянуть на измученную задыхающуюся Эли, как его словно окатило ледяной водой: «Вновь я ищу, на кого бы опереться, обращаюсь к чужому мнению — как будто оно значимее, чем мое собственное! Нет уж, сейчас мне нужно говорить лишь за себя самого и честно! Кажется, это не по нраву магии, которая здесь всем заправляет — вот пусть и повернется!».

— Благодарю вас за оказанную честь, — произнес он вслух, стараясь сохранять спокойный и любезный вид, словно его руки и ноги не были скованы чарами, а в голове не клубился сладостный волшебный туман. — Но я не желаю жениться ни на одной из ваших дочерей, тетушка Беренис!..

— Что?! — вскричала она, покраснев от неожиданности и досады. — Неужто ты лишился ума, скитаясь по лесам? Разве ты не понимаешь, что лучшей партии тебе не сыскать? Подумай хорошенько, какое будущее тебя ждет. Разве хороша была твоя жизнь прежде — без дома, без семьи, без знатной фамилии! Да и сравнится ли эта лесная чужбина с нашей родиной? Вспомни, мальчик, как великолепны наши поместья, как многолюдны города! Здешняя столица и в подметки не годится нашим деревням, уж поверь!..

И фея, вновь улыбнувшись, кивнула, показывая, что тетушка все говорит верно и согласно их тайному уговору.

— Дело вовсе не в том, что я позабыл родину, — вежливо отвечал Ашвин, пытаюсь незаметно пошевелить ногами или руками, чтобы ослабить невидимые путы. — Она и в самом деле помнится мне совершенно блистательной — насколько я мог судить с той весьма скромной ступеньки общества, что была мне предназначена...

— И женитьба поможет тебе оказаться на другой ступени, куда выше прежней! — пылко подхватила его речь тетушка Беренис, руки которой от переживаний то сжимались в кулаки, то мяли бархат дорожного платья. — Ты вернешься домой совсем иным человеком!..

— Не припоминаю, чтобы у меня когда-либо имелся свой дом, — пробормотал Ашвин.

— Женившись на моей дочери, ты станешь почти что моим сыном, и домов у тебя будет превеликое множество!..

— Не слишком ли вы щедры, тетушка? — взмолился юноша, с опаской глядя на покрасневшееся лицо своей благодетельницы, настаивавшей на своем с яростью, более уместной в бою, нежели в сватовстве. — Я, признаться, в толк не могу взять, зачем вам выдавать дочь за меня! Наверняка у обеих ваших наследниц полно поклонников, и куда более подходящих им по положению и богатству. Никогда бы не подумал, что меня могут счесть завидным женихом, с чего бы кому-то сватать за меня едва знакомую девушку?.. — тут он смолк, озадаченно нахмурившись: некое смутное воспоминание возникло в его памяти. Ведь госпожа Клариза не просто так говорила о том, что жениться ему рано — странные гости из числа соседей совсем недавно тоже желали выдать за него замуж дочь!.. Что за чертовщина!

Глаза феи опасно блеснули — она все еще хранила молчание, но последние слова

Ашвина не понравились ей, равно как и мысли, им сопутствующие. Склонившись к уху Беренис, темное создание вкрадчиво прошипело что-то недоброе, но тетушку услышанное ободрило — она, не дав юноше и минуты на размышления, с удвоенным пылом принялась за свое:

— Я желаю устроить твоё будущее! — повторяла она, и взгляд её становился все жаднее и безумнее. — Отчего ты не веришь мне, мой милый мальчик?! Ну что же ты медлишь, отказываясь от своего счастья? Подпиши эту бумагу — и мы немедленно покинем эти дикие края, забудем их как страшный сон. Никогда больше тебе не придется скитаться по чужим домам и диким лесам!.. Женись на моей дочери — старшей ли, младшей, неважно!.. — и дело сделано!..

Фея же, в руках которой невеста как очутилось разрезанное пополам алое яблоко, бесшумной тенью склонилась над Ашвином и провела по его губам холодным, как лед, пальцем. Все произошло так быстро — да и сладость на губах оказалась такой дурманящей! — что юноша с трудом мог понять, привиделось ли ему это или произошло на самом деле.

— Да что же это! — воскликнул, наконец, Ашвин, чувствуя, что магия, соединенная с безумием, оплетает все вокруг, затуманивая его рассудок. — Я не понимаю, что происходит, но знаю точно, что это какая-то огромная ошибка! Не нужно меня ни на ком женить! Зачем я вообще вам понадобился?! — и к ужасу своему понял, что голос его слабеет: последние слова он произнес уже шепотом. «Это все волшебный яд! — подумал он, собравшись с мыслями из последних сил. — Он подавляет мою волю и лишает памяти!».

— Зачем вам это? — с трудом повторил он, сознавая, что вот-вот забудет, о чем спрашивал. — Зачем?..

— Да потому что ты на самом деле принц, Ашвин! — выкрикнула тут Эли, о которой все на время позабыли. — Ты принц, и они об этом знают!..

— Опять она! — зарычала тетушка Беренис, лицо которой исказилось от ярости. — Почему она снова болтает?! Мы уговаривались, что она больше ничем не помешает мне!

Фею, казалось, тоже не на шутку удивило то, что Эли заговорила — она взмахнула своими тонкими темными руками, глаза ее полыхнули, губы дрогнули, — и девушка вновь задохнулась, не успев договорить.

— Я — принц? — потрясенно спросил сам у себя Ашвин, не глядя ни на тетушку, ни на фею, ни на Эли. — ПРИНЦ?!

— Ох, Ашвин! — госпожа Беренис, потеряв остатки самообладания, то пыталась говорить с притворной лаской, то рычала от злобы. — Не слушай ее, она вновь лжет!.. Мерзкая, подлая девчонка! С чего бы ей вообще лезть не в свое дело?! С чего бы ей знать о том, что ее вовсе не касается?.. Милый мой мальчик, послушай меня... я желаю тебе добра... я твой друг... Вот, попробуй-ка это яблоко!.. — и она подсовывала Ашвину сочную дольку, еще хранившую холод прикосновения феи. — Правда же, вкуснее ты ничего не пробовал?.. Не слушай девочку, забудь о ее словах...

Но даже яду, сочившемуся из-под пальцев тетушки Беренис, было не под силу прогнать мысли, от которых щеки Ашвина запылали, а глаза заблестели — и блеск этот отчего-то заставил тетушку смолкнуть, а фею — сгорбиться и отступить.

— Но если я — принц, — медленно рассуждал вслух он, ни к кому не обращаясь, как будто услышанное волшебным образом перенесло его далеко-далеко из гостинной лесного домика в пустыню, где ясно слышен только свой собственный внутренний голос. — Если я

— принц, как бы странно это не звучало... Странно и смешно! Поверить не могу, что говорю это вслух! Я — принц!.. — тут он негромко и удивленно рассмеялся, но тут же сам оборвал свой смех. — Это, действительно, многое объясняет... Хотя мне и в голову прийти не могло, что все эти тайны столь значительны! Я был всегда уверен, что обычнее меня человека в мире нет!.. Мне даже никогда не хотелось знать, отчего господин Эршеффаль так переживает обо мне, и зачем вынуждает прятаться ото всех... Впрочем, плевать! Это все неважно! Важно другое... Если я — в самом деле принц, то... то... выходит, в том проклятии могло говориться обо мне... Ведь обо мне же?! Ох, Эли! — и он посмотрел на девушку, не зная, что чувствует — самое острое счастье в своей жизни или же самую горькую печаль. — Эли...

— Будь проклят длинный язык этой девчонки! — прошипела тетушка Беренис, обретя дар речи и вместе с ним — прежнюю свирепость. — Она снова все испортила! Я так и знала, что все эти волшебные штучки не слишком-то надежны! — и она пренебрежительно взмахнула рукой в сторону феи, отчего та съежилась еще сильнее и, казалось, превратилась в ступок злой обиженной черноты. — Впрочем, обещанное я получила, и на том спасибо. Мальчишка здесь, в моих руках, а большего мне и не надо. Довольно упрасиваний и хитростей! Нам следует как можно быстрее возвращаться — трон не может пустовать долго!.. Ашвин!.. — от ее окрика юноша вздрогнул и с усилием отвел взгляд от Эли. — Не будем тянуть время! Мое предложение остается прежним: одна из моих дочерей выйдет за тебя, или...

— Или?.. — Ашвин смотрел на госпожу Беренис с недоверчивым страхом: он с самого начала не сомневался, что заботливая тетушка опаснее змеи, но все же в глубине души надеялся на некое подобие милосердия в ее душе — и совершенно зря.

— ...Или я прикажу убить девчонку, раз уж ты о ней так печешься, — коротко ответила тетушка, чье лицо вновь стало жестким и суровым; надо сказать, прежнее выражение притворной сердечности подходило ему куда меньше. — Не буду скрывать, это доставит мне огромное удовольствие!.. Соплячка только и делала, что совала нос не в свое дело и путалась у меня под ногами!

Ее спутники, до той поры покорно и тихо ожидавшие своего часа, с готовностью шагнули вперед, показывая, что исполнять подобные приказы им не в новинку. Вот уж кому не было дела ни до чудес, ни до волшебства — так это им, и, как показалось Ашвину, они ровным счетом ничего удивительного в происходящем не заметили. А может, им и не полагалось до поры, до времени ничего видеть и слышать — кто знает?

Эли, скованная чарами так же надежно, как и Ашвин, упрямо вздернула подбородок, показывая, что не станет просить пощады. Но взгляд ее был мертв и пуст: уж ей-то было понятно лучше всех, что какой бы выбор Ашвин сейчас не совершил — ей не спастись.

Вновь фея расхохоталась, теперь уж громко и насмешливо — и стало ясно, что ей весьма по нраву происходящее.

— Впервые мне повстречался человек, с которым приятно иметь дело! — воскликнула она, вновь выпрямляясь в полный рост, раскидывая черные руки-крылья, заполняя звездной тьмой гостиную. — Пожалуй, мне нравится мир смертных! Люди не настолько уж слабы и скучны, как мне показалось вначале. Славная Беренис, мне стоит, пожалуй, поблагодарить тебя! Твоя сущность оказалась настолько черной, что ей по силам довершить то, с чем не могло сладить даже мое волшебство!.. Быть может, ты и сама стала частью моей магии, приспособившейся к законам этого мира — кто знает!..

— Поосторожнее, сударыня волшебница, — оскалилась по-волчьи тетушка Беренис, ничуть не впечатленная играми теней и мерцанием звезд. — Я сама по себе! В моих родных краях мы привыкли обходиться безо всякой магии: яд или кинжал ничуть не хуже, покойный наш король тому свидетель!..

— Как скажешь, как скажешь, — промурлыкала фея, теперь скользившая по гостинной так быстро, что человеческому взгляду было не по силам за ней уследить. — Однако теперь слово за мальчишкой-принцем! Сегодня его счастливый день — не каждый день узнаешь, что имеешь право на корону!..

— Не слишком-то она мне нужна! — вскинулся Ашвин, все это время пытавшийся разорвать невидимые путы, но так и не преуспевший.

— Зато она нужна мне! — отрезала тетушка Беренис. — Я приложила немало усилий для того, чтобы ты смог на нее претендовать! И мне не помешает ни Эршеффаль, приберегавший тебя для своих целей, ни уж тем более грязная лесная девчонка!.. Подписывайте брачный контракт, Ваше Будущее Высочество, да побыстрее!..

Принц и тетушка Беренис (3)

Из тетушки Беренис наверняка получилась бы выдающаяся в своем роде королевская теща — из тех, чьи имена произносят с большим почтением и страхом, нежели имена их царственных зятьев. Не каждому достало бы храбрости ответить отказом на подобное сватовство — руку и сердце своей дочери тетушка предлагала в тех же манерах, что обычно свойственны разбойникам, объявляющим: «Кошелек или жизнь!».

Но Ашвин, выслушав ее угрозы, вскинул гордо голову и воскликнул:

— Если вы навредите Эли, то, клянусь, я употреблю каждую минуту оставшейся мне жизни на то, чтобы разрушить ваши планы, сударыня!

По бешеному взгляду тетушки было совершенно ясно, что жизнь будущего короля не видится ей сколько-нибудь долгой — однако она, скрипнув зубами, смолчала. Ашвин, без труда угадав ее мысли, с несвойственным его возрасту хладнокровием прибавил:

— Кажется, сделка, которую вы предлагаете, не слишком-то мне выгодна. Поправьте меня, если я ошибаюсь, тетушка, но сразу же после женитьбы на вашей дочери я превращусь, скорее, в досадную помеху, нежели в настоящего короля — или кем там мне положено стать?..

— Глупый упрямец! — в исступлении топнула ногой госпожа Беренис, которой чрезвычайно не понравились ни слова юноши, ни тон, которыми они были сказаны. — Ты сам роешь себе могилу! Условься мы по-доброму — и тебя ждали бы богатство, почет и королевский титул!

— Но ровно до той минуты, как я осмелюсь вам возразить!

— Еще недавно ты считал, что благодарность и покорность — справедливая плата даже за невеликую к тебе милость! Ты был ПОСЛУШНЫМ МАЛЬЧИКОМ, Ашвин!..

— А теперь во мне многое переменилось, — напряженно, но твердо ответил юноша.

— Быстро же ты почувствовал себя королем, мальчишка!.. — прошипела взбешенная Беренис, но быстрый взгляд, который бросил тут же Ашвин на Эли красноречиво свидетельствовал: вовсе не из-за правды о своем происхождении юноша стал смелее и своенравнее!..

— О, стало быть, и тут виновата эта оборванка! — взвыла тетушка, уязвленная в самое сердце этим новым открытием. — Чтоб ей пусто было! Из-за нее все мои усилия идут прахом!.. Ей не жить, клянусь!..

И, вконец потеряв голову от злости, госпожа Беренис выхватила невесть где спрятанный тонкий кинжал — движения ее были так быстры и точны, что не приходилось сомневаться: почтенная тетушка привыкла не только отдавать приказы об убийствах, но и сама умела многое.

— Нет! Не сейчас! — зазвенел голос разгневанной феи, не ожидавшей подобного самоуправства: судьбой Эли должна была распорядиться магия, а вовсе не кинжал госпожи Беренис!..

— Нет! — вскричал и Ашвин, в отчаянии извиваясь в своих невидимых путах. — Не смейте трогать Эли!

— Плевать мне на договоры! Плевать мне на угрозы глупого мальчишки-принца! — остервенело вскричала тетушка Беренис, сверкнув глазами почище иного злого духа. — Девчонка умрет!..

— Я запрещаю! — зрачки феи в ответ полыхнули мертвым холодным светом.

— Эй!.. — Беренис оглянулась на своих подручных, но они, казалось, спали с открытыми глазами, едва заметно пошатываясь — фее нельзя было отказать в предусмотрительности. Спору между двумя разгневанными дамами — людского и нелюдского рода, — полагалось вестись без лишних свидетелей. Что же до Эли и Ашвина — то они, увы, были всего лишь предметом обсуждения; никто не собирался скрывать от них всю ничтожность и смехотворность их роли в происходящем.

Гнев тетушки был велик, но и воля феи — сильна. Высокородные дамы замерли на мгновение друг перед другом, как хищницы, не желающие делиться добычей, но отдающие должное силам противницы. Кто знает, осмелилась бы госпожа Беренис вступить в бой с волшебным существом?.. Дерзости и злости на то, разумеется, у нее достало бы — но тетушка была не столь юна, чтобы руководствоваться одними лишь страстями. Да и способен ли кинжал поразить существо нечеловеческой природы?.. Кого-кого, но фей тетушке убивать еще не доводилось, и она испытывала некоторые сомнения по этому поводу. Схожие чувства обуревали и фею: хоть она дрожала всем своим туманным тельцем от возмущения при мысли, как сильно ее только что оскорбили неповиновением, злые заклятия не срывались с кривящихся губ, ведь слишком многим она пожертвовала, чтобы свести воедино ниточки человеческих судьб. Убей она госпожу Беренис — и что дальше? Игра лишилась бы всякого смысла, исчезни со сцены раньше положенного времени хоть кто-то из действующих лиц, да и весь итог ее, того и гляди, оказался бы иным...

— Девочка моя, только моя, и нужна мне для иной смерти!..

— Она все испортила!..

— У нас был уговор и вы свое получили — вот он, ваш драгоценный принц!..

— Принц! Ха! Да мальчишка теперь бесполезен — все из-за нее!..

И вот что интересно: с каждым брошенным гневным словом фея все больше походила на человека, исполненного злобой снизу доверху, а госпожа Беренис — на порождение тьмы, лишь по ошибке принявшее образ статной пожилой дамы. Казалось, еще одна капля гнева, еще одна унция злости, еще одна частичка ненависти — и они, позабыв себя от ярости, потеряют прежний облик, преобразившись во что-то единое и ужасное: хуже мстительной феи, страшнее жестокосердой свирепой тетушки!.. Превращение это ощущалось столь неотвратимым и пугающим, что Ашвин зажмурился, не в силах побороть приступ страха, а затем, сказав себе, что иной возможности спастись уже не будет — бросился что есть сил вперед, все мысли и желания сосредоточив на том, чтобы разорвать оковы.

— Вы не тронете Эли! — выкрикнул он, заслоня девушку собой. — Слышите, тетушка Беренис?! Я не позволю, потому что...

Но слова его возымели действие вовсе не на госпожу Беренис, хоть и были обращены к ней — сжимающей в руке кинжал. Лицобезжалостной тетушки лишь презрительно и досадливо исказилось. «Что за вздор! — как будто хотела вскричать она. — Ты и вправду думаешь, что меня остановит твое жалкое заступничество, принц-без-короны?! Я отдам приказ — и тебя оттащат в сторону за шиворот, как паршивого щенка, а я собственными руками вырежу сердце твоей девчонке!..». Но не успела она злобно выплюнуть эти слова, как истощенный пронзительный визг заставил всех вздрогнуть: то кричала и выла фея, как никогда ясно ощутившая близость краха всех своих замыслов — уж ей-то речь Ашвина, неведомым образом разорвавшего волшебные путы, показалась куда опаснее, чем тетушке!..

— Не вздумай! НЕ СМЕЙ!.. — визжала она. — Не произноси ЭТО!..

Наверное, только Эли — не будь она под действием чар, — могла бы сразу понять, отчего так встревожилось волшебное создание. Объяви Ашвин вслух, что любит лесную девочку — и проклятие, без того трещавшее по швам, могло разрушиться до самого своего основания. Но юноша, признаться, и сам не знал, что именно собирался сказать — им руководило отчаяние, а оно отнюдь не способствует ясности мысли. Он растерянно смолк, глядя на то, как беснуется фея — зрелище впрямь было пугающим, сродни чудовищной грозовой туче, озаряемой изнутри вспышками молний! — и лишь крепче сжал в объятиях бледную молчаливую девушку, невидящий взгляд которой застыл, а руки заледенели от слабости и губительных чар.

— О, я не дам уничтожить ему мою прекрасную, мою чудесную магию! — с ненавистью крикнула фея, преисполнившись сверху донизу гневных молний и лютого волшебства. — Пусть лучше умрет, чем разрушит лучшее из моих творений! Проклятие должно исполниться — так или иначе, — а юных глупцов королевских кровей в мире не так уж и мало!..

— Нет уж! — прошипела тетушка Беренис, уяснившая из этой речи только то, что она может вовсе лишиться своего принца, внезапно попавшего в немилость к фее. — Умереть должна девчонка!..

Но фея уже взмахнула своей страшной когтистой рукой, указывая на Ашвина — и любой бы понял, что в движении этом заключено самое губительное из заклятий ночных туманов. Ясно это было и юноше — куда яснее, чем все суть всего предыдущего, — оттого он глубоко вздохнул, замер и закрыл глаза, надеясь, что эта жертва хоть немного поможет бедной Эли. К тому же, будущее обрисованное тетушкой, не показалось ему сколько-нибудь приятным — куда лучше умереть ради благой цели, чем жить ради достижения целей госпожи Беренис!..

Иное дело — сама тетушка, не отличавшаяся смиренностью и относившаяся к тем пылким натурам, которые даже на пороге собственной смерти будут думать, как бы напоследок ужалить побольнее врага. В тот миг, как фея пожелала отобрать у нее принца, госпожа Беренис твердо решила, что теперь уж непременно убьет Эли, чего бы ей это не стоило — и не столько из-за своей собственной ненависти к лесной девочке, сколько из-за желания навредить волшебному созданию, возмнившему, будто может распоряжаться волей тетушки. Впрочем, сочетание этих двух соображений показалось ей также донельзя удачным; в прошлом хватало и меньшего, чтобы от желания убить кого-нибудь жгло сердце и руки!..

Как ни была искусна фея в своем ремесле, тетушка ничуть не уступала ей в своем — и оказалась быстра ровно настолько же, насколько быстры были чары. А так как цель у них была почти одна и та же — Ашвин продолжал обнимать Эли, закрывая ее собой, — столкновение было неизбежным: злое заклятие поразило тетушку, рассыпавшись тучей искр и заполнив клубами дыма всю крохотную нарядную гостиную.

Ашвин и Эли испуганно вскрикнули, теснее обнявшись, подручные госпожи Беренис рухнули, как подкошенные, а саму тетушку отбросило в сторону, как тряпичную куклу.

Нельзя сказать, что кто-либо испытывал к жертве магии сколько-нибудь теплые чувства, однако Ашвин взволнованно воскликнул, глядя на торжествующую фею:

— Да вы же убили ее!

— Убью и тебя! — зловеще расхохоталась фея, воздевая руки над головой, но тут тетушка, свирепо выругавшись, приподнялась, а затем и уселась, тряся растрепанной головой. На мертвую женщину она ничуть не походила — скорее, на крайне рассерженную и куда сильнее прежнего склонную к убийствам. Застонали и ее спутники, неловко ворочаясь

на полу, как спящие дети, терзаемые кошмарным сновидением — они тоже были совершенно точно живы!..

— Что?! — поперхнулась фея, уставившись на свои руки, как будто подозревая, что их незаметно подменили. — Как?.. Ни один смертный не смог бы пережить эти мои чары!..

Лицо тетушки Беренис при этих словах стало еще кровожаднее — как это бывает, когда узнаешь, что соперник слабее, чем тебе казалось прежде. Ничего доброго это выражение не обещало. Но фея была поражена уже произошедшим так глубоко, что вряд ли могла думать о будущих опасностях: изучая свои всемогущие прежде руки, она все громче повторяла:

— Почему? Почему?!..

— Да потому, сударыня, — раздался тут звонкий женский голос, — что вы отныне не дочь туманов! Из-за вашего недостойного поведения и ваши сестры, и весь ваш мир отреклись от вас. Вы потеряли свое высокое звание, а вместе с ним — и силу!.. Она угасает, она уходит — и вы ничего с этим не сможете поделать!..

Конечно же, произнесла это Маргарета, выступившая вперед из сгустившейся вечерней тьмы с бесстрашием, достойным звания посредницы между миром туманов и миром людей. А вслед за ней в комнату вошел и бледный от переживаний Одерик вместе с несколько растерянным господином Эршеффалем: впервые им довелось увидеть собственными глазами волшебное существо, и нельзя сказать, что это зрелище пришлось им по нраву.

— Матушка! — закричала Эли, не веря своим глазам, настолько новая Маргарета отличалась от прежней. — О, матушка!..

Принц, Эли, а также все их друзья, враги и родственники

Фея получила жестокий удар: узнать о том, что она изгнана собственным миром и предана забвению — да еще от кого!.. От жалкой смертной!..

— Да как ты смеешь?!.. — прошипела она гневно, но в огромных ее зеркально-черных глазах уже зарождался страх, ведь волшебство и впрямь не слушалось, как прежде!..

— Я всего лишь посланница, — произнесла бесстрастно Маргарета. — Мне поручено передать вам, сударыня фея, что вы нарушили древние законы, не пожелав принять волю магии, как должное. Договор между вами и мной был заключен при множестве свидетелей, глаза которых видят сквозь тьму и туманы, а уши слышат любой ночной шорох. В тех книгах, где записаны долги смертных перед миром фей, есть наши с дочерью имена, и я этого не отрицаю. За мою ошибку вы присудили Эли погибнуть от безответной любви к принцу — и свидетели сочли, что вы вправе привести к ней юношу королевской крови, раз уж он был вами обещан. Но даже вам, великим и иным обитателям туманов не под силу вольно распоряжаться человеческими сердцами. В любви смертные обретают истинную свободу и не существует проклятия, которое запретит двум людям полюбить друг друга, если им это суждено. Даже магия отступает и ждет — из почтения к великой силе, зарождающейся в человеческих душах. Вы же решили вмешаться и поторопить события, подыграть себе же! Таких уловок волшебство не любит! Вы унизили его своим мелким мошенничеством!..

— Неправда! Неправда! — голос феи срывался на визг, она металась по гостиной, словно стены дома давили на нее, лишали последних сил.

— Вам не стоило покидать старый яблоневый сад! — продолжала Маргарета. — Здесь вам не место! Но и назад не вернуться — теперь вам предстоит стать духом без роду, без племени, скитающим по миру. Так мне сказали ваши сестры — и я передаю вам их слова в точности. Позор и бесчестье на вашу голову, сударыня!

Фея взвыла от бессильной злости, но ни Ашвин, ни Эли, ни уж тем более Маргарета не испугались ее крика; а тетушка Беренис, которую не смутило бы и появление всего божьего воинства, со злорадством усмехнулась — быть может, она и не понимала, о чем идет речь, но уж о том, что ее враг слаб и уязвлен в самое сердце, догадаться не составляло труда.

Господин Эршеффаль, оробевший больше прочих, растерял добрых две трети своей обычной величественности, наблюдая за удивительным зрелищем, и прошептал Одеруку:

— Должен заметить, что манеры вашей супруги, гм-гм, весьма властны и суровы!

— Обычно она сама кротость и доброта, — вполголоса ответил Одерик, которому тоже было слегка не по себе от перемен, случившихся в Маргарете. — Но, знаете ли, моя почтенная теща... С ней порой... э-э-э-э... трудно сладить. Возможно, какие-то ее черты все-таки передались по наследству и ждали нужного времени, чтобы проявиться...

Фея, тем временем, завывая и шипя, бросала в Маргарету заклинание за заклинанием, но та даже бровью не вела — то ли магии в них было вовсе мало, то ли сестрицы-феи предусмотрительно наделили свою посланницу нечувствительностью к проклятиям, то ли в самой Маргарете таились силы, о которых доселе мало кто догадывался. Позже она не раз говорила, что ради спасения дочери выдержала бы и не такую боль — и, следовательно, что-то она, да чувствовала. Но сколько бы ее не расспрашивали, что за проклятия посылала напоследок фея дерзкой смертной — Маргарета так никому и не призналась.

— Сударыня фея, — только и сказала она. — Поберегите силы! Отныне вам предстоит довольствоваться их остатками, а вместе с магией из вас рано или поздно уйдет и сама жизнь.

— Ах так?! — закричала фея-изгнанница, задохнувшись от возмущения. — Думаешь, я поверю хоть одному твоему слову, жалкая смертная? Мои сестры ни за что бы не опустились до того, чтобы говорить со мной через человека! Я не лишусь своих сил, мой мир не отречется от меня! Это все какое-то жульничество, обман!..

— Не стоит искать всюду отражение своих пороков, — коротко ответила Маргарета, и ответ этот взбесил фею так, что она взметнулась до потолка, простирая свои черные руки-крылья. На мгновение показалось, что силы и впрямь вернулись к ней — но спустя мгновение тьма вздрогнула, еще и еще, покрываясь рябью. А затем мерцающий и дрожащий сгусток черноты попросту лопнул, точно мыльный пузырь. Брызги тьмы вперемешку со звездной пылью разлетелись во все стороны, заставив всех отвернуться и зажмуриться — никому не хотелось попробовать угасающее волшебство еще и на вкус.

Когда люди — юные и постарше, — все же решились посмотреть на то, что осталось от феи, их взглядам предстала крохотная румяная старушка в черном, к круглому сморщенному лицу которой совершенно не шел злой острый взгляд.

— Да что же это, — пискнула она чуть надтреснутым голосом, в ужасе потрясая маленькими ручками. — Мне предстоит жить в человеческом облике?!

И вновь на ее вопрос могла ответить одна лишь Маргарета.

— Вы пришли в человеческий мир, покинув свой собственный, несмотря на извечные законы, — сказала она. — Неудивительно, что ваша природа изменилась. Сестры хотели предупредить вас об этом, да только вы и слушать их не стали. Что ж, при вас остались ваши знания, немного магии, и если вам подвернется еще один уединенный домик среди старого яблоневого сада — года ваши продлятся на зависть прочим смертным.

На этот раз фея не стала спорить с Маргаретой, хотя старческое ее новое лицо искажилось, показавшись одновременно гневным и затравленным.

— Что ж... Что ж... — пробормотала она, о чем-то размышляя. — Не все потеряно! Не так уж плохо я знаю извечный закон — в нем всегда было полно лазеек... Мы еще посмотрим, кто кого!.. А ты, глупая Маргарета, не слишком-то радуйся моему падению. Уж не знаю, что там наболтали тебе мои сестры, но проклятие твоей дочери остается в силе — оно сотворено во времена моей полной силы, освидетельствовано туманами и звездами честь по чести и питается не моими силами, а всей сущностью Иных миров. Ей осталось недолго!.. Такова твоя пустая победа, смертная дочь лесного края!.. Не думай, что побывав посланницей у фей, ты теперь представляешь из себя что-то особое!..

И она, визгливо расхохотавшись, взмахнула рукой, рассыпая вокруг себя какую-то черную пыль, от которой чесались глаза и першило в горле. Мгновение — и комнату заполнили клубы едкого дыма, а переродившаяся фея исчезла, шустро юркнув к двери — точь-в-точь быстрая черная крыса. Впрочем, и Маргарете, и Одеру показалось, что перед тем старушка успела склониться к Ашвину и что-то ему быстро прошептать на ухо, отчего и без того измученное лицо юноши помрачнело.

Но в тот миг несчастным родителям было не до того: не сговариваясь, они бросились к едва живой Эли, невольно оттеснив в сторону Ашвина. Он замер рядом с ними, не желая мешать воссоединению семьи, и, надо сказать, немногим людям, только что узнавшим о своем праве на трон, приходилось чувствовать себя при этом настолько одинокими и

ненужными.

...Последовать примеру феи хотела и госпожа Беренис, но тут уж господин Эршеффаль был начеку — со старой приятельницей иметь дело ему было куда привычнее, чем с волшебным созданием. Стоило только тетушке тронуться с места, как Эршеффаль громким окриком остановил ее.

— Куда это вы направляетесь, сударыня?! — вскричал он, преграждая ей путь и напоказ держась за эфес своей шпаги. — Хотя я и не ожидал вас здесь увидеть, несмотря на весьма подробные и достоверные описания любезной госпожи Маргареты, однако теперь полон желаний услышать объяснения. Как вышло, что вы очутились здесь, вдали от нашей милой родины, да еще в компании каких-то головорезов и, да простят меня боги, проклятого бесовского создания?!

— Не вашего ума дело, — окрысилась тетушка. — Не одному вам позволено бывать в соседних королевствах! Я прибыла сюда по делу, а теперь вижу, что пора возвращаться домой. А вы оставайтесь и ждите, по своему обыкновению, пока кто-то вместо вас загребет жар руками!..

— Вы отступили от своего слова и предали высочайшее доверие, сударыня!..

— Тому слову уж минуло шестнадцать лет! — отмахнулась госпожа Беренис. — А из-за вашей чрезмерной осмотрительности и осторожности, того и гляди, мы бы не дожили до лучших времен! Вы сбежали, когда запахло жареным, а я осталась, посчитав, что сумею увернуться и ударить в ответ. И, посмотрите-ка, кто оказался прав в итоге? Если бы вы согласились тогда со мной и не отослали мальчишку в лесную глушь, в чужое королевство, то я бы его короновала на следующий же день после смерти старого узурпатора!..

— Которого вы же и отравили, не так ли? — голос господина Эршеффалья зазвенел сталью. — Ох уж эта ваша торопливость, ох уж непомерные амбиции!.. Не зря я поспешил укрыть Ашвина! Его следовало спрятать как можно лучше — и от слуг узурпатора-злодея, и от ваших цепких кровавых рук!..

— То, что вы называете торопливостью и амбициями, — горделиво произнесла Беренис, расправляя плечи, — на самом деле орудие справедливости! Я отомстила за смерть истинного короля, которому мы с вами некогда присягали на верность! Фальшивый правитель заслуживал смерти за содеянное — и будь вы решительнее, то это случилось бы куда раньше.

— Не так-то просто убить одного короля и посадить на его место другого! — вспыхнул господин Эршеффаль. — Когда узурпатор был в силе...

— Был!.. — вскричала Беренис насмешливо. — То-то и дело, что БЫЛ! И я ясно видела что его время уходит! Один точный удар способен уничтожить слабеющее единство всех его бывших сторонников — отчего бы не нанести его?.. И что же вы сделали?! Объявили, что спрячете наследника по соседству так, что ни вы, ни я не будем знать об его убежище, а затем и сами сбежали, понадеявшись, что в здешнем королевстве у вас достаточно друзей и покровителей. Разве это не такое же предательство честного слова? Его отец, наш славный король, — она ткнула пальцем в сторону бледного Ашвина, молчаливо наблюдавшего за их спором, — поручил младенца нашему попечению. И мы — мы вдвоем, сударь! — должны были решать его судьбу. Но раз уж вы решили поступить по-своему, то и я поступила по-своему! И предложила, кстати, нашему маленькому принцу куда больше благ, чем он до сих пор получил от вас!..

— Я бы вернул ему трон!

— Пока вы собирались с силами — я сделала, что должно! — прошипела Беренис, и в голосе ее было столько яростной уверенности в своей правоте, что господин Эршеффаль заметно смутился.

— Довольно препирательств, — прозвучал тут ледяной голос, показавшийся на долю секунды незнакомым и Эршеффалю, и тетушке Беренис. Они, вздрогнув от неожиданности, дружно повернули головы в сторону говорившего и с удивлением обнаружили, что слова эти произнес Ашвин.

Принц, Эли, а также все их друзья, враги и родственники (2)

— Довольно!.. — повторил Ашвин чуть громче, но все так же бесстрастно и властно. — Я услышал все, что хотел бы знать. Благодарю вас за это, господа попечители. Обещаю, что никогда не забуду о вашем участии в моей судьбе.

Господин Эршеффаль и тетушка Беренис невольно переглянулись, на мгновение забыв о распре — и любой бы понял по этим взгляда, что дружба их когда-то была такой же крепкой, как нынешняя вражда: уж слишком хорошо эти двое умели понимать друг друга без слов!.. «Как заговорил этот мальчик!.. Никогда прежде не замечал в нем столь явной королевской стати!» — было написано на удивленном и чуть обеспокоенном лице Эршеффалья. «Он и впрямь хорошо запомнил все, что тут было сделано и сказано. Осталось мало времени, прежде чем он войдет в силу!..» — думала тетушка, но при этом растягивала тонкие губы в сухой улыбке, показывая, что согласна отступить на время — раз уж боги удачи сегодня ей не покровительствовали.

— Полагаю, нам незачем далее тут оставаться, — продолжил Ашвин, и господин Эршеффаль, спохватившись, тут же объявил, что двери его дома всегда открыты перед его высочеством. Тетушка Беренис скривилась, признавая, что теперь ей нечего предложить наследнику, но тут же напустила на себя притворно-любезный вид и вслух сказала, что принцу наверняка понравится чудесная усадьба крестного — ну а ей самой пора и честь знать.

— Пожалуй, вернусь-ка я в родные края, — промолвила она, усмехаясь беспокойно и недобро. — К прибытию принца следует как следует подготовиться!.. И уж я-то постараюсь встретить вас с должным блеском и великолепием!

Но Ашвина ничуть не смутила угроза, прозвучавшая в ее голосе — он едва заметно поклонился госпоже Беренис и заверил, что с нетерпением будет ждать следующей встречи.

— ...Пусть уезжают, — негромко сказал Одерик Маргарете, незаметно касаясь руки уставшей жены. — Довольно с нас чужих королей и принцев. Пора возвращаться домой, в лесной край.

— Но Эли слаба и не выдержит дальнюю дорогу! — воскликнул Ашвин, не упустив ни единого слова из сказанного — хоть со стороны могло показаться, что ему уже нет дела до несчастного лесного семейства, притихшего у дивана.

Не успел Одерик ответить принцу что-то в высшей степени нелюбезное, как Маргарета, вскинувшись, остановила супруга.

— Мальчик прав, — сказала она. — Эли жива до сих пор лишь потому, что держалась с ним рядом. Им нельзя расставаться. Если этот юноша... Ашвин... отправится в дом господина Эршеффалья, то и Эли должна ехать с ним. Иначе ей не спастись, — тут она повернулась к юноше. — Ашвин... Ваше высочество... позвольте нам сопровождать вас! Надеюсь, доброта господина Эршеффалья достаточно велика, чтобы...

И Эршеффалю не оставалось ничего иного, кроме как проявить гостеприимство в очередной раз.

— Разумеется, — заверил он, косясь на Маргарету с заметной опаской. — Моя признательность вам, сударыня, не имеет пределов! Без ваших... э-э-э... видений нам ни за что бы не удалось отыскать его высочество. Признаться, я не совсем верил поначалу, что

это все взаправду, но теперь, увидев своими глазами все эти ужасающие чудеса!.. — тут он, не в силах описать, что же именно он сегодня видел, поперхнулся и смолк.

Но родители Эли все равно слушали его вполуха — все их внимание было приковано к безмолвной неподвижной дочери, которая дышала так тихо и слабо, что иногда казалось, будто она уже отдала богам душу.

— ...Лучше бы вам, сударь, водить дружбу со мной, а не с лесными безумцами, — сказала Эршеффалью на прощание госпожа Беренис. — Помяните мое слово — вы еще пожалеете, что они повстречались на вашем пути!..

И суровая дама, не знающая страха и усталости (равно как и жалости), умчалась в ночь верхом, бросив безо всяких раздумий своих одурманенных бестолковых приспешников. Не приходилось сомневаться, что торопилась она затем, чтобы успеть соорудить как можно больше заговоров и каверз к прибытию юного принца на родину.

— Что за женщина! — пробормотал господин Эршеффаль. — Подумать только, я ведь чуть было на ней не женился, когда она овдовела в очередной раз...

— Возможно, вам все-таки придется это сделать, — заметил Ашвин, слух которого чудесным образом обострился: ни одно слово, пророненное рядом с ним, не оставалось незамеченным. Быть может, то был прощальный подарок магии, посчитавшей, что будущему королю пригодится умение слышать самые тихие шорохи за своей спиной. Или же дар этот был у юноши с рождения — только ждал нужного часа, чтобы проявиться?..

— Ты... вы так считаете, ваше высочество?

— Если я не в силах удовлетворить честолюбивые притязания тетушки, женившись на одной из ее дочерей, — рассудительно промолвил юный принц, — то, быть может, ее несколько примирит с действительностью ваше сватовство?.. В тех книгах, что вы мне советовали, часто повторялось, что худой мир лучше доброй войны.

Господин Эршеффаль завздохнул, размышляя, но в конце концов признал, что в этом есть зерно истины.

— К тому же, — сказал он, вновь невольно бросив взгляд на Маргарету, — я вижу, что иные мужья привыкают еще и не к такому!..

Снаружи домика их ожидало немалое количество слуг, порядком раздраженных тем, что последние несколько дней (и ночей) им приходилось шнырять по всем окрестным деревням вслед за господином и его безумными спутниками. Найти на подступах к столице одинокий дом, окруженный яблоневым садом, оказалось не таким уж легким делом — а ничего сверх того в видениях Маргареты не указывало на место, где устроила засаду фея.

И вот, к вящему удивлению челяди, из крохотного лесного домика вслед за юркой старушонкой и за злой, как гарпия, госпожой Беренис, впрямь вышел прекрасный юный принц. Неизвестно, было ли то особое волшебство королевской крови, проявившееся в полной мере после того, как тайна была раскрыта; или же, как говорилось выше, Ашвин, против собственной воли отведав магии, получил от нее в награду некие дары?.. Вряд ли кто-то из людей повидал достаточно и того, и другого, чтобы считаться достаточно сведущим в подобных вопросах! Однако совершенно точно можно было сказать, что никто более не посмел бы усомниться в королевском происхождении юноши, пусть одет он был в лохмотья, а ноги его — босы. За принцем следовали порядком растерянный господин Эршеффаль, молчаливая Маргарета и, наконец, Одерик, несущий на руках легкую, как пушинка, Эли: злые чары и лесные странствия превратили девушку в бледную тень самой себя. Слуги, прибывшие с Одериком из лесного края, едва узнали свою юную госпожу и

на глаза у них навернулись слезы.

Для Ашвина была приготовлена карета, но юноша, завидев ее, отдал короткий приказ — и двери распахнулись перед Эли. Одерик, бережно уложив дочь на бархат сидений, хотел было остаться с ней, но Маргарета качнула головой и тихо сказала:

— Рядом с ней должен быть мальчик, а не мы.

— Ох, не нравится это мне, — проворчал Одерик, но вынужден был повиноваться: Маргарета все еще была посланницей фей и знала о магии куда больше, чем все присутствующие, взятые разом.

В дороге Эли ненадолго пришла в себя, словно почувствовав близость Ашвина, и едва слышно спросила:

— Что сказала тебе фея напоследок?

— Ничего такого, о чем бы я до того не знал, — ответил он спокойно. — Отдыхай, Эли, и ни о чем не волнуйся.

...Еще до рассвета карета, сопровождаемая всадниками, въехала в ворота той самой столичной усадьбы господина Эршеффалья, которая совсем недавно показалась королевским дворцом бедной Маргарете. И то правду сказать: меры в роскоши этот почтенный господин отродясь не знал — так что ядовитые рассуждения тетушки Беренис об излишней осторожности, возможно, были не столь уж предвзяты. Всем известно, что богатство лишает людей склонности рисковать: ставить на кон одну лишь свою пропащую голову чуть легче, нежели голову и немалое состояние. И всего один шаг отделял подобные рассуждения от догадки, что прежние клятвы верности, скорее, отягощали Эршеффалья, нежели жгли сердце, побуждая к мести и восстановлению справедливости.

— Никогда не бывал в столь великолепных дворцах, — мимоходом бросил Ашвин, поднимаясь по мраморным ступеням, и Эршеффаль, еще не привыкший к изменившимся манерам своего воспитанника, вынужден был раскашляться, чтобы скрыть смущение.

— Клянусь, ваше высочество, — сипло промолвил он, — что вскоре вас ожидают богатство и почет, несравнимые с моим скромным гостеприимством!..

— Боюсь, мне будет сложно к этому привыкнуть, — усмехнулся Ашвин, обводя взглядом величественный зал, блиставший всеми видами украшений, изобретенными к тому времени человечеством.

— Я немедленно отдам приказ слугам, чтобы те как можно быстрее приготовили покои для гостей, — любезно произнес господин Эршеффаль, более всего желавший увести разговор в сторону. — Юная дама, в судьбе которой вы пожелали принять участие, совсем слаба, — и он указал на Эли, которая давно лишилась бы сознания, не поддерживай ее все это время под руки родители. — Да и вы, ваше высочество, нуждаетесь в покое после пережитого...

Увы, надеждам Эршеффалья на передышку после ночи, преисполненной злыми чудесами, не суждено было оправдаться. Бегло осмотревшись, принц не выказал никакого желания отдохнуть или, по меньшей мере, привести себя в порядок. Нимало не смущаясь своих босых ног, он расположился в одном из кресел.

И Маргарета, не сводившая все это время с юноши глаз, тут же шепнула Одерiku, чтобы тот усадил Эли по соседству с принцем.

— Разумеется, нам всем нужен отдых, — сказал Ашвин. — Но некоторые дела не следует откладывать в долгий ящик. Итак, я хочу услышать от вас, господин Эршеффаль, что не ошибся — во мне и вправду течет истинно королевская кровь. Не так ли?

— Именно так, — подтвердил Эршеффаль, все яснее чувствовавший в происходящем некий опасный подвох. — Но не поговорить ли нам об этом чуть позже?..

— Нет, я желаю прояснить все именно сейчас! — воскликнул Ашвин, и глаза его лихорадочно блеснули. — Объявите о моих правах вслух ясно и четко, чтобы ни было ни малейших сомнений: я — принц!..

— Сдается мне, парнишка от потрясений не в себе, — прошептал Одерик Маргарете.

Но она, едва заметно улыбнувшись, ответила:

— Нет-нет, он делает все верно!

Господин Эршеффаль, взгляд которого бегал все беспокойнее — как и у любого другого человека, который не знает, чего именно ему нужно опасаться, — неохотно и опасливо промолвил:

— В том, что вы принц, не может быть никаких сомнений! Ваш покойный отец, находясь на пороге смерти, поручил мне и сударыне Беренис — единственным людям, показавшимся ему достойным доверия, — втайне заботиться о вас... О наследнике... Вам, ваше высочество, грозила смертельная опасность — узурпатор наверняка бы избавился ото всех претендентов на трон! И мы с Беренис, рискуя жизнями, сделали все, чтобы убедить врагов, будто погиб не только король, но и его единственный сын!.. Мы поклялись оберегать вас и вернуть вам трон — как только для этого представится возможность. Вы, должно быть, слышали, как Беренис говорила, что я намеренно мешкал, не желая следовать присяге, чтобы не подвергать себя опасности... Ну так вот, могу поклясться, что это — гнусная клевета, ядовитые измышления, ведь сама она...

— Вот это мне сейчас не интересно вовсе, — прервал его пылкую речь Ашвин, и, несмотря на холодный тон наследника, лицо Эршеффалья несколько прояснилось. Ему все еще было невдомек, чего добивается принц, но, по меньшей мере, он не собирался обвинять опекуна в намеренном бездействии и нарушении клятвы верности!..

— Что ж вас интересует, ваше высочество? — с готовностью спросил он.

— Все, что имеет отношение к моему статусу принца, — отчеканил Ашвин. — Положены ли мне какие-то... регалии? Меч? Корона?..

— Корона! — воскликнул Эршеффаль. — Разумеется! Я все эти годы верно хранил... надеюсь... веря... во имя богов... Я немедленно принесу ее вам!..

Одерик, которому происходящее казалось все более безумным — до коронации ли, когда Эли едва жива и слабеет с каждой минутой! — едва удерживался от того, чтобы обругать от души и Эршеффалья, и тщеславного мальчишку. Но Маргарета жадно прислушивалась к каждому сказанному ими слову, видимо, находя в этих речах какой-то смысл — и уж в супруге Одерик не посмел бы сомневаться. Слабый огонек надежды забрезжил в его душе: «Неужто? — подумал он, боясь даже мысленно произнести то, что пришло ему на ум. — Неужто?!..»

Тем временем Эршеффаль вернулся, с благоговением держа в руках ларец.

— Корона принца, передававшаяся в вашем сиятельном роду от отца к сыну с незапамятных времен! — сказал он торжественно.

— Ну так возложите ее на мою голову, сударь! — нетерпеливо вскричал Ашвин. — Раз уж вы являетесь душеприказчиком покойного короля, то имеете полное право меня ею увенчать!..

Господин Эршеффаль совершенно точно не ожидал, что ему придется короновать принца, не сменив дорожной одежды на приличествующую случаю — а сам принц при этом

и вовсе будет грязен, лохмат и бос, — но не нашелся, что на это возразить. Объявив, что выполняет волю покойного правителя, он возложил тонкий обруч на спутанные волосы Ашвина.

— Вот уж не думал, что вы пожелаете так решительно и быстро заявить о своих правах! — заметил он.

— Я обязан выполнить мое предназначение, — коротко ответил на это Ашвин.

Принц, Эли, а также все их друзья, враги и родственники (3)

Разумеется, господин Эршеффаль, услышав о предназначении, посчитал, будто Ашвин говорит о своем долге наследника королевской династии — ведь что может быть важнее для юноши, только что узнавшего о своем праве на трон?.. Спроси Эршеффалья еще недавно, что за человек его воспитанник — и он, не сомневаясь, сказал бы, что мальчик очень скромнен и добр, разумен и прилежен, но начисто лишен амбиций и, увы, вряд ли наделен такими полезными для будущих королей качествами, как честолюбие и властность. Впрочем, сожаления господина опекуна по этому поводу вряд ли были искренними — его вполне устраивало то, что война с узурпатором откладывается до времен, когда наследник возмужает и обретет достаточную твердость нрава. Кто б мог подумать, что времена эти наступят куда быстрее, чем рассчитывал господин Эршеффаль!.. Неудивительно, что опальный сановник, погрузившись в беспокойные раздумья, чем же обернутся для него странные перемены в характере юного принца, совершенно упустил из виду причины этих перемен — и оттого в корне неверно истолковал происходящее.

Тем временем Ашвин ощупывал корону на своей голове, словно проверяя, настоящая ли она, и лицо его при этом было не столько радостным, сколько сосредоточенным и хмурым.

— На родине вас ждет венец несравненно величественнее и роскошнее! — поторопился заметить его почтенный крестный. — Эта корона очень стара — в те времена мастера еще были не столь искусны...

— Хватит и того, что она настоящая, — ответил Ашвин с некоторой задумчивостью. — И, должно быть, я теперь достаточно настоящий принц...

— Достаточно настоящий?!.. — воскликнул господин Эршеффаль, искренне удивившись тем ноткам сомнения, что послышались ему в голосе Ашвина. — Ваше высочество!.. Да я готов поклясться своей головой, что вы происходите из славнейшего королевского рода! Более истинного принца, чем вы, нужно еще поискать!..

— Вот и проверим, так ли это, — промолвил Ашвин, решительно поднимаясь с места.

— Самое время!.. — дрожащим от волнения голосом произнесла Маргарета, припав к плечу Одерика. — Говорите, ваше высочество!.. Говорите так, чтобы вас услышали в тенях и по ту сторону туманов!..

— О чем это вы, сударыня?.. — разволновался и господин Эршеффаль, только сейчас заподозривший, что волшебство, совершенно ему не понравившееся при первой и единственной с ним встрече, тайно проникло в его собственный дом.

— Ашвин?.. — прошептала и Эли, которая едва ли могла слышать хотя бы половину из того, что было здесь сказано, но безошибочно угадавшая, что происходит нечто более удивительное, нежели все предыдущие уловки магии вместе взятые.

— Я, принц Ашвин, — громко и отчетливо произнес юноша, не глядя ни на кого из присутствующих, — признаюсь в том, что полюбил эту девушку, Эли. Клянусь, что полюбил ее до того, как узнал о проклятии и о том, что наша встреча была предопределена магией. Клянусь, что говорю это не из благодарности и не из жалости — хотя до конца своих дней буду признателен Эли за то, что она спасла меня от врагов... и от прежней жизни. Клянусь, что любил ее, не зная, что она принуждена любить меня в ответ. Клянусь, что никогда не встречал девушки прекраснее нее. И чтобы никто и никогда — ни в людском мире, ни

в мире фей, — не усомнился, что клятвы мои правдивы, я предлагаю Эли свои руку и сердце... — тут он вздохнул и едва слышно прибавил, — хоть и знаю, что она их не примет...

Никто — даже донельзя возмущенный господин Эршеффаль, — не посмел перебить речь принца. Странная тишина воцарилась во дворце, тени сгустились и на некоторое время он стал неотличим от крошечного лесного домика среди старых яблонь — того и гляди ветви заскребутся в окна, а по полу покатятся алые сочные яблоки!.. И то верно — сколько ни гони лошадей, за сколькими позолоченными дверями и стенами ни прячься, а от волшебства, как и от судьбы, не уйти.

— Ну нет, ваше высочество!.. — все-таки заговорил Эршеффаль, сердито запинаясь и пофыркивая. — Это никуда не годится! Сейчас не место и не время, да и девушка эта, честно сказать, вовсе не...

— Тише! — безо всякого почтения приглушенно шикнула на него Маргарета, склонившись над Эли. — Магия не любит непочтительности!..

— Оно... уходит? — спросил Ашвин и голос его впервые предательски дрогнул.

Одерик, собиравшийся спросить то же, но от волнения лишившийся дара речи, шумно выдохнул, и решил лишь на то, чтобы опуститься на колени рядом с дочерью и коснуться ее холодной руки. Она, казалось, ничего не слышала и не видела, в который раз лишившись чувств.

Господин Эршеффаль хотел было кликнуть слуг, чтобы покончить со странным и пугающим действием, своевольно происходящим в его собственной гостиной, но не смог издать ни звука — как будто невидимая ледяная рука сжала его горло и потянула вниз, заставляя гордую голову склониться едва ли не до земли. Оказалось, что волшебство не только приходит в дома без приглашения, но и не отличает знатных сановников от прочих людей, обращаясь с ними безо всякого почтения.

Распахнулись окна, посыпались с шелестящим звоном разноцветные осколки витражей, и сама ночь темной мерцающей рекой хлынула внутрь зала, заполняя все приторным ароматом перезревших медовых яблок. Быть может, во тьме этой плясали феи или же иные существа, обитающие в тенях и туманах — но глазу человеческому нипочем их не разглядеть. У всех от удушья, восторга и страха закружились головы, подкосились ноги — волшебство всегда восхищает и пугает, если уж показывается смертным без прикрас и уловок. Ашвин позже вспоминал, что ему послышалось печальное пение и чья-то легкая рука погладила его по волосам, словно утешая. Маргарета говорила, что холодные губы по-сестрински расцеловали ее в щеки. Одерик недовольно замечал, что после той ночи еще долго не мог смотреть на яблоки — их запах и вкус преследовали его, как наваждение. Ну а господину Эршеффалю феи нашептали столько советов и предостережений, что он с тех пор никогда не позволял себе спорить с юным принцем — даже когда считал, что тот ведет себя как обычный влюбленный мальчишка — и лишь однажды осмелился дать ему совет (но об этом чуть позже).

А когда тьма схлынула, все увидели, что Эли — растерянная и румяная от смущения, — сидит в кресле; на лице ее не осталось никакого признака болезни, слабости или недомогания — это вновь была та самая девочка, способная взобраться на самое высокое дерево или без усталости шагать целыми днями напролет по лесной дороге. На ее плечо уже взобралось несколько взволнованных мышей и крыс — должно быть тех самых, которым недавно выпало несчастье принять облик лошадей и лакеев, — а в изорванный подол платья

намертво вцепилась зеленая ящерица. Должно быть, всем им очень хотелось домой, в лесной край — и они знали, кто им в этом сможет помочь.

...Но самое удивительное — на одной из грязных босых ног Эли сверкала совершенно восхитительная хрустальная туфелька, создать которую могло только волшебство.

Вторая такая же туфелька оказалась в руках у Ашвина, смотревшего на дар магии с некоторым недоумением: все-таки он был слишком юн (и вдобавок — чужестранец!), чтобы понять, как устроен ум яблочных фей и в чем состоит их милость.

— Наверное, ему нужно надеть эту туфельку на ногу нашей дочери, — прошептал Одерик Маргарете, и та согласно кивнула.

— Да это же полная бессмыслица! — воскликнул в отчаянии господин Эршеффаль.

— Не нам о том судить, — благоразумно заметил Одерик и махнул оробевшему Ашвину рукой, чтобы тот побыстрее приступал к делу.

Конечно же, туфелька пришлась Эли впору, но, к сожалению, никто из присутствующих так и не понял, в чем же был изначальный замысел фей, и каким образом стеклянная обувь может помочь влюбленным обрести друг друга.

Эли, глядя на то, как бессмысленно и нарядно блестят хрустальные туфельки, поболтала исцарапанными ногами, и сказала чуть удивленно и радостно:

— Я... я свободна!.. Никогда еще не чувствовала себя такой счастливой!.. О, у меня такое чувство, будто сил у меня так много, что я могу бежать день и ночь напролет — пока не вернусь домой! В лесной край!..

Мыши и крысы дружно запищали от восторга, во всем соглашаясь с ней, ну а ящерица давно уж сидела в кармане платья, без труда определив, что создания лесов, полей и болот всегда находили себе здесь приют.

Маргарета и Одерик то плача от счастья, то смеясь, принялись обнимать дочь. Проклятие феи пало — в этом не было никакого сомнения!

— Поздравляю... э-э-э... невесту его высочества, — сказал и господин Эршеффаль, не желая оставаться в стороне, несмотря на испытываемую им сильнейшую неловкость. — Сердечно рад!..

Но Ашвин, все это время хранивший молчание, покачал головой с печальной улыбкой.

— То, что я предложил Эли свои руку и сердце, — сказал он, вовсе не значит, что она обязана их принять.

— Но разве... — начал было Эршеффаль, вновь закипая от возмущения, становившегося тем сильнее, чем меньше понимал почтенный опекун, — но принц резким жестом пресек эту речь.

— Проклятие пало, — коротко промолвил он. — А весте с ним исчез и прочий... морок.

— Ты знал! — вскричала тут Эли, высвобождаясь из родительских объятий и вскакивая на ноги. — Ты же знал, что я... я...

— Что ты разлюбишь меня, — с едва заметной запинкой произнес Ашвин то, что она сама сказать не решалась. — Разумеется, я знал. Ты сама об этом мне рассказала. И сударыня фея напоследок шепнула мне, что я потеряю тебя навсегда, если скажу вслух, что люблю. Уж очень ей не хотелось, чтобы ее проклятие пало!..

Тут господин Эршеффаль, в изнеможении утирая пот со лба, пробормотал: «Так вот оно что!..» — и был, пожалуй, единственным человеком из всех присутствующих, кому открывшаяся истина принесла сколько-нибудь радости. Даже Маргарета и Одерик, чью величайшую радость, казалось, ничто не может омрачить, переглянулись и вздохнули, с

жалостью глядя на Ашвина. Проклятие феей, хоть и было разрушено до самого основания, все-таки содержало достаточно горького яда, чтобы успеть напоследок изъесть одно людское сердце.

— И ты бы мог промолчать, — Эли смотрела на юношу пристально. — Если бы ты оставил меня при себе...

— Ты бы медленно угасала, — пожал плечами Ашвин. — А я бы стал подлецом, воспользовавшись твоей уязвимостью. Разве возможно поступить так с тем, кого действительно любишь? Я предпочту никогда больше не увидеть тебя — но знать, что ты свободна и счастлива, — чем видеть каждый день, помня о своем обмане. Я отдал бы все за то, чтобы ты меня полюбила, но мне нужна ТВОЯ любовь, а не волшебное наваждение...

Откровенность юноши, говорившего так, словно в комнате больше нет никого, кроме него и Эли, смутила всех прочих так, что они, не сговариваясь, попятились и тихонько вышли вон. Маргарета утирала глаза, Одерик бормотал: «Это и в самом деле славный парнишка, хоть и принц!», а господин Эршеффаль, державшийся из последних сил, чтобы не досаждать воспитаннику в столь деликатной ситуации своим вмешательством, едва выйдя из зала, вскричал в сердцах:

— Эти ваши феи — премерзкие существа!..

— И не говорите, — согласился Одерик.

А Маргарета лишь горько вздыхала, думая о том, что Ашвину до конца его дней предстоит расплачиваться за ее давнюю ошибку — а ведь он, в сущности, просто подвернулся под руку фее!..

— Разве сможем мы быть счастливы, зная, что это оплачено ценой несчастья этого бедного мальчика?.. — вырвалось у нее.

— Проклятие все-таки дотянулось до каждого из нас, — с печалью согласился Одерик. — Нужно отдать должное сударыне фее — она необычайно искусна в злых делах. Даже если разбивается одно доброе сердце — остальные ранятся об его осколки...

Больше к этому прибавить было нечего: кто-то, возможно, и понадеялся бы на чудо, но только не эти измученные напрочь чудесами люди.

Что же ощутила Эли, избавившись от проклятия? О том, как злые чары изводили ее, было сказано так много, что справедливо было бы описать и чувства, охватившие ее после того, как волшебство ушло.

Она и сама хотела бы знать, что именно чувствует — ведь человек, столько дней изнывавший под гнетом чужой воли и навязанных желаний, начинает особенно ценить проявления собственной воли. Со стороны могло показаться, что Эли проявляет несвойственную ей жестокость, молчаливо слушая признания Ашвина. Но на самом деле она лихорадочно пробовала на вкус каждую мысль, каждое вернувшееся к ней ощущение — и голова ее кружилась от восхитительной свободы и полноты чувств.

«Я... я вновь люблю свой дом! — думала она, едва понимая, о чем говорит принц. — Ох, как же я люблю своих родителей!.. Я так соскучилась по ним, и по бабушке... Только бы с ней все было в порядке — наверняка она ужасно расстроилась, когда я пропала! А эти чудесные мыши и крысы — они приходят ко мне, как раньше, и я, кажется, могу вновь часами с ними разговаривать... Скорее бы вернуться в лес и промчаться верхом по тропинке к лисьим норам! Наверняка лисята уже подросли и не узнают меня — ну и пусть, ведь я-то их помню, — тут брови ее сами по себе начинали хмуриться. — Как же я... зла! Я злюсь на эту мерзкую фею за то, что она со мной сотворила! Украла у меня столько чувств, столько времени, столько радостей! И еще меня выводит из себя мысль, что в самое важное время, когда решалась моя судьба, я просто лежала, как дурацкое бревно и хлопала глазами. Все говорили, спорили и что-то делали — одна я просто ждала, пока меня спасут. О, это невыносимо!.. А еще дурацкими мне кажутся эти туфли — от них ноги болят, и я едва могу шаг ступить!..»

Надо ли говорить, что Ашвин, все это время продолжавший печально рассуждать о неизбежности прощания и невозможности быть вместе, был совершенно не готов к тому, что Эли, чертыхнувшись, снимет с себя хрустальные туфельки и яростно вышвырнет их в окно — одну за другой.

— Э-э-эли?.. — с опаской позвал он. — С тобой все в порядке? Я тебя огорчил?..

Но она, словно не слыша его, топнула ногой по полу, затем снова и снова, словно споря с голосами, которые слышны только ей одной — и, возможно, еще мышам и крысам; они распищались так возмущенно и сурово, что посрамили бы и самого господина Эршеффалья.

Но не успел Ашвин спросить, что все это значит, как Эли стремительно подбежала к нему и, обняв, поцеловала в губы. Хотелось бы сказать, что первый поцелуй показался принцу романтичным, но, увы, даже всей фейской магии мира не хватило бы для того, чтобы придать ему должную изысканность: это было чертовски неожиданно, пугающе, да еще и под мышиный писк — и Ашвин был готов поклясться, что кто-то из этой братии ткнул любопытным носом ему в ухо. А где-то в кармане у Эли — не забываем об этом! — пряталась ящерица и бог знает кто еще. И все же это был совершенно чудесный поцелуй, от которого все мысли в голове у принца перепутались

— Пфххх! — вот что получилось сказать у него после всего этого. — Ты что?!.. Зачем?..

Тут девушка улыбнулась и если до того Ашвин мог в глубине души счесть, что у их поцелуя имелись некоторые недочеты, то теперь уж он полностью утратил способность рассуждать о мышах, крысах и ящерицах — так преобразилось и похорошело лицо Эли из-за

этой загадочной, мечтательной и чуть насмешливой улыбки.

— Ох, да неужели тут нужны объяснения? — сказала она. — Ну что ж, слушай Ашвин! Если разобраться, то я никогда в жизни не была влюблена по-настоящему — не считать же любовью эти фейские глупости. Там не было ни капли правды, и вообрази, как ужасно все могло бы сложиться, окажись ты плохим человеком!.. Я бы избавилась от власти чар и поняла, что все это время меня принуждали восхищаться какой-то пустышкой!.. Фу, гадость!.. Но в том-то и дело, что во всем этом нагромождении лжи и чар если и было что-то правдивое и настоящее — так это твои честность и доброта. Слепо любить кого-то по волшебному принуждению — совершенно ужасная и унижительная штука, очнувшись от которой хочется сгореть со стыда. Но я смотрю на тебя и понимаю, что не жалею ни о единой минуте, проведенной с тобой вместе, и не отказываюсь ни от единого слова, сказанного тебе — пусть даже мной тогда распоряжалась магия фей. Но магия ушла — а ты остался таким же, каким мне казался. Даже лучше!.. Все равно, что поскрести фальшивую позолоту — и найти под ней что-то во стократ более ценное! То, что предназначила мне фея, сделало меня самым несчастным человеком в мире — и, следовательно, это и любовью-то называть нельзя. А то, что ты безо всякого морока оказался еще замечательнее, чем это внушала мне магия... это сделало меня счастливой.

И произнеся эту долгую речь безо всякой неуверенности и запинок — вот что бывает, когда поговоришь сам с собой как следует! — Эли счастливо рассмеялась и вновь обняла Ашвина, из-за чего тот разволновался так, что в ответ смог только взмолиться:

— Ох, Эли, я с ума сойду ото всех этих сложностей и объяснений!..

— Что же тут сложного? — воскликнула Эли. — Я ведь поцеловала тебя — уж не думаешь, что я бы поступила так, если бы сама не захотела? Да я в жизни своей теперь не сделаю ничего, к чему меня будут принуждать люди или нелюди, чужое мнение или хитрые чары!.. А если уж я захотела тебя поцеловать... что тебе еще нужно, чтобы разобраться во всем?!

И, наверное, никто не удивится тому, что Ашвину потребовался еще один поцелуй. А затем еще несколько, и каждый из них объяснял все лучше предыдущего — такова уж природа поцелуев.

— Значит, я все-таки тебе нравлюсь! — несколько запоздало заметил Ашвин, когда они окончательно сбились со счета.

— Почти во всем, — ответила Эли, грустно вздохнув.

Лицо Ашвина помрачнело — счастье, обманчиво казавшееся безграничным и затмевающим все на свете невзгоды, исчезло, как невесомые согревающие пушинки, подхваченные порывом ветра.

— Кажется, я знаю о чем ты говоришь, — помедлив, ответил он. — Признаться, мне и самому это не по нраву, — и он, сняв с головы корону, принялся вертеть в пальцах золотой ободок, с неприязнью его разглядывая.

...Увы, дары, получаемые людьми от людей, нередко оказываются такими же тягостными, как милости фей, если не хуже. Как ни пыталось проклятие феи разбить хоть чье-нибудь сердце — ему это не удалось. Настало время короне показать, что в ней тоже заключена жестокая сила, сковывающая людей по рукам и ногам обязательствами — и ничуть не склонная потворствовать сердечным велениям.

— Ты не захочешь покинуть свой лесной край, — сказал Ашвин тихо. — И не будешь счастлива, если отправишься со мной... Мне ли не знать — я и сам не буду там счастлив.

— Но это теперь твой долг...

— Я бы ни за что признал бы его, — воскликнул Ашвин с горечью, — не будь это единственным способом освободить тебя от проклятия!

— Я знаю, — вновь вздохнула Эли.

Юноше хотелось сказать, что никогда еще не ощущал такой несправедливости — ведь на самом деле никто не хотел видеть Ашвина на троне — ни он сам, никогда не мечтавший о власти и почете; ни госпожа Беренис, узнавшая, что он не согласен жениться на какой-то из ее дочерей; ни господин Эршеффаль, привыкший жить в спокойствии и достатке подальше от родных мест и бурных волнений. Прочие и вовсе не подозревали о существовании наследного принца! Казалось бы — откуда тут взяться весу у королевского долга? Однако он был — и немалый. По крайней мере, Ашвин твердо знал, что не сможет попросту сбежать, притворившись, будто ничего в его сиротской жизни не изменилось.

Знала это и Эли — иначе ее взгляд не был бы так печален, — и потому Ашвин не стал ничего говорить, а попросту поцеловал ее еще раз — напоследок.

И, словно узнав откуда-то, что время волшебства окончательно ушло, в двери вошли сразу несколько заспанных слуг, освещающих себе путь тусклыми светильниками. Они недовольно переговаривались между собой, кляня ночной переполох, и были очень удивлены, обнаружив среди зала упоенно целующихся юношу и девушку.

— Это, должно быть, новые гости его светлости! — вполголоса сказал кто-то из челяди.

— В таких-то обносках?

— Чего только не случилось за последние дни!..

И слуги с умеренной любезностью поприветствовали юных оборванцев, впрочем, держась от них на безопасном расстоянии.

— Управляющий разбудил нас и сказал, что слышал звон разбитого стекла, — сказал кто-то из них, обращаясь к гостям. — Не случилось ли здесь чего?

— Наверное, он слышал, как разбились стекла в окнах — их открыло порывом ветра, — вежливо ответил Ашвин, про себя удивляясь тому, что будничным мир все еще существует; ему казалось, что теперь ничего уже не будет прежним — а вот, поди ж ты, сердитые слуги совершенно обычным образом причитают из-за порчи хозяйского добра и спорят, кому же идти за метлой!..

— Пора идти, — нарушила тишину Эли, по лицу которой легко можно было догадаться, что думает она ровно о том же. — Нужно найти... старших и успокоить их — они наверняка думают, что мы сходим с ума от горя!.. Впрочем, мне и в самом деле грустно...

— И мне, — согласился Ашвин. — Но, честное слово, это совершенно не такая грусть, как та, что я испытывал, когда думал, что ты меня совсем не любишь! Тогда я жалел, что это с нами случилось и больше всего хотел, чтобы мы никогда не встречались!.. А теперь... теперь я печален, но ни о чем не жалею...

— И я, — сказала Эли, улыбаясь. — Может нам и не суждено быть вместе, но я так рада, что узнала тебя!

И они, не размыкая рук, отправились на поиски господина Эршеффалья, Одерика и Маргареты, не решившись беспокоить сердитых слуг расспросами.

...Искать долго не пришлось — вскоре они услышали отзвуки разговора и увидели отблески света: хозяин дома, расположившись в своем кабинете, вел горестную беседу с Одериком и Маргаретой, подливая им в бокалы славное старое вино, крепостью не уступающее наливкам, имеющим хождение в лесном крае. Как было сказано выше, никто из

них не верил, что у истории этой возможен сколько-нибудь счастливый исход. Оттого у господина Эршеффалья были красны не только щеки, но и глаза, Одерик молчал с каждой минутой все мрачнее, а бедная Маргарета тихо роняла слезы, отворачиваясь ото всех — но разве могла эта безыскусная хитрость кого-то обмануть?..

Стоило Эли и Ашвину показаться на пороге, как остатки сдержанности улетучились: Маргарета, разрыдавшись, обняла юношу, приговаривая: «Прости, прости меня, милый добрый мальчик!», господин Эршеффаль шумно утер нос кружевным платком, и только Одерiku волнение не помешало заметить, что его дочь держит своего спутника за руку.

— ...Прости, что обрекла тебя на несчастье! — повторяла Маргарета, глядя волосы Ашвина. — Ты этого вовсе не заслужил! Это все я, я виновата!..

— Ох, матушка, но мы вовсе не виним тебя! — воскликнула Эли, обнимая Маргарету. — Если бы не ты — мы бы с Ашвином никогда не встретились!..

— Я буду вечно благодарен вам за это, сударыня, — искренне прибавил к этому Ашвин, и тоже обнял опешившую Маргарету.

— Но... но... — Маргарета с недоумением и надеждой смотрела на них, утирая заплаканные глаза. — Вы хотите сказать...

— Мы хотим сказать, — объявила Эли, — что волшебству не удалось ничего испортить, и мы с Ашвином любим друг друга.

Маргарета охнула, господин Эршеффаль едва не выронил бокал с вином, а Одерик, расхохотавшись до слез, промолвил:

— Какие замечательные дети! Вы только посмотрите на них — влюбляются, как и положено в их возрасте, безо всякой помощи магии! До чего же хорошо, когда обычная жизнь идет своим чередом и чудесам в ней не остается места!..

— Как же я за вас рада, — вскричала Маргарета, тоже смеясь сквозь слезы и расцеловывая в щеки и Эли, и Ашвина. — Вы прекрасная пара, лучшего жениха для Эли я и представить не могу! И вовсе не потому, что Ашвин — принц!.. Ох, как глупа я была, когда думала, что это — самое главное...

— Но мы все равно не можем быть вместе, — перебила ее Эли, и голос ее зазвенел, выдавая то, какой дорогой ценой ей дается спокойствие.

— Именно потому, что я принц, — продолжил Ашвин, невесело усмехнувшись.

— Да что же это такое! — взревел тут господин Эршеффаль, все это вертевший головой, чтобы не пропустить ни слова, и успевший побагроветь до самых кончиков ушей. — Вы опять за свое!..

— Но ей и правда не место в большом городе... в столице... — Ашвин развел руками. — Для Эли такая жизнь — еще хуже проклятия!

— А он не может остаться со мной, потому что у него теперь есть долг королевской крови, — сказала Эли.

И они, понимая улыбаясь, взглянули друг на друга с такой тоской, что Маргарета вновь всхлипнула, а Одерик, оставив в сторону вино, обреченно пробормотал: «Да уж, это еще безнадежнее, чем проклятие!».

В кабинете на некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая только тихим плачем Маргареты. Нарушил ее в конце концов господин Эршеффаль, непрерывно морщившийся, хмуриющийся и постукивавший пальцами о столешницу — то есть, проявляющий все признаки душевного смятения и внутренней борьбы.

— Довольно! — наконец вскричал он, хлопнув по столу ладонью так, что все бокалы и

бутылки зазвенели. — Ну и ночка! Да мне никто не поверит, если я вздумаю об этом рассказать!.. Может, оно и к лучшему...

И с этими словами он, поднявшись с места, шагнул к Ашвину, глядя на юного принца с высоты своего немалого роста.

— Позвольте, ваше высочество, — пророкотал он, — вновь говорить с вами, как со своим воспитанником, а не как с будущим королем.

— Как скажете, почтенный крестный, — ответил Ашвин, склонив голову.

— Возможно кое-кто снова скажет, что я малодушно преследовал свои собственные цели, когда решился дать вам один небольшой совет, — начал господин Эршеффаль, кося взглядом куда-то в сторону. — Но еще возможнее, этот кто-то промолчит, ведь вы теперь для него, скорее, помеха... — и он снова отпил вина, а затем принялся утирать платком лоб.

— Продолжайте, прошу вас, — сказал Ашвин, удивленный не столько крамольностью этих речей, сколько тем, что опекун решил в кои-то веки побыть с ним откровенным.

— Так вот, — господин Эршеффаль мученически вздохнул. — Вы, должно быть, не расслышали, как я пытался воспрепятствовать вашим намерениям, когда вы предлагали руку и сердце юной даме... Поверьте, я делал это вовсе не из злых побуждений — и, к тому же, я не знал, что от этого зависит ее жизнь!..

— Да, пожалуй, мне было не до того, — согласился принц.

— Как бы то ни было, я весьма рад, что вы спасли девочку, — сказал Эршеффаль, и слова эти прозвучали внезапно куда искреннее, чем добрых две трети сказанного им до этого. — Но вам бы следовало знать, что по законам нашего королевства вы, как наследник трона, не имеете права жениться на особах, не состоящих в родстве с королями или же прочими правителями. Эта добрая семья, с которой я был счастлив познакомиться, — он повернулся к Одеруку, утешавшему Маргарету, — достойна всяческого восхищения, но, как мне кажется, вряд ли в их жилах найдется хотя бы одна капля королевской крови!..

При других обстоятельствах Ашвин наверняка бы заявил, что Эли и ее родители в его глазах выглядят достойнее, чем все короли и императоры мира, вместе взятые, но ему начало казаться, что он понимает, куда клонит хитроумный господин Эршеффаль — и потому он промолчал, чувствуя, как сердце забилося быстрее от доброго предчувствия.

— ...И, представьте себе, что бы могло случиться, если бы вы, не зная об этом, скоропостижно женились на неподходящей девушке! — продолжал господин Эршеффаль, покраснев до кончиков ушей от осознания собственной изворотливости, которая, к тому же, могла послужить в кои-то веки доброму делу. — Ужасно! Катастрофа!.. Вы и ваши потомки немедленно лишились бы права на трон — окончательно и бесповоротно. Согласно закону, заметьте!.. И единственное, чем я мог бы вам помочь — так это назначить от своего имени содержание, которого хватило бы на скромную тихую жизнь где-то в лесной глуши...

А пока Ашвин, онемев от восторга, силился что-то сказать, Одерик, переглянувшись с улыбающейся Маргаретой, восхищенно заметил:

— Ну вы и пройдоха, сударь!..

— Мы даем свое родительское согласие! — торопливо прибавила к этому Маргарета. — Пусть женятся как можно быстрее!

— Крестный!.. — вскричал Ашвин, обнимая Эли и кружа ее по кабинету. — Ах, крестный!.. Да вы совершили самое большое чудо в этой истории!..

— Только никогда и никому об этом не рассказывайте, — умоляюще сказал господин

Эршеффаль, оглядываясь по сторонам. — Я давно уже понял, что не желаю входить в историю — ни как герой, вернувший на трон короля, ни как безнравственный подлец, лишивший королевство наследника...

— Я полагаю, госпожа Беренис что-нибудь придумает и трон не будет долго пустовать, — отмахнулся Ашвин. — Наверняка у нее на примете есть кто-то, куда более подходящий на роль правителя!..

И он принялся хохотать так заразительно и искренне, как только может хохотать человек, избежавший чего-то воистину ужасного. Вместе с ним хохотала и Эли, а еще, конечно же, они обнимались и целовались бесчисленное количество раз — не забывайте, что наш герой были совсем юными влюбленными людьми, успевшими за одну ночь несколько раз попрощаться навеки и вновь обрести друг друга!..

* * *

— ...Удивительно! — сказал Одерик, отпив в очередной раз вина, которое разволнованный господин Эршеффаль разливал теперь вдвое щедрее. — Происходило столько всего волшебного, магия была повсюду — куда ни плюнь! — но самое полезное из чудес сотворилось скучнейшим образом — из пресной буквы закона! Господин крестный, вы соединяете влюбленные сердца куда лучше, чем любая фея!

— Чем меньше волшебства — тем лучше! — поддержала его Маргарета, с умилением глядя, как уставшие Эли и Ашвин, так и не разомкнув объятий, задремали, устроившись в уголке дивана. — Все устроилось, как нельзя лучше. Мы будем вечно помнить вашу доброту, сударь, и надеемся, что вы станете частым гостем в лесном крае. Наш дом, разумеется, не сравнится в роскоши с вашим, но мы всегда будем рады вас видеть. Тем более, что мы теперь в некотором смысле породнились. Меня, правда, немного волнует то, что наши дети слишком юны для брака...

— Ох, давай начнем беспокоиться об этом хотя бы начиная с послезавтра, а еще лучше — как вернемся домой и отдохнем как следует после всех этих приключений! — взмолился Одерик. — Дворец господина Эршеффалья прекрасен, а его вино — еще лучше, но я так соскучился по прежней жизни, что больше думать ни о чем не могу! Никогда бы не подумал, что скажу это, но я бы все отдал, чтобы сейчас расцеловать свою почтенную тещу и узнать, что она по-прежнему в добром здравии. Дети живы и счастливы — вот что главное. Чудесный финал ужасной истории... Точнее говоря, наоборот — финал совершенно лишен чудес, и это замечательно! Скажем еще раз спасибо господину Эршеффалю, лучшему из крестных, да не прогневаются сударыни феи на меня за эти слова...

— Вы преувеличиваете мои заслуги, — сказал Эршеффаль, порозовев на этот раз не из-за вина, и даже не из-за волнения, а исключительно от чистосердечного удовольствия с небольшой долей смущения. — Если разобраться, я окончательно испортил эту историю. Вы, как смогли, избавились от волшебной составляющей, а я сделал так, что в ней теперь нет даже принца!..

— Лучше и не придумаешь!.. — хором ответили на это Одерик и Маргарета, а господин Эршеффаль немедленно наполнил бокалы, чтобы успеть выпить за это до рассвета.

Прибавить к этому, пожалуй, нечего, не считая того, что одна крошечная старушка, живущая в старом домике среди яблоневого сада, услышав от пары летучих мышей-сплетниц

про поспешную свадьбу Эли и Ашвина, долго гневалась и колотила поварешкой по котлу с колдовским зельем, пока ядовитая пена не пошла через край.

— Ну что ж, — проворчала она, немного успокоившись. — И все-таки моя взяла! У девчонки не будет особой судьбы, как я и обещала. Выйти замуж за обыкновенного человека и жить с ним счастливо в лесной глуши — что за пошлость! Что за дурновкусие!.. Воистину, они не достойны не только моих милостей, но и мести! Сосредоточусь-ка я на ком-нибудь поинтереснее... Эй, совы! Что там слышно о гордячке Беренис? Поговаривают, она вот-вот сама станет королевой — самое время напомнить ей о нарушенном уговоре и требовать долг!..

...Но, как вы понимаете, Ашвина и Эли, а также всех их родных и близких это все уже совершенно не касалось — они жили совершенно мирно и счастливо. Разве что умение говорить с волшебными созданиями у женщин этого семейства — а рождались в нем по-прежнему почти что одни девочки — никуда не подевалось. Временами они уступали этой неразумной склонности, а их мужьям, зятьям и отцам приходилось как-то с этим мириться. И, надо сказать, никто из них не жаловался.

Или, по меньшей мере, не решался.

Больше книг на сайте - Knigoed.net